

Национальный педагогический университет
имени М.П. Драгоманова

На правах рукописи

УДК 811.161.1:398

ЗОЗУЛЯ Наталия Васильевна

**РОЛЬ ЭКСПРЕССИВНОСТИ РУССКОГО ДЕТСКОГО ФОЛЬКЛОРА
В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА**

10.02.02 – русский язык

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
Иванова Людмила Петровна,
доктор филологических наук,
профессор

Киев –2002

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава I РОЛЬ ПЕСТУШЕК В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА	21
1.1. Пестушки в текстовом аспекте	22
1.2. Лексико-семантический анализ пестушек	26
1.3. Морфологическая характеристика пестушек	30
1.4. Синтаксические особенности пестушек	33
1.5. Фонетический и ритмомелодический анализ пестушек	35
Глава II ПОТЕШКИ КАК ВТОРОЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА	42
2.1. Потешки в текстовом аспекте	43
2.2. Лексико-семантическая и морфологическая характеристика потешек	46
2.3. Синтаксические особенности потешек	51
2.4. Фонетический и ритмомелодический анализ потешек.	55
Глава III ПРИБАУТКИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОСПРИЯТИЯ РЕБЕНКА	63
3.1. Прибаутки в текстовом аспекте	67
3.2. Лексико-семантический и морфологический анализ прибауток	96
3.3. Художественные средства и приемы в прибаутках	107
3.4. Синтаксические особенности прибауток	109
3.5. Фонетический и ритмомелодический анализ прибауток.	118
Глава IV КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ КАК СВЯЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ ВОЗРАСТНЫХ ПЕРИОДОВ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА	132
4.1. Колыбельные песни в текстовом аспекте	132
4.2. Лексико-семантическая и морфологическая характеристика колыбельных песен	149

4.3. Художественные средства и приемы в колыбельных песнях.	158
4.4. Синтаксические особенности колыбельных песен	164
4.5. Фонетический и ритмомелодический анализ колыбельных песен	170
ВЫВОДЫ	186
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	195

ВВЕДЕНИЕ

Одной из актуальных и активно разрабатываемых проблем современной лингвистики является проблема становления языковой личности. Эта проблема охватывает все аспекты языка и находится на стыке наук: психологии, социологии, философии, лингвистики, психолингвистики и др. Во всех случаях объектом исследования выступает личность – человек: он сам и все то, что его окружает. Как невозможно изучать человека вне вербальной коммуникации, так невозможно познать сам по себе язык, «не выйдя за его пределы и не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку с конкретной языковой личности» [113; 249].

Актуальность данной работы обуславливается, с одной стороны, необходимостью изучения роли детского колыбельного фольклора в формировании языковой личности ребенка, а с другой стороны, выявлением его места и значения в процессе обучения родному языку.

Произведения детского фольклора отличаются жанровым и стилистическим своеобразием, специфичной системой образов и художественных средств. В процессе исторического развития в этих произведениях выработались определенные содержание и форма, наиболее соответствующие «детской этике» [11, 35]; они являлись базовой основой в обучении ребенка родному языку и передаче от поколения к поколению национально-культурных и морально-этических норм и традиций посредством языка.

Остается неисследованной роль пестушек, потешек, прибауток, и колыбельных песен как новой ступени в процессе обучения ребенка языку; не описаны характер и значение инвариантной части языковой картины мира, не изучены грамматико-парадигматические, семантико-синтаксические и ассоциативные отношения, т.е. не раскрыты механизмы формирования «вербальной сети», не вычленены наиболее актуальные стандартные стереотипы, выступающие как своеобразные «паттерны» и клише, не показана роль семантических полей, ассоциативно-семантических формул и рядов, а также не

отражены эмоциональные и экспрессивные факторы, играющие важную роль в процессах обучения.

Связь работы с научными программами, планами, темами. Тема диссертации связана с научным направлением Национального педагогического университета имени М.П. Драгоманова «Исследования проблем гуманитарных наук», входит в план научных исследований кафедры русского языка, является составной частью комплексной темы «Проблемные вопросы языкознания».

Целью диссертационного исследования является установление специфики средств и приемов экспрессивности русского детского фольклора и его значения для активизации когнитивных процессов в развитии ребенка, выяснение роли пестушек, потешек, прибауток и колыбельных песен в поэтапном комплексном формировании языковой личности.

Реализация поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- 1) проанализировать пестушки, потешки, прибаутки, колыбельные песни на:
 - текстовом;
 - лексико-семантическом;
 - грамматическом;
 - фонетическом;
 - ритмомелодическом уровнях;
- 2) исследовать средства и приемы создания экспрессивности, используемые в каждом изученном жанре и участвующие в формировании и усвоении грамматико-парадигматических, семантико-синтаксических отношений, выработке традиционных стереотипов;
- 3) установить роль и место русского детского фольклора в структуре формирования языковой личности ребенка;
- 4) описать инвариантную часть языковой модели мира и ее роль в обучении и развитии ребенка.

Объект анализа - пестушки, потешки, прибаутки и колыбельные песни.

Предмет исследования – текстовые, лексико-семантические, грамматические, фонетические и ритмомелодические средства и приемы

создания экспрессивности в пестушках, потешках, прибаутках и колыбельных песнях.

Метод исследования. В исследовании применяется описательный метод и элементы симптоматического статистического анализа.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней произведения детского колыбельного фольклора впервые являются объектом многоаспектного анализа с позиции изучения средств и приемов создания экспрессивности (на фонетическом, лексико-семантическом, текстовом и грамматическом уровнях) с целью установления ее роли в активизации когнитивных и психолингвистических процессов и значения каждого жанра в комплексном динамичном становлении языковой личности ребенка за счет национальной специфики, отразившейся в фольклорных текстах как одной из древнейших форм языковой модели мира.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что на ее основе возможно продолжение исследования произведений русского колыбельного фольклора в текстовом, лексико-семантическом, грамматическом, фонетическом и ритмомелодическом аспектах. Впервые каждый анализируемый жанр (пестушки, потешки, прибаутки, колыбельные песни) рассматривается как этап в развитии языковой личности ребенка. Выводы диссертационного исследования имеют значение для дальнейшего изучения процессов формирования языковой личности. Результаты работы могут дополнить положения теории психолингвистики, теории познания и теории текста.

Практическая значимость исследования состоит в том, что результаты работы могут найти практическое применение в процессе чтения курсов лексикологии и грамматики, спецкурсов в высшей и средней школе, а также курсов психолингвистики, стилистики, фольклористики, лингвокультурологии, лингвистики текста.

Материалом данного диссертационного исследования явилась «поэзия пестования» (в количестве 153 единиц) как составная часть русского детского фольклора, извлеченная из сборников:

1. Виноградов Г.С. Русский детский фольклор. – Иркутск, 1930;

2. Детский поэтический фольклор. Антология // Сост. Мартынова А.Н. – Санкт-Петербург: РАН ИРЛ, 1997;

3. Капица О.И. Детский фольклор. – Л., 1928;

4. Мельников М.Н. Русский детский фольклор. –М.: Просвещение, 1987;

Выбор материала обоснован тем, что произведения детского фольклора играют важную роль на первых ступенях познания ребенком окружающей действительности, а отраженная в них языковая модель мира формирует основы морально-этических и культурно-национальных традиций. Выбор объясняется следующим:

1. Произведения детского фольклора репрезентируют коллективную языковую личность с отраженной в ее структуре наивной языковой моделью мира, в которой аккумулируются морально-этические и культурные традиции нации.

2. Произведения детского колыбельного фольклора используются народной педагогией для обучения родному языку.

3. Детский фольклор точно соответствует возрастным психическим особенностям ребенка, а комплексная система средств и приемов способствует максимально эффективному восприятию и усвоению предлагаемого материала.

Произведения детского фольклора исследуются строго по жанрам, каждый из которых имеет четко выраженные жанровые особенности, соответствует определенному возрасту ребенка и реализует конкретные задачи народной педагогики.

Пестушки вводятся на первом году жизни ребенка и сопровождаются физическими упражнениями, необходимыми для здоровья и развития ребенка.

Потешки представляют собой игры взрослых с детьми с участием всех частей тела, они приходят на смену пестушкам и применяются на втором и третьем годах жизни ребенка.

Завершают процесс подготовки ребенка к вступлению во взрослую жизнь **прибаутки**, которые вводятся на 3-4 годах жизни и применяются до 6-7-летнего

возраста, когда ребенок уже достаточно хорошо владеет разговорной речью, чтобы понимать и быть понятым.

Колыбельные песни сопровождают ребенка с первых дней жизни и до конца колыбельного периода (0-7 лет).

Таким образом, произведения детского колыбельного фольклора формируют также и коммуникативные навыки.

Логика развития научных знаний предполагает двунаправленное рассмотрение проблемы языковой личности: 1) от языка к языковой личности, 2) от языковой личности к языку. В первом случае личность выступает как потребитель языка, а сам язык (текст) рассматривается как средство познания окружающего мира: он формирует интеллектуальный потенциал, закладывает морально-этические и культурные основы личности. Во втором случае личность выступает как творец языка, а сам язык репрезентирует интеллектуальный и культурный уровни, способности как конкретного индивида, так и целого народа, в нем концентрируется весь его прошедший опыт.

Речь, речевая деятельность человека до конца XX столетия являлись предметом изучения преимущественно психологии. В центре внимания находились некогнитивные аспекты исследования (эмоциональные характеристики, воля). Интеллект и способности оставались вне сферы анализа. Начиная с 30-х годов исследования языковой личности развиваются в 3-х направлениях: а) психолингвистическом, б) лингводидактическом; в) стилистическом.

В трудах представителей Казанской и Харьковской лингвистических школ, заложивших основы современной психолингвистики, языковая личность рассматривается как синтезатор социально-языковых форм и норм языка коллектива, как точка пересечения различных социально-языковых категорий. Проблема индивидуального творчества в данный период практически не рассматривается.

Современная психолингвистика сосредоточилась на речевой деятельности в узком смысле, т.е. на механизме порождения и восприятия речи [65; 178; 238].

Наиболее разработанным в плане понятия «языковой личности» является лингводидактический аспект, предполагающий преподавание родного языка в неразрывной связи с личностью обучаемого. «Родной язык так сросся с личностью каждого, что учить оному значит вместе с тем развивать духовные способности учащегося» [38, 7].

Дальнейшее развитие лингводидактики выработало многослойную и многокомпонентную схему языковой личности, представляющей синтез ее языковых способностей, умений, готовности к осуществлению речевых поступков разной степени сложности, классифицирующихся, с одной стороны, соответственно видам речевой деятельности (говорение, аудирование, письмо и чтение), а с другой стороны, соответственно уровням языка (фонетика, грамматика, лексика). Лингводидактические представления отличались двумя особенностями: а) языковая личность представлялась как *homo loquens*, а способность пользоваться языком считалась родовым свойством человека (без учета национальной специфики); б) акцент в изучении делался на синтезе, а не на анализе с ориентировкой на генезис языковой личности. В последние десятилетия в исследованиях этого направления все больше внимания уделяется национальной специфике личности [63; 113; 168; 169; 247; 254].

Совершенно новое направление в изучении заданной проблемы было предложено в 30-х годах нашего столетия В.В. Виноградовым, который исследовал язык художественного текста (произведения) во всей его сложности и многообразии, считая, что такой подход дает более широкие возможности для анализа [50; 52; 53]. В обобщениях В.В. Виноградова заложена главная идея о соотношении и взаимодействии в исследуемом произведении языковой личности, художественного образа и образа автора.

Наиболее фундаментально проблема языковой личности разработана в трудах Ю.Н. Караулова [113]. Автор продолжает разработку лингводидактического аспекта, уделяя должное внимание национальной специфике русской языковой личности, он предлагает принципиально новую трехуровневую систему ее формирования, отражающую общую тенденцию в

области социальных и гуманитарных наук. Указанная система коррелирует с аналогичными понятиями в культурной антропологии, особенность ее заключается в том, что, соединяя сведения об устройстве языка, о языковой структуре с видами речевой деятельности, указанная модель представляет языковую личность в ее становлении, развитии, движении от одного уровня к другому, более высокому.

По мнению Ю.Н. Караулова, полное описание языковой личности в целях ее анализа или синтеза предполагает: а) характеристику семантико-структурного уровня; б) реконструкцию языковой модели мира, или тезауруса данной личности; в) выявление ее жизненных или ситуативных доминант, установок, находящихся отражение в текстах.

На каждом из трех предложенных Ю.Н. Карауловым уровней структура языковой личности складывается изоморфно из специфических типовых элементов: а) единиц соответствующего уровня, б) отношений между ними и в) стереотипных их объединений, особых, свойственных каждому уровню комплексов.

Таким образом, на нулевом, вербально-семантическом уровне в качестве языковых единиц фигурируют лишь отдельные слова, а отношения между ними охватывают все разнообразие их грамматико-парадигматических, семантико-синтаксических и ассоциативных связей, совокупность которых суммируется единой «вербальной сетью». В качестве стереотипов выступают наиболее активные стандартные словосочетания, простые формульные предложения, которые репрезентируют своеобразные «паттерны» и клише.

На лингво-когнитивном уровне в качестве этих единиц следует рассматривать обобщенные (теоретические или обыденно-жизненные) понятия, крупные концепты, идеи, выразителями которых оказываются различные слова, в том числе нулевого уровня, объективирующиеся дескрипторно. Отношения между этими единицами – подчинительно-координативного плана – тоже принципиально изменяются и выстраиваются в упорядоченную, в какой-то степени отражающую структуру мира, а известным аналогом этой системы может

служить обыкновенный тезаурус. В качестве стереотипов на данном уровне выступают устойчивые стандартные связи между дескрипторами, находящие выражение в генерализованных высказываниях, дефинициях, афоризмах, крылатых выражениях, пословицах и поговорках.

Высший мотивационный уровень устройства языковой личности более подвержен индивидуализации и потому менее ясен в своей структуре. Ориентация единиц на данном уровне должна быть прагматической, и поэтому следует говорить о коммуникативно-деятельных потребностях личности.

В нашем исследовании трехуровневая система языковой личности, предложенная Ю.Н. Карауловым, принята в качестве исходной, прежде всего потому, что ученый рассматривает не языковую личность вообще, а конкретно русскую, выделяя в ее структуре ядерную инвариантную часть в общезыковой картине мира. Понятие «инвариантная часть» [113, 38] расценивается как аналог или коррелят существующего в социальной психологии понятия базовой личности, под которым понимается структура личности (установки, тенденции, чувства), общая для всех членов данного общества и формирующаяся под воздействием семейной, воспитательной, социальной среды.

Таким образом, инвариантная часть включает в себе признаки этнического самосознания, в основе которых лежат: общность языка, эмоциональных и символических связей; культурных ценностей и традиций; исторических судеб; происхождения; территории.

Перечисленные выше особенности позволяют Ю.Н. Караулову поставить знак равенства между понятиями «инвариантное» и «национальное» по отношению к языковой личности, в структуре которой инвариантное - национальное выступает как менее изменяемая, базовая (противопоставленная переменной, вариантной) часть, пронизывающая все уровни языка. На нулевом уровне инвариантная часть репрезентирует «комплекс структурных черт» общенационального (общерусского) языкового типа в фонологии, морфологии, синтаксисе, стилистике и лексике, а также устойчивую часть вербально-

семантических ассоциаций, обеспечивающих возможность взаимопонимания всех носителей данного языка.

На лингво-когнитивном уровне базовой выступает инвариантная часть языковой модели мира; на мотивационном - порождаемые мотивами и целями устойчивые коммуникативные потребности и черты, способные удовлетворить эти потребности, типологизирующие специфику речевого поведения и информирующие о внутренних установках, целях и мотивах личности. Следовательно, инвариантная часть языковой картины мира носит печать национального колорита и вместе с вариантной частью входит в понятие «языковая личность».

Таким образом, понятия «языковая картина мира» и «языковая личность» тесно взаимодействуют и дополняют друг друга: в центре языковой картины мира стоит человек, его материальная и духовная жизнедеятельность и все то, что его окружает [249], с другой стороны, языковая модель мира лежит в основе каждого языка и способствует процессам формирования языковой личности; она обязывает говорящего организовывать содержание высказывания в соответствии с этой моделью [226].

Проблема языковой модели мира в наивном, научном, мифологическом аспектах активно исследуется современными лингвистами [9; 42; 108; 226; 249; 264] и определяется как «выработанное многовековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира, в своем строении и в осуществляемых языком связях своих частей представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность и, во-вторых, все то, что его окружает: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социум» [249, 15].

Исследованные в данной диссертационной работе тексты репрезентируют наивную картину мира, которую принято интерпретировать как «отражение обиходных (обывательских, бытовых) представлений о мире» [9; 226; 264]. Иными словами, в наивной картине мира отражены обычные житейские

представления о том или ином объекте (ситуации). Человек мыслится в ней как динамичное, деятельное существо, выполняющее три различных типа действий – физические, интеллектуальные и речевые.

Акцентирование внимания на различных аспектах языковой картины мира важна при изучении становления русской языковой личности и позволяет сделать выводы как об основополагающих заповедях наивно-языковой этики, отражающих прописные истины, закрепленные в значениях слов [9], так и об особенностях национального характера, отраженных в лексике, морфологии, синтаксисе [42].

Таким образом, языковая модель мира репрезентирует человека, «его самого, его жизнедеятельность и ее плоды» [249, 13], отражает особенности национальной специфики [42] и играет важнейшую роль в формировании языковой личности [113].

Практически неразработанным в лингвистике остается вопрос о когнитивных процессах комплексного формирования русской языковой личности ребенка и о роли средств и приемов экспрессивности в ходе этих процессов.

Следует обратить внимание и на то, что языковая личность не является частно-аспектным коррелятом личности вообще (как правовая, экономическая и др.): она углубляет, развивает, насыщает дополнительным содержанием данное понятие. Однако некогнитивные аспекты личности, такие как эмоциональность, воля, являются базовыми при формировании языковой личности вообще и ребенка в частности и обуславливают высокую степень экспрессивности в процессе обучения. В данной работе экспрессивность текста рассматривается как понятие более широкое, включающее в себя также и эмотивность [67].

Таким образом, главная роль в реализации когнитивных процессов формирования языковой личности ребенка принадлежит экспрессивности.

В основе всех концепций экспрессивности лежит «аффективная» теория стилистики Ш. Балли [20, 33], предполагающая двойственный подход к изучению данной проблемы: 1) от языковой сущности к ее реализации в языке; 2) от текста к выделению экспрессивно окрашенных средств в их контекстуальных связях. В

основу собственно стилистики Ш. Балли положил понятие эмоциональной окраски экспрессивных факторов, из которых складывается экспрессивная система языка, базирующаяся на качественных (с субъективной оценкой) и количественных (основанных на интенсивности) различиях.

В свете теории Ш. Балли возникло множество разнообразных концепций и взглядов на проблему экспрессивности как на: 1) стилистический феномен [4; 11; 204]; 2) семантический феномен [43; 149]; 3) функциональный феномен [193; 263]; 4) функционально-семантическую категорию [215].

Наиболее давнюю традицию имеет рассмотрение экспрессивности как стилистической проблемы, так как стилистика ранее других разделов языкознания обратилась к исследованию динамичного состояния языковой системы и к проблемам анализа целостного текста. В центре ее внимания находились закономерности выбора средств, способных удовлетворить ту или иную интонацию говорящего индивида как субъекта речи. Именно в стилистических студиях был сохранен интерес к речевой деятельности, в то время как в лингвистике основное внимание уделялось языку. Из всех направлений стилистического подхода (стилистика языка, функциональная стилистика) актуальной для данного исследования является стилистика индивидуальной речи, ставящая во главу угла анализ текстов, создаваемых определенной языковой личностью.

В задачи работы входит комплексное рассмотрение экспрессивности текста, сложившееся в отечественной науке под влиянием идей [56] В.В. Виноградова [56] и В.Н. Телии [212] и получившее развитие в исследованиях отечественных психолингвистических и прагматических школ. Согласно этой концепции, экспрессивность рассматривается не как свойство языковых единиц и потенциалов языка [149; 248], а как некая совокупность отобранных автором предметных ситуаций, облеченных в вербальную форму, пропущенных сквозь призму авторского сознания, его личность, намерения и ориентированных на сознание и личность реципиента. Экспрессивная функция текста в данном случае реализуется лишь в процессе коммуникации, предусматривающей следующие

отношения: 1) текст – объект действительности; 2) текст – автор; 3) текст – реципиент; 4) текст – язык [158]. Как справедливо отмечает В.Н. Телия, «экспрессивность действует через механизм языка, но ее эффект проявляется только в речи, выходя за рамки слова и словосочетания в текст» [215, 11].

Экспрессивность текста – явление сложное и многогранное, представляющее интегральный результат действия целого ряда факторов: денотативного аспекта содержания текста; эмотивного, оценочного и образного планов; интенсивности, стилистической маркированности; структурного и композиционного оформления, а также подтекстового фона.

Таким образом, экспрессивность выступает как некий суммарный итог, полученный в результате взаимодействия ряда субъективно ориентированных функций языка, целью которых является эмоциональное воздействие на адресата.

Из выше изложенного следует, что такая возрастная особенность психики ребенка, как отсутствие волевого начала в восприятии окружающего мира [201], для усвоения предложенного материала требует многократных повторов; невозможность длительной концентрации внимания на одном объекте требует динамичности изложения; раннее восприятие ритма, несложной мелодии обуславливает эффективность напевности, ритмичности текстов и т.д.

Проблема овладения языком является одной из ведущих в психолингвистике. Вопрос о существовании врожденных знаний затрагивали и В. фон Гумбольдт [75], и А.А. Потебня [183], и Н. Хомский [231] и др. По мнению Н. Хомского и Дж. Каца, в сознании какого-либо носителя языка существует некое устройство, которое обеспечивает усвоение языка. Устроен он как врожденная структура: ребенок имеет врожденные знания, высказывая их в виде гипотез [231, 24].

Согласно концепции А.Р. Лурии [150], языковая компетентность (способность) и применяемость языка (языковая активность) появились не сразу. Корни языка проявляются в конкретных человеческих действиях, в процессах, в которых отражается внешняя действительность.

Проблемы овладения языком были детально исследованы в трудах Ж. Пиаже [178], А.М. Шахноровича [247], Е.И. Негневицкой [168] и др. А.М.

Шахнорович считал, что компоненты языка усваиваются ребенком в процессе общения на основе предметной деятельности. Развитие речевой способности (компетентности) является взаимодействием процесса общения взрослых и ребенка, процесса, который осуществляется поэтапно, с одной стороны, и процесса развития предметной и познавательной деятельности младенца.

Как свидетельствуют исследования, развитие языковой способности ребенка имеет три этапа. Первый этап – доречевой, который соответствует первому году. Первые четыре месяца называют периодом гуления, которое является реализацией случайной программы развития голоса. В этот период младенец не воспроизводит звуки речи, у него нет артикуляции. Внешне гуление является фонацией дослогового типа, монотонной вокализацией, напоминающей воркование голубя. После четвертого месяца наступает период лепета, когда появляются эквиваленты слов – последовательность слогов с единой артикуляцией и хореическим ударением (на первом слоге). Чаше выговариваются двойные слоги. На этом этапе работает мускулатура речевого аппарата и начинает работать слуховой анализатор. Воспроизводимые звуки младенца не имеют предметной соотнесенности – они лишь выражают определенные потребности и оценку. В шесть месяцев в лепетании малыша начинают четко проявляться фонетические особенности языка, на котором разговаривают взрослые, окружающие ребенка. Словарю младенца присущи также звукоизобразительные элементы («гав-гав», «би-би», «мям-мям» и др.), которые, по мнению А.М. Шахноровича [247], отображают фундаментальную черту первых наименований: стремление приблизить звуковую форму к предмету или явлению, которое оно называет. Первые слова появляются приблизительно в 8-10 месяцев. В первый период у детей возникает релевантная артикуляция, синтагматическая фонетика, стремление воспроизвести слова, ассимиляция согласных по месту образования. Ребенок начинает познавать слово, использовать его, что способствует распознаванию фонемы. Именно на данном этапе появляются пестушки.

Второй этап отмечается первичным овладением языка. Соответствует он второму году жизни. В этот период развивается парадигматическая фонетика – отождествление слов, похожих по звучанию. Начиная с полутора лет активно пополняется словарь, появляются первые двучленные предложения, грамматические противопоставления. Указанному этапу соответствуют потешки.

Третьему периоду развития речи, который соответствует третьему году жизни, присуще активное усвоение грамматики, т.е. парадигматической грамматики – разделению морфем и образованию новых. В этот период начинают использоваться прибаутки.

Таким образом, на третьем году жизни формируется речевая способность, которая постепенно трансформируется в навыки владения языком: знания орфоэпических правил, словоизменения и словообразования, грамматической систематизации слов, понятий о предложении, словосочетании, стилистические правила использования языковых средств, а со временем – умение пользоваться сокровищами языка в разных коммуникативных ситуациях. Обрамляют все три этапа онтогенеза речи колыбельные песни.

В аспекте данного исследования значимым представляется изучение специфики и значения средств и приемов экспрессивности в когнитивных процессах комплексного формирования языковой личности ребенка на примере произведений детского колыбельного фольклора [61; 29; 111; 161; 82], так как в «фольклористике детства» нашла отражение коллективная языковая личность [113; 169; 223], репрезентирующая национальное сознание, мировоззрение и на протяжении многих столетий являющаяся фактически единственной базой в формировании русской языковой личности ребенка и передаче морально-этических и культурных традиций от поколения к поколению.

Как отмечал Г.С. Виноградов, весь детский фольклор вызван к жизни едва ли не исключительно «педагогическими надобностями народа» [60, 43]. По мнению ученых, в детском фольклоре четко прослеживается формообразующая роль внеэстетических, в первую очередь, педагогических функций, из чего следует, что

изучение данных произведений вне связи с народной педагогикой непродуктивно и неправомерно [48; 111; 161].

Произведения детского фольклора начали собирать и изучать с середины прошлого столетия [79; 101; 29]. В 1868 году вышел первый сборник поэзии «Детские песни» П.С. Бессонова [29]; в 1900 г. в сборнике «Русские народные песни» П.В. Шейн выделил детские песни в особый раздел, куда сначала вошло 122, а позднее 285 текстов.

Под термином «детский фольклор» объединяется две группы произведений: 1) произведения, созданные взрослыми для детей («поэзия пестования»); и 2) произведения, созданные непосредственно детьми.

Мнения ученых по этому поводу несколько расходятся: так, Г.С. Виноградов [61], например, не включал «поэзию пестования» в категорию детского фольклора на том основании, что она не была создана непосредственно детьми; другие ученые [48; 111; 161] рассматривали «поэзию пестования» как проявление детского фольклора на том основании, что данные произведения создавались специально для детей, сопровождали их от рождения до вступления во взрослую жизнь (по русским национально-культурным традициям того времени - 6-7 лет), они максимально отражали этические пристрастия ребенка и соответствовали особенностям возрастной психики [48; 161; 246], а также служили развивающим, обучающим и воспитательным задачами народной педагогики. В соответствии с концепцией А. Ветухова [48], О.И. Капицы [111], М.Н. Мельникова [161], А.Н. Мартыновой [82], мы выделяем следующие жанры русского детского фольклора: пестушки, потешки, прибаутки и колыбельные песни. Исследователи детского колыбельного украинского фольклора жанр пестушек не выделяют [84].

Наиболее изученным в сфере детского колыбельного фольклора является вопрос о его зависимости от конкретных (развивающих, обучающих и воспитательных) целей и задач народной педагогики (термин Виноградова Г.С.); частично исследован характер и происхождение образов (особенно антропологических и исторических); специфика художественных

образов; определенное внимание уделялось характеру лексики, некоторым морфологическим особенностям детского фольклора [48; 111; 161]; специфике функционирования экспрессивных средств и соответствия возрастным психическим особенностям ребенка посвящено исследование К.И. Чуковского «Заповеди детских поэтов» [246].

На основании исследования произведений детского фольклора и личных наблюдений за детьми автор выявил целую систему приемов экспрессивности, наиболее эффективных для детской поэзии. Среди них: 1) графичность; 2) близость к экикикам, в основе которых лежит моторика; 3-4) ритмичность: радостно-эмоциональная интонация; 5) высокая степень музыкальности; 6) законченность темы каждой строки; 7) минимальный набор прилагательных, количественное превалирование глаголов и существительных и др.

Неизученным остается вопрос о месте детского колыбельного фольклора в комплексном формировании языковой личности ребенка и о роли экспрессивности в этом процессе, что обуславливает научную новизну диссертационной работы.

Апробация и внедрение работы. Основные положения и результаты исследования сообщались в докладах и выступлениях на итоговых научных конференциях преподавателей и аспирантов кафедры русского языка Национального педагогического университета имени М.П. Драгоманова (1996 - 2002 гг.); на международных научных конференциях «Язык и культура» (Киев, 1998, 1999 г.г.).

Материалы диссертационного исследования были использованы в процессе преподавания зарубежной литературы ученикам 5-х классов средней общеобразовательной школы № 24 г. Киева (справка о внедрении № 19 от 20.08.2002 г.) и в изучении фольклора студентами I курса и лингвистического анализа художественного текста студентами V курса Национального педагогического университета им. М.П. Драгоманова (справка о внедрении № 04-10/924 от 27.08.2002 г.).

По теме диссертации **опубликованы** следующие работы:

1. Поэтика материнской любви. Особенности изучения детского фольклора на уроках литературы // Русская словесность в школах Украины. - 1999, - №3.

2. Языковые средства создания экспрессивности в детской литературе (на материале произведения В. Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо» // Система і структура східнослов'янських мов: Зб. наукових праць. – К., 1999.

3. Роль фольклора в формировании ребенка (на материале потешек) // Наука и сучасність: Зб. наукових праць. – К., 1999.

4. Средства создания экспрессивности в произведении Тютчева «Вешние воды» // Русский язык и литература в учебных заведениях. - 1999, №3.

5. Аккумуляция национально-культурных традиций в детском фольклоре (на материале пестушек) // Язык и культура: Тез. докл. науч. конф. – К.: ИМО КНУ им. Т. Шевченко. - К., 2000.

6. Прибаутка как жанр, формирующий языковое сознание ребенка // Наука и сучасність: Зб. наукових праць. – К., 2001.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав, выводов и списка использованной литературы.

ГЛАВА I

РОЛЬ ПЕСТУШЕК В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА

Пестушки представляют собой начальный этап в формировании языковой личности ребенка. Название жанра определяется его характером и происходит от мотиванта «пестовать-нянчить, носить на руках, воспитывать, холить, ходить за ребенком» [79,262].

Впервые в отдельную группу пестушки выделила О.И. Капица [111], ее точку зрения поддержал В.П. Аникин [7].

Данные произведения входят в жизнь ребенка с первых месяцев и сопровождают его, как правило, до конца первого года, т.е. они относятся к первому периоду онтогенеза – доречевому. По мнению ученых, пестушки выполняют строго определенную бытовую функцию: они являются сводом

приемов физического воспитания, вербально оформляя физические упражнения, необходимые для здоровья, и являясь вспомогательным приемом напоминания матери, когда и как необходимо проделывать ту или иную процедуру и как дозировать время [48; 111; 161].

Практически все исследователи пестушек отрицают наличие учебного элемента в данном жанре. Такой вывод представляется не совсем правомерным. На протяжении первого года жизни ребенок делает огромный скачок в овладении языком (от воспроизведения звуков до формирования минимального лексического запаса) и в выработке умения соотносить языковой знак с реалиями внеязыковой действительности.

Пестушки звучат в момент наибольшей активности ребенка, которая стимулируется физическими упражнениями. Главной особенностью жанра является его мажорность, так как, согласно требованиям народной педагогики, чтобы воспитать здорового, любознательного человека, необходимо в часы бодрствования поддерживать в нем радостное настроение. Поставленные цели реализуются опосредованно через приятные ощущения от касания материнских рук при массаже, свободного движения ручек и ножек, а также от общения с матерью: ее эмоциональное состояние (любовь, ласка, нежность) является своеобразной «коммуникативной установкой» [49] для ребенка (речь идет о каузации, т.е. «внушении» малышу положительных эмоций, что в свою очередь придает коммуникации мелиоративный характер). Эти первые впечатления фиксируются в памяти ребенка и формируют положительное отношение ко всему дальнейшему процессу обучения.

В данной работе на материале детского фольклора анализируется ряд текстовых категорий, которые обуславливают лексические и грамматические единицы, а из них вычленяются фонетические.

1.1. Пестушки в текстовом аспекте.

В природе пестушек заложена эмоциональность, которая способствует активизации процесса овладения ребенком родным языком.

Все тексты пестушек классифицируются по целевому назначению:

1) Массаж тела ребенка (пестование как таковое):

<i>Куй, куй, ковалек,</i>	<i>Подай подковку.</i>
<i>Подкуй чеботок.</i>	<i>Подай молоток</i>
<i>На маленькую ножку</i>	<i>Подковать чеботок.*</i>
<i>Золоту подковку.</i>	

2) Обучение сознательному движению руками (разведение ручек ребенка):

<i>Лунь плывет,</i>	<i>Да опять полетели.</i>
<i>Лунь плывет,</i>	<i>Уты, уты полетели</i>
<i>Лунь плывет.</i>	<i>На головку сели,</i>
<i>Уты, уты полетели,</i>	<i>Сели, сели, посидели</i>
<i>На головку сели.</i>	<i>Да опять полетели.</i>
<i>Сели, сели посидели</i>	<i>Уты, уты, уты...</i>

*Пунктуация в текстах соответствует расстановке знаков препинания в оригиналах.

3) Укрепление опорно-двигательных функций (тренировка ножек, обучение ходьбе, прыжкам):

<i>Тра-та-та, тра-та-та!</i>	<i>Водит кошку за лапочки;</i>
<i>Вышла кошка за кота..</i>	<i>Топы, топы по лавочке,</i>
<i>Кот ходит по лавочке,</i>	<i>Цапы, цапы за лапочки.</i>

4) Преодоление страха высоты, тренировка вестибулярного аппарата (качание ребенка вверх и вниз):

А тпру, тпру, тпру!
А тпру, тпру, тпру!
Не вари кашу круту,
Вари жиденькую,
Вари мяконькую.

5) Утешение с приговором (при купании, при ушибе):

У лисы боли,

У волка боли,

У Николаши боль

На березку в лес улетит.

б) Стимулирование речевой деятельности ребенка (когда ребенок гулит):

Ах, поет, поет Соловушка!

Ах, поет, поет молоденький.

По своему объему пестушки представляют собой небольшие (от 2 до 8 строк) тексты, включающие разного рода повторы (слов, строк, звуков). Как правило, пестушка - это один небольшой сюжет, сформированный в простом распространенном или сложносочиненном предложении и сопровождающий какое-либо действие ребенка.

Для пестушек характерна форма монолога, так как монолог наиболее соответствует психическому складу ребенка. Диалог встречается крайне редко (из 29 рассмотренных текстов только один), потому что к эксплицитным диалогам ребенок еще не готов: он в состоянии только воспринимать непродолжительную речь.

Интонационно пестушки выдержаны в мажорных тонах, конец предложения, как правило, передает восходящую интонацию. Тексты несут положительный эмоциональный накал, так как наполнены материнской любовью и нежностью, выражаемыми с помощью лексических и интонационных средств.

Следует отметить, что в текстах пестушек отражаются все стороны быта и жизни крестьянской семьи, это усиливает конкретно-познавательный эффект и эмоциональность жанра. Номинируется только знакомое ребенку, только то, что можно подкрепить зрительно.

Тексты пестушек способствуют первичному знакомству с окружающим миром, несут информацию о нем; основная нагрузка ложится на слово, и именно оно должно содержать экспрессию. Таким образом, с первых месяцев жизни ребенок опосредованно вводится в мир трудовых процессов через представленные в текстах денотаты. В сознании ребенка формируется отношение к труду как к основной морально-этической ценности жизни.

Усилению значимости слова, его экспрессивности в пестушках способствуют разнообразные повторы. В отличие от повторов в колыбельных, определяемых характером напева, в пестушках (как произведениях, которые в основном скандировались, а не пелись) повторы представляют собой явление ритмическое, способствующее активному восприятию общей семантики текста, формированию лексического запаса, напр.: *Куй, куй ковалек; Уты, уты петушок; Стой дыбки, Стой дыбки; Пили, пили пила и др.*

Прием захвата с нарастанием, характерный для колыбельных песен, в пестушках наблюдается только один раз, и природа его несколько иная: он вызван не характером напева, т.е. повтором или развитием мелодии: *Гуси летели, лебеди летели, Гуси летели, лебеди летели, На головку сели. Сели, сели, посидели. Да опять полетели*, - а акцентированием внимания на лексеме «сели» и ее контекстуальном антониме «полетели». Многократный повтор глагола сели (3 раза) и изменение его формы «посидели» (указывающей на продолжительность протекания действия), а также интонация конца предложения фиксируют статичность ситуации. Следующая конструкция переключает внимание ребенка на контекстуальный антоним «полетели», создавая эффект динамичности в развитии ситуации, и является эмоциогеном для ребенка. Такое построение способствует усвоению вербальных понятий «сели – полетели» (как статичного и динамичного процессов), соотносящих языковое значение с конкретными действиями, ср.: *На головку сели. Сели, сели, посидели. Да опять полетели.*

Следует отметить характерный для пестушек синтаксический параллелизм структуры, который также стимулирует процессы запоминания ребенка, ср.: *На горе – стручки, Под горой - лопатки; Вода текучая, Дитя растучее.*

На текстовом уровне данные конструкции способствуют образному, а, следовательно, более эффективному восприятию определенных понятий, как правило, абстрактных, развитию интеллекта ребенка. В некоторых случаях параллельные конструкции образуют антитезу, напр.: *У кошки боли, У собачки боли, У лошадки боли, А у Ванюшки не боли; Большие ноги шли по дороге – Маленькие ножки Бежали по дорожке.*

Таким образом, уже в столь раннем возрасте ребенку предлагаются тексты, в которых заложены основы ассоциативного мышления и мышления по аналогии: называется орган человеческого тела и его назначение (*в ручки-фатунюшки, в ножки-ходунюшки, в роток-говорок, в головку-разумок*); название птицы и способ ее передвижения (*гуси летели; лунь плывет*) и т.д.

Выразительность пожеланий в пестушках основана на общности свойств реальных: гусь, лебедь защищены от намокания специальным жировым покровом, по аналогии и ребенку желают быть защищенным от всего нежелаемого, плохого. В данных примерах применена ассоциативная параллель: ребенок-птица.

Семантическая насыщенность данных текстов усиливается символикой образов: Гусь - символ внимательности и предвидения; Лебедь - символ чистоты, милосердия; Вода - символ благословения Божьего. В обрядовых омываниях, изложенных в Старом Завете, вода символизирует моральное очищение [205, 28, 33, 26]. Примером может служить следующая пестушка, содержащая пожелание хорошего здоровья: *Вода текучая, Дитя растучее, С гуся вода - С тебя худоба, Вода книзу, Дитя кверху.*

Приведенная пестушка звучит при окатывании ребенка чистой водой после купания. В ней используется прием попарного синтаксического параллелизма, целью которого является создание яркой образности: по сути своей данная пестушка близка к заговору и ориентирована на положительный эффект.

Важнейшее место в процессах развития, обучения и воспитания принадлежит языковой картине мира, являющейся базовой в структуре языковой личности. Посредством языковой картины мира, отраженной в текстах пестушек, ребенок начинает свое знакомство с окружающей действительностью. Процесс этот сам по себе является положительно окрашенным, так как учитывает возрастные особенности ребенка, его интерес ко всему новому.

1.2. Лексико-семантический анализ пестушек

Лексика пестушек четко ограничена: вербализуется только то, что окружает ребенка, что постоянно подкрепляется зрительными образами. Память ребенка не перегружается лишними, недоступными для понимания абстрактными языковыми значениями.

Тематически лексика пестушек систематизируется следующим образом:

1) **Основные члены семьи:** *маменька, тятенька, бабушка, дедушка, брат.*

Особую роль при передаче мировосприятия играют суффиксы, так как в них фокусируется важная дополнительная информация. Эмоционально-окрашенный эвалюатив *-еньк-* передает нежность и ласковость, ориентирует на добрые отношения в семье и закладывает эту информацию в сознание ребенка как установку. Суффикс *-ушк-*, по мнению А. Вежбицкой, отражает важную черту русской философии: человек заслуживает сострадания, жалости, поощрения, потому что жизнь тяжела и на каждом шагу его подстерегает беда [43, 43].

Таким образом, уже на начальном этапе подсознательное усвоение ребенком лексического запаса происходит целенаправленно: характер лексико-морфологических особенностей пестушек влияет на формирование мировоззрения личности, закладывает основы определенной философии и ценностной градации.

2) **Части тела ребенка:** *ручки, ножки, роток, голова-головка* (в преимущественном большинстве случаев деминутивы передают любовь матери к ребенку, ценностную значимость ребенка для общества).

3) **Домашние животные:** *кот(кошка), собака, лошадка.*

4) **Дикие животные:** *волк, лиса.*

5) **Птицы:** *гуси, лебеди, лунь, соловушка, пичужки, петушок.*

6) **Одежда:** *рубашечка, чеботок.*

7) **Предметы обихода:** *лавочка, столешничек, сковородка, молоток.*

8) **Строения:** *избушка, поветка.*

9) **Еда:** *лепешки, пирожок.*

10) **Дерево:** *березка.*

11) **Общие понятия:** *дорога, гора, лес, вода, худоба и др.; холодно, завтра.*

12) Наиболее характерные действия: летать-взлететь, идти-бежать, сидеть, водить, поймать, петь.

13) Процессы труда: лешить (избушку), ловить (рыбку), тянуть (холсты), печь (пирог), подковать (чеботок).

14) Показатели пространства: высоко, кверху-книзу. Выраженные наречием в одном тексте, эти же понятия передаются в другом тексте существительным с предлогом: *на горе-под горой*. Иллюстрацией к этим понятиям служат действия, их сопровождающие: в первом случае окатывание ребенка водой (сверху вниз); во втором – подбрасывание ребенка.

Как видно, круг языковых значений, фиксируемых в пестушках, кажется довольно ограниченным и отражает только реалии крестьянской жизни, но именно эта особенность усиливает его экспрессивность, поскольку все, что представлено, – выразительно и, как правило, находит эквиваленты в зрительных образах. Посредством лексики отражаются основные морально-этические принципы народа: труд как основа жизни, ценностная значимость своей семьи, ребенка, сострадательное отношение к человеку и т.п.

Лексика пестушек конкретна, абстрактные понятия практически отсутствуют.

Эмоционально окрашенной лексики (непосредственно на лексическом уровне) в прямом значении этого термина в пестушках немного: *хорошенький, пригоженький, золота, молоденький*. Но, если учитывать возрастные особенности ребенка (его радостное отношение к миру) и главный принцип колыбельного фольклора (все, что касается ребенка, положительно ориентировано), таких слов гораздо больше. В этой роли выступают наименования членов семьи (*маменька, тятенька*), домашних животных (*котик, лошадка*), птиц, включая слова с эвалюативами. С отрицательной эмоциональной окраской выступают лексемы: боль-боли и худоба. Фактическое отсутствие негативно-окрашенной лексики вполне мотивированно: целью пестушек является выработка у ребенка радостных, а не негативных эмоций.

Первый год жизни является необычайно важным этапом: ребенок проходит путь от узнавания звуковой формы слова до соотнесения ее с конкретными предметами не только на уровне восприятия, но и на уровне воспроизведения речи (конец первого года жизни).

В этом сложном процессе важнейшее место принадлежит активизации памяти, чему способствует систематизация знаний, механически происходящая в сознании ребенка. Как отмечают Е.И. Негневицкая, А.М. Шахнорович: «Всякий раз, именуя какой-либо предмет, действие, ребенок относит его к определенному классу предметов, действий» [168, 29]. Таким образом информация систематизируется и обобщается в своеобразные блоки, способствующие запоминанию.

Путем практического эксперимента ученые [59; 150] пришли к выводу о том, что слова в человеческой памяти хранятся в виде наборов ассоциаций или семантических полей. «Объединение слов в нашем сознании по семантическому признаку определенно существует и проявляется во всяком случае при извлечении слова из хранилища памяти» [168, 26].

Исследование текстов пестушек позволило уточнить приведенную точку зрения: лексика закладывается в память ребенка не столько в виде наборов ассоциативных и семантических полей, сколько в виде формул ассоциативно связанных между собой слов или ассоциативных рядов слов, объединенных тематически или семантически. Такое усвоение готовых формул гораздо эффективнее, чем усвоение изолированных от контекста и ситуации слов.

В пределах каждого конкретного текста пестушек наблюдаются определенные ассоциативно-семантические формулы, образующие синтагматические поля [141, 381]; ассоциативно-семантические ряды и ассоциативные поля, целью использования компонентов которых является способствование наиболее эффективному усвоению информации об окружающем мире.

Примерами ассоциативно-семантических формул, структурирующих синтагматические поля, могут служить следующие:

1) субъект + действие: *Гуси летели, лебеди летели.*

2) субъект + действие + объект (в большинстве случаев с имплицитным субъектом, что объясняется обобщенным характером элементарных конструкций): *Куй, подкуй – чеботок*

3) субъект + действие + место его совершения: *Большие ноги Шли по дороге – Маленькие ножки Бежали по дорожке;*

4) субъект + место действия с имплицитным сказуемым: *Вода книзу - Дитя кверху.*

Ассоциативно-семантические ряды формируются за счет:

1) синонимических рядов (*хорошенький, пригоженький*);

2) антонимических пар (*большие – маленькие, кверху – книзу*);

3) наименований лиц, животных, отличающихся половой принадлежностью (*кот – кошка, дед – баба*).

Ассоциативное поле представлено в пестушках только наименованием ситуации (как правило, места действия) и ее участников (например, слово-стимул – *лес* и слова ассоциаты: *волк, лиса*).

Таким образом, в пестушках репрезентируются своеобразные ассоциативно-семантические формулы и ряды, усвоение которых является особенно важным на начальном этапе формирования языковой личности, когда вся предлагаемая информация нова, а принципы ее запоминания еще не разработаны.

1.3. Морфологическая характеристика пестушек.

Историки языка утверждают, что развитие словарного запаса вообще шло от конкретного к абстрактному: сначала появились существительные, называющие реально воспринимаемые объекты, потом (отнюдь не скоро) – прилагательные и глаголы [168, 52].

Ребенок в своем освоении языка проходит тот же путь, что и все человечество: от конкретных предметов, название которых выражено существительным. На эту особенность детской психики в ходе освоения языка

указывали Клара и Вильгельм Штерн [168], обращая внимание на то, что в речи ребенка от 7-8 месяцев до 2-х лет преобладают существительные. Проведенные в диссертационной работе исследования текстов пестушек подтверждают это мнение. Знаменательные части речи распределяются в них таким образом: существительных - 60%, глаголов - 28%, прилагательных – 8% (с повторами), наречий - 3%, местоимений – 1%. Такая статистика свидетельствует о том, что главной функцией слова, наряду с коммуникативной, является номинативная, так как ребенок фиксирует в своем сознании предметы и действия в процессе накопления информации об окружающем мире.

Описательная роль прилагательных на данном этапе сведена до минимума, потому что, как отмечал К.И. Чуковский, маленькие дети практически не воспринимают эпитетов [246, 52].

Важная роль в создании экспрессивного эффекта в пестушках, как уже отмечалось выше, принадлежит диминутивам (не считая повторов, которые составляют 1/3 всего лексического состава). Как отмечает О.И. Капица, «все пестушки состоят из уменьшительных суффиксов, применяемых даже к глагольным формам» [111, 53].

Ласковое отношение к ребенку распространяется на все, что его окружает. Посредством эвалюативов передается не только любовь матери к ребенку или его значение для общества, но и формируется в ребенке доброжелательное отношение к окружающему миру. Среди названных суффиксов в именах существительных и прилагательных в пестушках наиболее активны следующие:

-к-: *ручки, ножки, подковка, головка, ребятки, дорожке, лошадка, березка, лопатки, пичужки, рыбка;*

-ок- (-ек-): *роток, разумок, ковалец, чеботок, годок, петушок, лесок, пирожок, дыбок;*

-еньк-: *маменька, тятенька, Коленька, молоденький, хорошенький, пригоженький, маленька (прилаг.).* Как отмечает А. Вежбицкая, суффикс *-еньк-* придает общую эмоциональную окраску и тональность и особенно характерен для русской речи [42, 66];

-еч-: *рубашечка*;

-очк-: *лавочка, лапочка*;

-ушк-: *Соловушка, бабушка, дедушка*;

-юшк-: *Ванюшка*.

По мнению ученых, овладевая языком, человек усваивает не только систему лексических значений (так называемых корневых значений), но и наоборот специальных морфем – приставок, суффиксов, окончаний – и ту семантическую роль, которую они выполняют. Только тогда, когда эти системы усвоены, ребенок может оперировать значением слова как комплексом несущих информацию частей.

Таким образом, ребенок начинает употреблять слово как знак предмета или действия только тогда, когда он уже овладел «орудиями» дифференциации – приставками, суффиксами, окончаниями. Данные «орудия» активно отрабатываются в пестушках как в пределах одного текста, так и в разных. Этому способствует использование:

1) однокоренных слов, употребляемых с приставками, дифференцирующими их значения: *летели – полетели – улетели; сели – посидели; шла – вышла; по лавочке – по подлавочке; большую – наибольшую*;

2) однокоренных слов с различными суффиксами: *подкуй – подковать; дорога – дорожка; дед – дедушка; баба – бабушка; ноги – ножки, котик – коток; вода – водичка; голова – головка – головушка*;

3) слов, отличающихся лексическим значением, но фиксирующих одно и то же грамматическое значение: *летели – сели – вырвали* (глагол прош. вр., мн. числа); *наловил – взлетел – сплел* (глагол прош. вр., муж. р., ед. числа); *напекла – утекла* (глагол прош. вр., ж. р., ед. числа); *книзу – кверху* (наречие со значением направления движения); *стой – боли – подкуй* (императив глагола, побуждение к действию); *поет – плывет* (глагол наст. вр., 3 л., ед. числа).

Можно допустить, что активное употребление однокоренных слов, с одной стороны, усиливает выразительность текста и стимулирует процессы запоминания данной лексемы, а с другой стороны, использование разных

словоформ дифференцирует оттенки значения и способствует правильному выбору формы слова в зависимости от содержания и цели высказывания.

Благодаря подобным повторам в сознании ребенка (конечно, на уровне подсознания) фиксируются элементы, характерные для образования грамматических форм рода, числа, времени, для констатации размера, характера действия или предмета. С момента овладения грамматическими механизмами языка (конец первого, начало второго года жизни) начинается процесс активного пополнения словаря ребенка, обогащение которого идет не столько за счет разнообразных готовых слов, сколько за счет овладения способами конструирования, навыков ориентации на значение слова.

1.4 Синтаксические особенности пестушек

Для синтаксиса пестушек характерна предельная лаконичность конструкций, наличие в предложении только тех структурных компонентов, на которых фиксируется внимание ребенка. Наиболее активно используются простые предложения как нераспространенные, так и распространенные (одним, реже двумя второстепенными членами). Впоследствии, в ходе записей текстов, они объединяются в сложные предложения с бессоюзной связью.

Как отмечают исследователи, дети на начальном этапе овладения языком фиксируют в своем сознании формулу: субъект и действие в универсальной и рано появляющейся комбинации – «подлежащее-сказуемое» [168, 51]. Преимущественное большинство таких конструкций представлено в текстах пестушек: *Гуси летели; Лебеди летели; Лунь плывет; Вырвали ребятки; Сквородка утекла; Вода текучая; Дитя растучее; Соловушка поет.*

Прозрачность и точность данных конструкций способствует активному знакомству ребенка с окружающим миром и фиксации увиденного/ услышанного в памяти.

Эффективным приемом экспрессивности, используемым в пестушках и способствующим овладению речевой деятельностью, являются эллиптические

конструкции. С одной стороны, эллипсис наиболее характерен для живой разговорной речи, с другой стороны, он придает тексту особую выразительность, концентрируя внимание ребенка на конкретно заданных смыслах, не перегружая и не затемняя основной информации. Данные конструкции усиливают также ритмичность и динамичность синтаксических структур, что особенно важно при обучении маленьких детей. Обычно эллиптические конструкции объединяются в сложные предложения с бессоюзной (реже с союзной) связью. Часто они включают синтаксическую анафору или повтор одной и той же фразы, что также способствует усилению ритмичности и активизации процесса запоминания.

В преимущественном большинстве текстов (16 из 29) синтаксическая анафора усиливается повтором одной и той же фразы: *Дыбок, дыбок, Завтра годок! Дыбок, дыбок, Целый годок; Тяни холсты, Тяни холсты; Гуси летели, Лебеди летели, Гуси летели, Лебеди летели.*

Фактический материал предоставил единичные примеры предложений, в которых отсутствует как грамматическое подлежащее, так и грамматическое сказуемое: *Тяньке – сажень, Маменьке – сажень, Дедушке – сажень, Бабушке – сажень, Брату – сажень.* Классификация подобных предложений отсутствует в лингвистической литературе. Поэтому можно предположить, что данная структура – неполное эллиптическое предложение с незамещенными синтаксическими позициями субъекта и предиката. Предложение состоит из двух дополнений (кому? что?), смысл же его вполне ясен и не требует вспомогательной информации.

По всей видимости, посредством подобных конструкций в сознание ребенка закладываются наиболее продуктивные стандартные словосочетания и предложения, необходимые для дальнейшего процесса коммуникации.

Простые предложения в пестушках наиболее часто распространяются дополнениями, указывающими на объект действия: *Наловил дед щук; Баба рыбку пекла; Вышла кошка за котом; Рыбу ловлю.*

Нередко вводятся обстоятельства, содержащие указание на местонахождение предмета и являющиеся важнейшим моментом в познании ребенком

окружающего мира, так как способствуют развитию пространственности мышления: *На горе – стручки, Под горой – лопатки; Вода внизу, Дитя кверху; На поветку взлетел; На горе пичужки; Там Ванюшка был.* Введение обстоятельства усиливается, как правило, инверсией, и на нем концентрируется внимание ребенка, что подтверждает значимость данной информации для его развития.

Значительно реже вводятся определения, что подтверждает мысль К.И. Чуковского [246, 52] об отсутствии необходимости подобной информации на данном этапе: *На маленькую ножку; золоту подковку; овсяны лепешки, пшеничный пирожок.* Можно предположить, что определения в пестушках носят скорее оценочный характер, формирующий положительные эмоции, положительное отношение к жизни.

Конструкции с двумя второстепенными членами встречаются крайне редко, так как они менее эффективны для восприятия маленького ребенка: *Большие ноги шли по дороге; Водит кошку за лапочку.* Внимание ребенка привлекается преимущественно к главным членам предложения, особенно к сказуемому – глаголу, стимулирующему динамичность в развитии сюжета: *Вышла кошка за кота; Наловил дед щук; Ах поет, поет Соловушка.*

Рассмотрев пестушки с точки зрения синтаксиса, можно отметить, что экспрессивные средства и приемы: прозрачность и точность конструкций (как двусоставных нераспространенных, так и эллиптических), активное использование синтаксической анафоры, повтор фразы, инверсия - способствуют формированию языковой личности ребенка, развивают его интеллект, вводят в сознание стереотипные, стандартные словосочетания и формульные предложения, необходимые для дальнейшей коммуникации.

1.5. Фонетический и ритмомелодический анализ пестушек

На связь фонетических явлений с экспрессивностью указывал Ш. Балли [20, 150] и др. Многие современные исследователи – И.В. Арнольд [11], И.Р. Гальперин [68], А.П. Журавлев [99], М.И. Черемисина [240] и др. – к числу

наиболее выразительных средств языка относят фонетические средства. Они представляют собой одну из чувственно-эмоциональных сторон высказывания и текста. И хотя звуки сами по себе не выполняют экспрессивной функции (некоторые ученые считают несколько иначе [99; 37]), но звуковой состав текста, его специфический облик не безразличен эмоциональному и экспрессивному восприятию языковой личности. Более того, звуки так вплетаются в содержание текста, в его ритм, что под воздействием текста как целостного единства становятся мотивированными, единственно уместными.

Особую значимость фонетический аспект текста имеет для ребенка, который в силу своих возрастных психологических особенностей очень чувствителен как к ритму, так и к мелодичности речи.

Использование в пестушках экспрессивных средств и приемов на фонетическом уровне является не менее эффективным, чем на лексическом и грамматическом. При создании текстов строго учитываются природные особенности маленького ребенка: стремление к ритму (качание колыбели), музыкальное восприятие ритма и мелодии, несложных созвучий. Структура пестушек подчинена познавательной и мнемонической функциям, их отличает предельная краткость, строгая ритмичность, наличие ассонансов и аллитераций, играющих важную роль в процессе освоения речи.

Пестушки представляют собой короткие ритмические тексты, имеющие мажорные интонации. Ритмичность достигается не только повторами одного и того же слова, словосочетания или однотипных синтаксических конструкций, как уже указано выше, но и различными звукоподражаниями, соответствующими определенным физическим движениям, сопровождающим текст (подбрасывание, качание) и задающим тон всей пестушке: *Чук, чук, чуки; Топ, топ, топ; Тра - та - та, тра - та - та* и другие.

Тексты фольклорных произведений относятся к количественной системе стихосложения, поэтому говорить об определенном стихотворном размере фактически невозможно.

Ритмичность текста пестушек достигается за счет одинакового количества ударных слогов в каждой строке. В отличие от колыбельных, в пестушках наблюдается более постоянное количество ударных слогов в строке: два – три в зависимости от длины строки. Это количество варьируется за счет использования звукоподражательных припевов, и, в соответствии с заданным ритмом, может быть 3-5 ударных слогов.

<i>Тра - та - та, тра - та - та!</i>	<i>Водит кошку за лапочку;</i>
<i>Вышла кошка за кота.</i>	<i>Топы, топы по лавочке,</i>
<i>Кот ходит по лавочке,</i>	<i>Цапы, цапы за лапочки;</i>
<i>Большие ноги</i>	<i>Топ, топ, топ,</i>
<i>Шли по дороге:</i>	<i>Топ, топ, топ</i>

Как видно из примеров, прослеживается постоянная ритмичность в текстах пестушек; отклонение от общего количества ударений в стихах одной строфы наблюдается редко.

Кроме того, в пестушках наблюдается тенденция к стабильной рифмовке: в преобладающем большинстве текстов отмечается попарная рифма, в некоторых случаях отдельная строка может быть не зарифмована. Там, где рифма отсутствует, благозвучие и музыкально-звуковая орнаментовка достигается повторами одного и того же слога, вынесенного в конец стиха, часто повторы многократны (3-5 раз).

<i>Чук, чук, чуки</i>	<i>Чук, чук, чук, чук,</i>
<i>На горе – стручки</i>	<i>Наловил дед щук,</i>
<i>Под горой – лопатки</i>	<i>Баба рыбку напекла,</i>
<i>Вырвали ребятки</i>	<i>Сковородка утекла.</i>

Активная роль в создании ритмичности и рифмовки в данном тексте принадлежит звукоподражанию, которое усиливает экспрессивность и способствует созданию эффекта положительной эмоциональности:

<i>Куй, куй, ковалек,</i>	<i>Золоту подковку.</i>
<i>Подкуй чеботок:</i>	<i>Подай молоток</i>
<i>На маленькую ножку –</i>	<i>Подковать чеботок.</i>

Рифмовка в данном тексте попарная, благозвучие 1-ой и 2-ой строки усиливается повтором однокоренных глаголов *куй – куй – подкуй*. В 3-ей и 4-ей строках неполная внешняя рифма поддерживается внутренней: (-ку-) *маленьку – ножку – подковку*, а благозвучие 5-ой и 6-ой строки усиливается звуковой анафорой.

Таким образом, наложение одного приема на другой способствует эвфонической выразительности стиха, усиливает его эмоциональное воздействие.

В пестушке «*Тятеньке – сажень*» отсутствие рифмы компенсируется за счет повторов слова, а для усиления благозвучия применяется внутренняя, но сквозная рифмовка: *тятеньке – маменьке – дедушке – бабушке – Колюшеньке*. В последней строке внутренняя рифма создается за счет повтора однокоренных слов: *большую, наибольшую*, ср.: *Тятеньке – сажень, Маменьке – сажень, Дедушке – сажень, Бабушке – сажень, Брату – сажень*.

Подобное явление наблюдается и в других текстах, где благозвучие усиливается также за счет параллельных конструкций с повторяющимся предлогом и без него, а повторяющееся слово в конце строки придает мелодичность звучанию: *У кошки – боли, У собаки – боли, У лошадки – боли, А у Ванюшки не боли*.

В некоторых строфах стабильная рифма ослаблена и рифмуются только отдельные строки, напр.:

*Петушок, петушок,
На поветку взлетел,
Трое лапотки сплел –
И себе, и жене, и своячинке.*

В данном примере рифмуется только 2-ая и 3-я строки неточной рифмой; 1-я и 4-я строки между собой не рифмуются, но ритмичность и мелодичность поддерживаются в 1-ой строке повтором, а в 4-ой – неточной рифмой на *е* и полисиндетоном.

В следующей пестушке рифмуются только 4-ая и 5-ая строки, ритмичность и благозвучие текста поддерживается за счет повторов в 1-ой строке и внутренней

рифмы в 3-ей строке, а также однокоренных слов «*мошок - мишит*» в ударной позиции конца 3-ей и 4-ой строк:

– *Ножки, ножки,*

Куда вы бежите?

– *В лесок по мошок:*

Избушку мишит,

Чтобы не холодно жить.

В текстах пестушек большое значение уделяется эвфонической выразительности, и при отсутствии стабильной (повторяющейся) внешней рифмы она компенсируется различными повторами и внутренними, часто неполными, рифмами.

Пестушки богаты различными аллитерациями и ассонансами, способствующими общему благозвучию текстов. Наиболее характерны аллитерации на *к, п, т, л, ж, ш, ч*; а также ассонансы на *у-о, ы-и*. Особое музыкальное звучание приобретают тексты с чередованием аллитерации на *к, л*.

В пестушке «*Лунь плывет*» на три коротких строки приходится 10 повторов *л*, 4 – *т*; в пестушке «*Тягеньке – сажень*» – *ж-ш* повторяются 10 раз, *н* - 9, *к* - 6 ; «*Чук, чук, чуки*» – *к* – 16 раз, *у* – 11 раз; *ч* – 9 раз; в четырех коротких строках «*Дыбок, быбок*» происходит своеобразная отработка звуков *д – б – к* при их последовательном чередовании, где *д* повторяется 6 раз; *б* – 4, *к* – 6, *о* – 6; «*У лисы боли*» – *л* – 8 раз, *у* – 5; «*Большие ноги шли по дороге*» за счет звукоподражания *т* повторяется 16, а *п* – 18 раз.

Столь активное использование аллитераций и ассонансов не может квалифицироваться однозначно, только как художественный прием, способствующий исключительно благозвучию текста. Наблюдения над текстами пестушек показывают, что высокая концентрация определенных согласных и гласных служит обучающим целям: 1) запоминанию звука и узнаванию его в слове, в речи (так как только таким образом ребенок может осваивать звуки); 2) отработке речевых навыков, т.е. стимуляции подражательных способностей,

тренировке артикуляционного аппарата и подготовке его к воспроизведению речи.

Поначалу ребенок воспринимает речь матери как мелодичный набор звуков. Постепенно речь становится сигналом к общению, далее, сопровождая ежедневно одни и те же действия, постепенно переходит в разряд сигналов, имеющих определенные смысловые значения. М.М. Кольцова отмечает, что «маленький ребенок не всегда одинаково реагирует на одни и те же слова – нужно, чтобы он находился в одной и той же ситуации, слышал слова от определенного человека, чтобы слова произносились с определенной интонацией, сопровождалась определенным жестом» [124, 31].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что физические упражнения, систематически производимые матерью и сопровождаемые пением пестушек, способствуют постепенному усвоению языкового значения слов: от звуковой формы к осознанному соотнесению ее с определенными предметами, действиями, явлениями. Следовательно, соотношение между физическими упражнениями и текстами пестушек несколько иное, чем предполагали О.И. Капица и М.Н. Мельников [111; 161]: систематически повторяющиеся упражнения способствуют поэтапному овладению языковыми значениями, так как этот процесс идет от узнавания и запоминания звука, звуковой формы к осмыслению лексического значения слова.

Таким образом, главной задачей пестушек на фонетическом уровне является обучение ребенка речевой деятельности, подготовка к воспроизведению звука, слова, словосочетания.

Выводы

Пестушки являются важнейшим начальным этапом в формировании языковой личности ребенка, так как именно первый год жизни наиболее продуктивный и значимый в процессе овладения родным языком как на уровне восприятия, так и на уровне воспроизведения речи. Этот процесс идет по нарастающей и включает в себя следующие этапы:

- 1) положительный настрой на коммуникацию,
- 2) вычленение определенных звуков и созвучий (слов, словосочетаний) в потоке речи;
- 3) тренировка артикуляционного аппарата ребенка и подготовка его к воспроизведению звукового потока;
- 4) формирование минимального лексического запаса;
- 5) выработка определенных языковых клише для дальнейшей активизации речевой деятельности.

Формированию и становлению языковой личности способствуют средства и приемы экспрессивности, стимулирующие развитие памяти ребенка, главными из которых являются различные виды повторов, эллипсис, инверсия и др.

Фонетические повторы помогают узнавать и вычленять из звукового потока отдельные звуки речи; аллитерации и ассонансы непосредственно тренируют артикуляционный аппарат и подготавливают его к воспроизведению речи.

Повтор определенной лексемы акцентирует на ней внимание в речевом потоке; формирует лексический минимум; повторы однокоренных слов и форм одного и того же слова закладывают основы (на уровне подсознания) морфологии и словообразования.

Повторы однотипных синтаксических конструкций (простых предложений и стандартных словосочетаний) формируют стереотипы, своеобразные клише. Этой же цели служат и лаконичные точные синтаксические конструкции, не отвлекающие от главных смыслов: простые предложения с минимальным количеством второстепенных членов, эллиптические структуры.

Формированию лексического запаса ребенка способствуют ассоциативно-семантические формулы и ассоциативные ряды, представленные в текстах пестушек и являющиеся эффективным способом введения информации в память ребенка. Ассоциативно-семантические формулы и ряды стимулируют интеллектуальную деятельность слушателя и закладывают основы ассоциативного мышления.

Таким образом, первый год жизни ребенка – это первый этап развития речевых способностей формирующейся языковой личности. В этот период малыш делает огромный скачок в своем развитии: накапливается минимальный лексический запас, закладываются основы грамматико-парадигматических, семантико-синтаксических и ассоциативных связей, идет процесс накопления клише, необходимых для дальнейшей коммуникативной деятельности.

ГЛАВА II

ПОТЕШКИ КАК ВТОРОЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА

Следующим этапом в развитии языковой личности являются потешки (от мотивантов «потеха», «потешать» – забава, развлечение, веселье [204, 331]). Потешки вводятся на 2-ом–3-ем годах жизни ребенка, когда он уже овладел минимальным лексико-семантическим запасом и освоил соотнесенность языковой формы слова с определенными предметами и действиями окружающего мира. Потешки представляют собой игры взрослых с детьми с участием различных частей тела. Это обусловлено тем, что в деревенском быту почти не было игрушек для маленьких детей, «пальцы и руки заменяют их и своими движениями изображают самые разнообразные предметы» [111, 57].

Главным назначением жанра является стремление позабавить ребенка, создать радостное настроение и в процессе игры подготовить его к активному познанию окружающего мира. В отличие от пестушек и колыбельных, в потешках закладываются основы нравственного и этического воспитания ребенка. Кроме того, потешки связаны с первыми самостоятельными движениями и играми малыша, направленными на овладение новой информацией.

В центре произведений жанра находится образ самого ребенка. Внимание сосредоточено на действиях, которые передаются как словами, так и движениями. Действия и предметы, репрезентированные в произведениях данного жанра, предельно просты и доступны для понимания малыша. Восприятию потешек

помогает их краткость, четкость и звучность рифмы, обилие звукоподражаний. Эти песенки вполне соответствуют потребностям малыша и активно способствуют овладению речевыми навыками.

Обучение языку ведется на доступных пониманию ребенка образах поэтической речи; игровые ситуации не утомляют малыша, а доставляют ему удовольствие, активизируя познавательную деятельность.

2.1. Потешки в текстовом аспекте

На текстовом уровне потешки представляют собой короткие песенки (6-13 строк, состоящих из одного-двух, редко трех слов), т.е. в сравнении с пестушками (2-6 строк) их объем удваивается. Увеличение объема вызвано взрослением ребенка, новым этапом в его физическом и умственном развитии, а, следовательно, новыми целевыми задачами (обучающими, развивающими, воспитательными), необходимостью получения новой информации.

В отличие от пестушек, потешки тяготеют к диалогической форме (8 из 16). Диалогическая форма соответствует живой разговорной речи и является наиболее динамичной и выразительной, что вполне отвечает данному этапу в психическом развитии ребенка, его природной эмоциональности. Постоянное чередование реплик, смена интонаций активизируют внимание ребенка, способствуют усвоению информации. Форма диалога необычайно важна в процессе овладения речевой деятельностью: необходимость выразить вопрос или отрицание диктуется потребностями коммуникации. Как утверждают ученые, в русском языке появление вопросительных предложений вызывает у детей резкий скачок в овладении интонацией, которая становится четко зафиксированным сигналом вопроса [168, 77].

На втором-третьем году жизни ребенок осваивает устную речь, поэтому интонация приобретает важную роль: становятся доступными разнообразные оттенки значения сказанного и услышанного.

Можно предположить, что появление эксплицитных диалогов в потешках вызвано именно данной потребностью – обучить ребенка основам коммуникации.

Потешки характеризуются наличием развивающегося сюжета, содержащего нравственное поучение. Сами сюжеты не отличаются особым разнообразием, скорее можно говорить об их однотипности, вариантности: «Сорока, сорока (Сорока, ворона)», «Ладушки, ладушки», сюжет о пальцах – братьях; «Пан – барыня». Как правило, повторяется только начало или конец потешки (во многих случаях первая часть или первые стихи), а далее идет вариативное развитие сюжета в пределах одной и той же темы и воспитательной идеи.

По всей видимости, повтор однотипных сюжетов вызван актуальностью данной темы в воспитании ребенка и способствует лучшему усвоению данного урока, а также стимуляции процессов запоминания.

Тематически потешки отражают реалии крестьянской жизни, быт семьи, т.е. то, что хорошо знакомо ребенку. Доступность тематики вызывает интерес слушателя, обогащает его новыми знаниями об окружающем мире и одновременно формирует отношение к нему.

Главной является тема труда: необходимость труда для всех членов общества, посильное разделение труда между всеми членами семьи, восприятие труда как нравственной основы жизни, осуждение лени, тунеядства и их наказуемость. Причем глаголы, обозначающие процессы труда, как правило, выносятся в конец строки и оказываются под логическим ударением, что усиливает воздействие на сознание ребенка, на формирование правильного отношения к труду. В некоторых случаях данные глаголы образуют бинарные оппозиции с причинно-следственной связью и заключают в себе оценочный компонент по принципу: поступил «плохо – хорошо», следовательно: «дам – не дам» каши: *Этому дала. А тебе не даем: Ты в лес не ходил, Дров не рубил, Воды не носил, Печь не топил – Не дам тебе каши.*

С точки зрения народной морали, досуг является не менее важным, чем трудовая деятельность; отсюда сюжеты, описывающие поход в гости: *Ладушки, Ладушки; – Где были? – У бабушки;* увеселения: *А малышке песни петь, Песни петь да плясать, Старших братьев потешать;* а также важность забавы с ребенком: *Не поливаны сады, Недосуг поливать. Надо в ладушки играть.* Таким

образом, посредством текста потешек в сознании ребенка с раннего возраста формируются основные морально-этические принципы, характерные для мировоззрения русского крестьянства.

Персонажи потешек не отличаются многообразием и обусловлены природным интересом ребенка к животному миру. Тем самым усиливается их эмоциональное воздействие на малыша.

Представлены: *коза рогатая, кот-кошка; сорока-ворона, воробьишки;* а также *бабушка, детки;* образы-метафоры: *мальчик-пальчик; пальцы-братья.* В двух текстах посредством образов «пан-барыня» вводится мотив социальной градации, но он не развивается и не оценивается в тексте, видимо, из-за раннего возраста ребенка, недоступности для него данной информации.

Композиция потешек строго подчинена форме повествования (монолог-диалог). Для потешек, представляющих монологическую речь, характерны (в большей или меньшей мере) ритмические и смысловые повторы, усиливающие эмоциональное воздействие на ребенка подбрасыванием его на коленях. Неожиданная развязка «Бах!» способствует созданию комического эффекта, таким образом, ребенку становится доступен юмористический подтекст потешки, основанный на соотношении лексем: *мужичок, сучок и бах:*

Вася, Вася – мужичок,

А сучок подломился –

Вася сел на сучок,

И Васютка покатился.

На березовичок.

Бах – бах – бах...

Другая потешка представляет собой повествование с причинно-следственной связью. Она сопровождается имитацией указательным и средним пальцами козых рогов, приближающихся к ребенку. Положительные эмоции активизируют внимание на лексико-семантической стороне текста:

Идет коза рогатая

За малыши ребятами.

А кто молока не пьет,

Того забодет, забодет.

Значительное количество потешек представляют собой эксплицитные диалоги. В основе композиции данных потешек наблюдается чередование вопросов и ответов, развивающих одну и ту же тему. Цепочка аналогичных вопросов (как правило, поддерживаемая синтаксической анафорой) имеет подчиненное значение. Вопрос является толчком к развитию основной темы, которая раскрывается в ответах. Данные потешки сопровождаются хлопанием в ладоши, а последняя - загибанием пальцев:

<i>Чей нос?</i>	<i>Ладки, ладки,</i>	<i>– Мальчик-пальчик,</i>
<i>– Мокеев.</i>	<i>– Где были?</i>	<i>Где ты был?</i>
<i>– Куда едешь?</i>	<i>– У бабки.</i>	<i>– С этим братцем</i>
<i>– В Киев.</i>	<i>– Чего пили?</i>	<i>Печь топил,</i>
<i>– Что везешь?</i>	<i>– Бражку.</i>	<i>С этим братцем</i>
<i>– Рожь.</i>	<i>– Чего ели?</i>	<i>Щи варил,</i>
<i>– Что возьмешь?</i>	<i>– Кашку.</i>	<i>С этим братцем</i>
<i>– Грош.</i>	<i>Кашку ели с семечком,</i>	<i>Кашу ел,</i>
<i>– Что купишь?</i>	<i>Погнали нас венчиком.</i>	<i>С этим братцем –</i>
<i>– Калач.</i>		<i>Песни пел.</i>
<i>– С кем съешь?</i>		
<i>– Один (одна).</i>		
<i>– Не ешь один!</i>		
<i>Не ешь один!</i>		

Эмоциональность пестушек усиливается тем, что реальные бытовые действия человека выполняют птицы, метафорические реалии: пальцы-братья, по характеру поведения адекватные людям.

Такое однотипное и лаконичное построение с элементами игровой деятельности, усиливающими ритмичность и эмоциональность текста, способствует усвоению синтаксических конструкций и овладению интонаций, что является необходимым для осуществления простейших актов коммуникации.

2.2. Лексико-семантическая и морфологическая характеристика потешек

Лексика потешек, как и пестушек, максимально конкретна. Она отражает только тот круг предметов и явлений, которые ребенок может наблюдать в реальной жизни. Процессы восприятия и запоминания новой информации стимулируются, как и в пестушках, прежде всего повторами лексем.

В проанализированных текстах потешек несколько расширяется диапазон лексики, репрезентирующей языковую картину мира: вводятся новые понятия – номинации людей: *пан, барыня, мальчик, детки, гости, братья, большак, малышка*, т.е. расширяется представление о роли личности в ситуации; более широко представлены наименования пищи: *каша, молоко, хлеб, капуста, репка, сало, бражка, щи*; включающие и обобщающие понятия: *закуска, заедка*, которые свидетельствуют о бедности и скудости крестьянского быта.

Вводятся наименования денежных единиц, которые предполагают определенные отношения (товар-оплата): *пятаки, грошики, полушки, деньги*; объекты крестьянского быта: *огород, сад, печь, дрова*, и на имплицитном уровне – оценка: хорошо иметь деньги и плохо жить без них, напр.: – *Что во горбу? – Денежки. – Кто клал? – Дедушка. – Чем он клал? – Ковшичком. – Каким? – Золотым.*

В потешках активизируется роль глаголов (97, что составляет 2/3 от количества существительных), по сравнению с пестушками (1/2 от количества существительных). Таким образом внимание акцентируется на действии, которое передается как словом, так и движениями ребенка и взрослого. Вводятся глаголы, формирующие семантические поля:

1) **процессы принятия пищи:** *ели, пили, поели, попили, съели, кормила, угощала;*

2) **процессы коммуникации:** *спрашивать, говорить;*

3) **процессы человеческого труда:** *ткать, поливать, варить, рубить, носить, топить;*

4) **развлечения:** *играть, запеть, петь, плясать, потешать.*

Функционируют также отдельные глаголы, не образующие семантические поля и обозначающие конкретные и абстрактные действия: *становить, купить, заработать, быть, давать, забодать*;

Возрастает роль местоимений (36 – за счет повторов однотипных конструкций): вопросительных: *где? чего? что? чей?* (что мотивируется использованием вопросительных конструкций), указательных: *этому, с этим* (способствующих созданию динамики повествования), личных: *тебе, ты* и притяжательного *мой*.

На данном этапе становления языковой личности вводится счет. К. Маркс писал, что счет является «первой теоретической деятельностью рассудка, который еще колеблется между чувственностью и мышлением. Счет – это первый свободный теоретический акт рассудка ребенка» [156, 31]. Введение счета в потешках является этапным в интеллектуальном развитии ребенка и требует появления в текстах числительных от одного до пяти (соответственно пальцам одной руки: один – одному, два – другому, три – третьему и т.д.).

Несколько увеличивается количество прилагательных (11), как правило, применяются более динамичные усеченные формы, которые в большинстве случаев носят положительную окраску: *масленька, сладенька, добренька*.

В потешках увеличивается количество наречий (10 за счет повторов) образа действия: *махом, шагом, рысью*; места: *домой*.

Повторы одной и той же лексемы являются характерными для потешек, но используются менее активно, чем в пестушках. Причем внимание акцентируется только на новых понятиях, не отработанных ранее в пестушках. Особое место среди повторяющихся лексем (от 2 до 6 повторов) принадлежит вопросительным и указательным местоимениям, существительным, наречиям, которые не вводились в ранее описанный жанр: *пан, ехал, куплю, останутся, деньги*. Например, в потешке «*Ехал пан*» повторяются лексемы: *ехал* (6 р.), *пан* (6 р.), *шагом* (3 р.), *махом* (3 р.), *рысью* (3 р.);

В ходе взросления ребенка активизируется процесс освоения им словообразовательных элементов языка (приставок, суффиксов, окончаний), без

чего невозможно освоение системы языковых значений. Приставки в глаголах способствуют выработке дифференциации оттенков в протекании действия, фиксируют его начало, конец, длительность, направленность: *пили – попили; ели – поели; сели – посидели; пели – запели; прилетели – полетели*. Суффиксы существительных дают представление о размере предмета: *ложка – ложечка*, его предназначении: *поварежечка*.

Комбинатив суффикса *-к-* с флексией *-а-*, типичный для образования существительных женского рода единственного числа, фиксируется в сознании ребенка в процессе употребления однотипных лексем в пределах одной потешки: *кошка, бражка, капуста, репка, бабулька*. В другом случае текст строится по принципу сквозной эпифоры, в акцентную позицию конца строки выносятся существительные множественного числа, что способствует фиксации флексии *-и*, указывающей на форму множественного числа (*-ри, -ги, -ки*): *янтари – деньги – серьги – пятаки – башмаки – грошики – ложки – полушки – подушки*.

Ситуация с параллельным использованием форм единственного и множественного числа одного и того же слова представлена в тексте пестушки «*Один палец*»:

Один (загибают пальчик ребенка)
 Палец (загибают другой),
 Другой (загибают третий)
 Палец (загибают четвертый),
 Два (загибают пятый)
 Пальца (загибают на другой ручке пальчик),
 Четыре (загибают другой)
 Пальца (загибают пальчик),
 Пять (загибают пальчик)
 Пальцей (загибают последний)!

Данные понятия формы дифференцируются зрительными образами пальцев и вербально – числительными : *один палец, два пальца* с чередованием нуля звука в форме единственного числа с флексией *-а* в форме множественного.

Подобная информация о дифференциации форм единственного и множественного числа глаголов заложена в потешке «*Прилетели воробышки в огород*». Анафорическое построение текста акцентирует внимание на различии форм глаголов: *Дима говорит:...*; *воробышки говорят:...*

По всей видимости, подобная концентрация одной и той же или различных форм в пределах одного текста не является случайной: в сознание ребенка целенаправленно передается информация о том, что окончания слов, не выражая предметного значения, обладают грамматическим значением числа, рода, падежа.

Таким образом, посредством активного употребления различных словоформ в сознание ребенка (на уровне подсознания) закладываются способы конструирования слов, осознание влияния формы на его значение. Как известно, к трем годам (а именно до этого возраста и рассчитаны потешки) у ребенка появляется интерес к словотворчеству, к самостоятельному эксперименту над словом.

Важнейшее место в процессе человеческой коммуникации принадлежит категории отрицания. Ребенок очень рано начинает поиск какой-либо формы отрицания и находит ее в текстах потешек, а именно: форму с частицей *не*, как правило, функционирующую в парных конструкциях, репрезентирующих утверждение и отрицание в пределах одного и того же текста, что усиливает его выразительность и повышает экспрессивность: *дам – не дам; топил – не топил; носил – не носил; рубил – не рубил; варил – не варил.*

В меньшей степени, чем в пестушках, в потешках представлен набор ассоциативно-семантических формул и ассоциативных рядов. Это объясняется, видимо, тем, что основы хранения информации уже заложены и принцип отработан:

- 1) *коза – рогатая – забодает;*
- 2) *ели – пили – закуска – заедка – репка – капуста – бражка – кашка;*
- 3) *сады – поливать;*
- 4) *лес – опушка – сорока;*
- 5) *кашка – варить – кормить;*

6) *гости – угощать – собирать;*

7) *деньги – пятаки – полушки – грошики – купить.*

Таким образом, идет период расширения информации об окружающем мире, но при этом сохраняется принцип ее строгой нормированности. Восприятие ребенка не перегружается, а процессы запоминания сопровождаются игрой.

2.3. Синтаксические особенности потешек

Синтаксис потешек отличается от предыдущего жанра превалированием вопросно-ответных конструкций, для которых характерна особая динамичность и экспрессивность. Активно представлены эллиптические предложения, семантика которых раскрывается из контекста. Как уже отмечалось, подобные конструкции являются этапным моментом в овладении ребенком интонацией, которая четко фиксируется сигналом вопроса и способствует приобретению навыков ведения диалога. Синтаксическая анафора, сопровождающая, как правило, диалогические конструкции, активизирует процессы запоминания, стимулирует воспроизведение интонации. Благодаря данным конструкциям ребенок усваивает стандартные словосочетания и формульные предложения, вводя их в свою речь.

- | | | |
|---|------------------------|-----------------------|
| <i>1. – Тим – тилим, куда пошел?</i> | <i>2. – Чей нос?</i> | <i>– Грош.</i> |
| <i>– Тим – тилим, в земляночку.</i> | <i>– Мокеев.</i> | <i>– Что купишь?</i> |
| <i>– Тим – тилим, зачем пошел?</i> | <i>– Куда едешь?</i> | <i>– Калач.</i> |
| <i>– Тим – тилим, пельмешки
есть.</i> | <i>– В Киев.</i> | <i>– С кем съешь?</i> |
| <i>– Тим – тилим, какие они?</i> | <i>– Рожь.</i> | <i>– Один (одна).</i> |
| <i>– Тим – тилим, мясны они;</i> | <i>– Что возьмешь?</i> | <i>– Не ешь один!</i> |

Вопросно-ответные конструкции учат ребенка вести диалог: в его память закладываются определенные, готовые к воспроизведению клише: «*Куда пошел?* – *в земляночку (В.п.); Что?* – *рожь, калач (И.п.)*. В предложениях, представленных в потешках, варьируются вопросы: *что? кто? где? чего? куда? чем? зачем? какие? каким?* и допустимые формы ответов.

Экспрессивность эллипсиса (как усеченной конструкции) увеличивается с числом нереализованных синтаксических позиций: в таких предложениях заполняется, как правило, две синтаксические позиции, реже одна. Постоянная смена интонаций активизирует внимание ребенка, а синтаксическая анафора способствует прочному усвоению конструкций. В синтаксисе потешек эллипсис является одним из главных приемов экспрессивности, так как внимание ребенка акцентируется на конкретных заданных смыслах и не перегружается второстепенными значениями. Это особенно важно при формировании наиболее продуктивных клише. Мышление ребенка работает целенаправленно и динамично.

В потешках, как правило, наблюдается импликация подлежащего: [*– Лады, лады, ладки!*]...*Попили, поели, Домой полетели, На головку сели, Ладушки запели; [Сорока, Сорока] Кашку варила, На порог становила, Деток кормила, Гостей собирала, Всех угощала.*

Данные неполные конструкции представляют собой пример контекстуального собственно неполного предложения, имплицитированное подлежащее которого легко восстанавливается из контекста. Глаголы-сказуемые, обозначающие действия или процессы труда, вынесены в окончание строк, поставлены под логическое ударение и скреплены рифмой, что усиливает выразительность текста.

В пестушках представлены также бессоюзные сложные предложения с противительными отношениями или цепным нанизыванием в пределах одного предложения (они являются результатом записи устной речи):

- | | |
|----------------------------------|---------------------------------|
| <i>1. Ладушки, лады,</i> | <i>2. Кашка масленька,</i> |
| <i>Неполиваны сады,</i> | <i>Бражка сладенька,</i> |
| <i>Недосуг поливать,</i> | <i>Бабушка добренька;</i> |
| <i>Надо в ладушки играть;</i> | |
| <i>3. Большаку дрова рубить,</i> | <i>А малышке песни петь,</i> |
| <i>А тебе воды носить,</i> | <i>Песни петь да плясать,</i> |
| <i>А тебе печка топить;</i> | <i>Родных братьев потешать.</i> |

Важным приемом, усиливающим экспрессивность потешек, является синтаксическая анафора, которая наблюдается в большинстве приведенных выше примеров. Она придает текстам динамичность и способствует овладению ребенком определенными синтаксическими стереотипами, которые он может использовать в своей речи: *кашка масленька, бабушка добренька, дрова рубить, воду носить, печка топить, песни петь, кашку варить, деток кормить* и другие. В своем большинстве – это именно та универсальная формула действие + объект, которая свидетельствует о начале систематизации структурирования языка, выделении опорных значений. Таким образом, происходит формирование своеобразных «паттернов», необходимых для становления языковой личности ребенка.

Простые двусоставные распространенные предложения не являются характерными для потешек и представлены единичными примерами::

Идет коза рогатая за малыши ребятами;

Молодой дроздок по водичку пошел;

Идут четыре брата навстречу старшему;

Ехала барыня по ровненькой дорожке.

Они являются менее выразительными и более сложными для восприятия ребенком из-за значительного количества распространителей.

Широко используемым экспрессивным приемом в потешках является инверсия, особенно инверсия глагола-сказуемого, усиливающая динамичность повествования, а также инверсия второстепенных членов (дополнения, обстоятельства), способствующая перенесению смыслового акцента на дополнительные смыслы.

1. *«Ехал пан, ехал пан...»;*

2. *«Идет коза рогатая...»;*

3. *«Вышла кошка за кота»;*

4. *«Ходит кот по лавочке»;*

5. *«Ехала барыня».*

6. *«Идут четыре брата».*

7. *«Поиграй ты, кот, со мной, С Машкой, кошкой молодой».*
8. *«Шу-вы! Полетели, – На головушку и сели».*
9. *«Домой полетели, На головку сели, ладушки запели».*
10. *«Прилетели воробышки в огород....»*
11. *«Родных братьев потешать».*
12. *«Дров не рубил»,*
13. *«Воды не носил»,*
14. *«Печь не топил...»,*
15. *«В лес не ходил»,*
16. *«Щи не варил».*
17. *«Деток кормила, Гости собирала, Всех угощала»;*
18. *«Кашку варила»;*
19. *« А тебе воды носить, А тебе печка топить»;*
20. *«На головку Диме сели».*

В 1-ом–8-ом примерах акцентируется внимание малыша на действиях: *ехал, идет, идут, вышла, ходит, полетели, поиграй, сели*, которые репрезентируются преимущественно глаголами движения. Таким образом, инверсия способствует активизации внимания на лексическом материале, выразительности текстов, их быстрому запоминанию.

В коротких конструкциях, состоящих из двух членов (сказуемого и дополнения или обстоятельства), посредством инверсии внимание концентрируется на обоих членах предложения, и, кроме глаголов, воспринимаются не менее необходимые для развития ребенка дополнительные смыслы и понятия: *в лес, домой, головка, каша, щи, гости, детки, вода, печь, дрова, сады*; местоимения: *ты, со мной, тебе, этому* и т.д.

2.4. Фонетический и ритмомелодический анализ потешек

Главной фонетической особенностью потешек является их ритмичность, способствующая активному усвоению информации, предложенной ребенку.

Как отмечал Ю. Тынянов, ритм – один из самых сильных воздействующих факторов в художественном тексте [225, 113]. Ритм представляет собой языковое средство более высокого уровня, нежели фонетические, грамматические и другие, поскольку представляет собой некоторую «организацию языковых единиц» [158, 57]. Переплетаясь с интонационно-синтаксической структурой, звуковой инструментальной, он является индивидуальным для каждого стиха. Ритм играет важную роль в раскрытии содержания текста: во-первых, он передает определенное настроение, создаваемое денотатом, а во-вторых, выделяет наиболее значимые смыслы.

Потешки – предельно лаконичный жанр, целью которого является, прежде всего, создание у ребенка хорошего настроения, так как только положительные эмоции формируют основу процесса обучения. Задорный, радостный ритм потешек создается повтором одного и того же сочетания слов или однотипных конструкций. Следует также отметить, что в пределах одного и того же текста наблюдаются изменения ритма, вызванные как необходимостью выделить какое-либо смысловое значение, так и потребностью избежать однообразия в более объемных текстах. Ритмическую выразительность обуславливает также предельная краткость строки: одно-два (реже три) коротких слова.

Рассмотрим две однотипные потешки, передающие приблизительно одинаковое содержание, но отличающиеся ритмическим рисунком. В потешке: *Ехал пан, ехал пан, Шагом, шагом, шагом; Ехал пан, ехал пан, Рысью, рысью, рысью; Ехал пан, ехал пан, Махом, махом, Бух!* – ритмические строки объединены попарно и повторяются на протяжении всего текста. Звуковой ритм сопровождается смысловыми ассоциациями – слышится цокот конских копыт, причем с ускорением: в первой строке ритмический рисунок замедляется наличием в середине двух стоящих рядом ударных слогов, далее идет строгое чередование (ударные – безударные), которое ассоциативно передает увеличение скорости. Внимание ребенка концентрируется на неожиданном результате

действия, выраженном звукоподражательным словом «Бух!», имитирующим звук падения. Оно выделено и интонационно, и пунктуационно: перед ним тире, после него восклицательный знак; восходящая интонация вызывает радостные эмоции у ребенка. Хотя расстановка знаков препинания в текстах потешек условна (так как произведения записывались с устной речи матери), современные взрослые воспроизводят потешку по записанному тексту.

Во второй потешке: *Ехала барыня По ровенькой дорожке, По кочкам, по кочкам – Да бух!* – иной ритмический рисунок: здесь не отмечается строгая чеканность, напротив, ритм плавный. Достигается подобная напевность в первой строке использованием трехсложных слов с акцентацией на первом слоге и дактилической рифмы, во второй – женской рифмы; ритм замедляется; повтор двусложного существительного с предлогом в третьей строке ассоциативно создает некоторое ускорение ритма, а далее фиксируется результат с помощью тех же средств, что и в первом случае.

В коротких потешках рифмовка идет по принципу попарной рифмы, напр.: *Ладушки, лады, Неполиваны сады, Недосуг поливать. Надо в ладушки играть.*

В данной потешке ритмичность создается повтором слова *ладушки* и однокоренного *лады*, причем ударные слоги в строке образуют своеобразное кольцо: начальный и конечный слоги ударные. Вторая и третья строка имеют приблизительно одинаковый звуковой рисунок. Слияние трех безударных слогов создает эффект некоторой протяжности, напевности, этому же служит и троекратный повтор фонемы [ы], образующий парную рифму, подкрепленную внутренней. Основная смысловая нагрузка текста падает на четвертую строфу, поэтому она выделяется большим количеством ударных слогов – 3, которые подчеркивают смысловые акценты, чеканя каждое слово и создавая эффект скандирования.

В потешке «*Ладушки, ладушки*» наблюдается несколько ритмических рисунков. Данная потешка построена как диалог: постоянное чередование вопроса и ответа создает определенный ритм, а каждая вторая строка характеризуется восходящей интонацией. Ритмичность придает и анафорическое

построение: вопросительная строфа имеет одинаковое количество слогов (4) и строгое чередование слогов: ударный – безударный; ответная состоит из двух слогов: ударного и безударного:

– *Чего ели? – Кашку.*

– *Чего пили? – Бражку.*

Последующие четыре строки имеют одинаковое начальное построение: первый слог ударный, за ним два-три безударных. Все стихи, кроме одного, имеют женские и дактилические рифмы. В сочетании с вопросительными интонациями они создают задорную напевность и вызывают у ребенка радостное настроение.

Четыре потешки построены однотипно: из 11, 12, 13 строк в первой части (5-7 строк) перекрестная рифмовка; а в последующих наблюдается сквозная глагольная рифма: *варила – становила – кормила – собирала – угощала*, сопровождающаяся во всех случаях женской рифмой, что придает особую мелодичность и напевность:

– *Сорока, сорока,*

Где была?

– *Далеко:*

В лесу на опушке,

На попрыдушке.

Кашу варила.

На порог становила,

Деток кормила,

Гостей собирала,

Всех угощала.

Одному – ложечку,

Другому – ложечку,

А третьему –

Целую поварешечку.

В другом случае ритмичность создается употреблением двусложных глаголов с повторяющейся частицей *не*, на которую падает логическое ударение и которая сочетается с мужскими рифмами, что придает строкам особую четкость: *не ходил – не рубил – не топил*.

В другой подобной потешке используется анафорический повтор вопроса: *Чего на закуску?; Чего на заедку?* (следует отметить повторяемость приставки *за-*, усиливающей благозвучие) и сквозная рифмовка: *капустку – закуску – заедку – репку* (рифмовка идет по нисходящей). Как отмечает В.А. Маслова, сбой

основного ритма являются преднамеренным приемом: таким образом создается динамичный ритм, вызывающий напряжение внимания ребенка [158, 46].

Нарушение монотонности всегда экспрессивно. Оно достигается благодаря неожиданным паузам, ударениям, зачастую придающим фразе новый смысл. В целях максимальной экспрессивности графически используются знаки препинания, специфически оформляется строка и сам текст. В анализируемом случае для усиления динамичности используются диалоги (чередование вопросов и ответов образует определенную ритмическую систему), определенные знаки препинания: запятые, двоеточия, вопросительные и восклицательные знаки, тире. В диалогических текстах наблюдается своеобразный мелодичный зачин: первая строка представляет собой обращение, как правило трехсложное, с повтором: *Ладушки, Ладушки; Сорока, Сорока*; это вызывает сознательное затягивание, замедление темпа речи и позволяет одновременно выполнять определенные движения ручками ребенка. Важную роль в создании ритмичности потешек играют повторы слов, словосочетаний, анафора:

- | | |
|--|--------------------------|
| <i>1. Этому дала,</i> | <i>3. Дров не рубил,</i> |
| <i>Этому дала,</i> | <i>Воды не носил,</i> |
| <i>Этому дала;</i> | <i>Печь не топил...</i> |
| <i>2. Одному – ложку,</i> | |
| <i>Другому – ложечку,</i> | |
| <i>А третьему – целую поварешечку!</i> | |

Ритмичность и эвфония подобных текстов в значительной мере усиливается синтаксической анафорой, лежащей в основе их построения.

В некоторых потешках рифма заменяется повтором, который звучит монотоннее, но также способствует благозвучию:

- | | |
|-------------------------|-----------------------|
| <i>Мальчик-пальчик,</i> | <i>С этим братцем</i> |
| <i>– Где ты был?</i> | <i>Щи варил,</i> |
| <i>– С этим братцем</i> | <i>С этим братцем</i> |
| <i>В лес ходил.</i> | <i>Песни пел.</i> |

В данной потешке наблюдается сквозная глагольная перекрестная рифма: *был – ходил – варил – пел*; она усиливается повтором существительного *братцем* в словосочетании «с этим братцем». Каждая пара строк представляет собой логически завершённую фразу, повтор которой создает интонацию перечисления.

Нестандартная комбинация рифмовки представлена в следующем тексте:

<i>Большаку дрова рубить,</i>	<i>Песни петь да плясать,</i>
<i>А тебе воды носить,</i>	<i>Родных братьев потешать,</i>
<i>А тебе печка топить,</i>	<i>Песни петь да плясать,</i>
<i>А малышке песни петь,</i>	<i>Родных братьев потешать.</i>

Ритмичность текста усиливает анафора: *А тебе воды носить, А тебе печка топить*, а также повтор в финале двух строк, на которые падает основная смысловая нагрузка.

Третья и четвертая строки связаны захватом, вторая строфа строится по принципу повтора. Оба приема относятся к музыкально-ритмическим и способствуют усилению как самой ритмичности, так и благозвучия текста.

Среди потешек есть тексты, очень близкие к прозе. В них наблюдается ослабленная рифма и ослабленная ритмичность:

<i>Прилетели воробышки в огород,</i>	<i>«Чиви, чиви, чиви!»</i>
<i>Спрашивают:</i>	<i>Дима говорит:</i>
<i>«Чей горох? Чей горох?»</i>	<i>«Кыш-пошли!»</i>
<i>Дима говорит:</i>	<i>Воробышки: prrrr...</i>
<i>«Мой горох! Мой горох!»</i>	<i>Полетели, полетели,</i>
<i>Воробышки говорят:</i>	<i>На головушку Диме сели.</i>

Данная потешка представляет собой миниатюру с развитым сюжетом, тяготеющую к прозе. Ритмичность придает однотипность построения стихов (всех, кроме первого и последнего), слова автора и вводимая ими прямая речь. Прямая речь отличается повышенной эмоциональностью, о чем графически свидетельствуют вопросительные и восклицательные знаки. Ритмичность создается в каждой строке повторами слов или словосочетаний: *Чей горох? Чей горох?*; *Мой горох! Мой горох!*; *Чиви, чиви, чиви?*; *Полетели, полетели*. Внешняя

рифма наблюдается только в 6-ой–7-ой строках (*полетели – сели*), ее усиливает повтор «*полетели*». Встречается внутренний повтор глагола с числовой модификацией: *говорит – говорят*, – который является ключевым в данном тексте и на котором акцентируется внимание ребенка.

В текстах потешек учитывается стремление маленького ребенка к звукоподражанию. Для характеристики субъектов в эмоциональной сфере используются междометия: *prrrrr* (имитация полета птиц, остановки лошади), *Бух!* (имитация звука при падении), *Кыш!*, *У-у-у*, *Шу* – императивные междометия, выражающие волеизъявления. Эмоционально подобные интеръективы стимулируют положительные эмоции ребенка, усиливают эмотивность текста [194, 353]. Вместе с тем для ребенка первого года жизни они являются развивающими и обучающими.

Ритмичность и метр создают интонацию, которая является важнейшим свойством текста: она усиливает экспрессивный эффект и способствует эмоциональному «заражению» слушателя. Потешкам присущи мажорные интонации, которые на письме передаются вопросительными знаками и тире; мажорность усиливается динамичностью текстов и вызывает у ребенка радостное настроение, стремление к коммуникации.

Повышению экспрессивного воздействия на ребенка служат фонетические средства и приемы потешек, поскольку «благозвучие» – необычайно важное свойство любого текста, а особенно такого, который предназначен для детей. В потешках наблюдается активное использование ассонансов (*а, и, е*), так как гласные способствуют передаче чувства, созданию приподнятого настроения. Это особенно важно для произведений данного жанра: во-первых, учитывается повышенная возрастная эмоциональность ребенка, во-вторых, достигается основная цель потешек – создание радостного настроения. К тому же использование гласных служит формированию особой мелодичности, напевности, что благотворно влияет на эстетическое формирование личности. В русском языкознании первая характеристика звукового символизма принадлежит М.В.

Ломоносову, который выделил 2 главные функции звукописи – звукоподражание и создание эмоционального эффекта.

В потешке «*Ехал пан, ехал пан*» наблюдается 24 ассонанса на *a* (за счет безударных *o* в том числе); в этом же тексте аллитераций на *x* – 9: на сонорные *л, м, н* – 21: (*л* – 6, *н* – 6, *м* – 9). Сонорные придают особую мягкость и плавность звучанию. В потешке «*Ладушки, ладушки, Где были? – У бабушки*» насчитывается ассонансов на *a* – 9, *y* – 12, *e* – 8; а также 12 аллитераций на *к*. В аналогичном тексте «*Ладушки*» 26 ассонансов на *a*; аллитерации на *л* – 16; *ж* – *ш* – 8. В потешке «*Ладушки, лады*» мелодичность создается чередованием *a / ы* (*a* – 12, *ы* – *и* – 8). В тексте «*Большаку дрова рубить*» ассонансы на *a* (24) и *e* (16) способствуют созданию напевности, плавности. В этом тексте наблюдаются аллитерации на *т* – 17 и *п* – 12, а сами согласные употребляются в сочетании, как правило, с *e* и *a*, что облегчает их произношение.

Таким образом, для усиления эмоционального воздействия на ребенка, с целью активизации внимания и процессов запоминания в текстах потешек используются мажорные интонации, которые достигаются как особой ритмичностью, отсутствием однообразия, так и использованием ассонансов и аллитераций, создающих мелодичность и благозвучие текстов.

Выводы

Потешки сменяют пестушки на 2-3 годах жизни ребенка и продолжают процесс формирования языковой личности. Предполагается, что минимальный лексический запас уже усвоен, поэтому ребенку дается новая информация об окружающем мире. Как и в пестушках, лексика потешек ограничена. Наряду с существительными (47%) активно вводятся глаголы, их количество составляет 31,6%. Это объясняется тем, что глаголы придают текстам динамичность, а внимание 2/3-хлетнего ребенка с предметов переключается на действия. С введением начального счета, который стимулирует мышление, в тексты вводятся числительные от одного до пяти, количественно соответствующие пальцам на одной руке.

Меняется форма произведений: все более она тяготеет к диалогу, так как с появлением вопросно-ответной системы ребенок овладевает интонацией, что представляется очень важным для процесса коммуникации.

Особое значение в потешках придается дифференциации слов, без чего невозможно свободное владение языком, так как с 3-х летнего возраста ребенок начинает самостоятельное словотворчество и ему необходимо владеть такими элементами языка, как грамматические формы рода, числа, падежа.

Важное значение приобретает лаконичность и точность синтаксических конструкций. Этому способствуют такие средства и приемы экспрессивности, как эллипсис, анафора, инверсия, ритмичность, благодаря которым в сознании ребенка фиксируются наиболее активные, стандартные словосочетания и формульные предложения, необходимые для общения.

Расширяется ассоциативное мышление, углубляется семантика текстов, закладываются основы понимания юмора, нравственные принципы поведения.

Потешки характеризуются особой ритмичностью, которая, помимо лексических, синтаксических, фонетических средств и приемов, достигается еще и игровыми действиями: хлопаньем в ладоши, подбрасыванием на коленях, круговыми вращениями пальца по ладони и т.д.

Таким образом, потешки способствуют тому, что к концу третьего года жизни ребенок уже хорошо понимает обращенную к нему речь, владеет интонацией, дополнительными оттенками значений, может понимать просьбу, приказ, воспринимает элементарный юмористический подтекст и уже активно включается в процесс общения. Заканчивается последний период онтогенеза речи.

ГЛАВА III

ПРИБАУТКИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОСПРИЯТИЯ РЕБЕНКА

Прибаутки представляют собой небольшой смешной рассказ или выражение, имеющее юмористический оттенок, «придающее речи, рассказу своеобразный, живой характер» [204, 389].

В детском фольклоре под этим термином [79; 111; 181] издавна объединялись стишки-песенки, призванные развлекать и потешать детей. От пестушек их отличают игровые действия, потому что, как отмечают ученые, «игра представляет собой средства построения модели окружающего мира, и тем самым инструмент овладения им и даже преобразования его» [168, 90]. Наблюдения современных ученых над игрой детей позволили выделить виды игровых действий:

- 1) предметные действия, позволяющие овладеть прагматическими свойствами предметов;
- 2) изобразительные действия, ставящие целью овладение внешними приметам и свойствами функций действующего субъекта-персонажа (человека или животного);
- 3) ролевые, целью которых является выявление их функций в сложных расчлененных действиях.

Значение игры в процессах овладения речью и познания окружающего мира было известно издавна и эффективно использовалось народной педагогикой в развивающих, обучающих и воспитательных целях, что и отражается в произведениях данного жанра.

Прибаутка призвана превратить замкнутый маленький мир ребенка в «разомкнутый» и бесконечно разнообразный мир, поднять ребенка до понимания социальных проблем, сословных и классовых отношений и некоторых философских категорий (жизни и смерти, вечных перевоплощений в природе, перехода одной формы жизни в другую), что является крайне необходимым.

Прибаутки соответствуют следующему периоду умственного и психического развития ребенка от 2 до 6 лет и ставят своей целью расширение кругозора малыша, обогащение новыми разнообразными понятиями, усложненными синтаксическими конструкциями и смыслами. Потешки не только подготавливают ребенка к игре, но и раскрывают перед ним эстетическую суть игры, которая несет новую информацию о предметах и явлениях, лежащих за пределами личного опыта ребенка и конкретно-чувственного восприятия

действительности. Прибаутки способствуют достижению нового, более высокого этапа в освоении языка и в умственном развитии ребенка (игры на уровне слова, понятия, смысла). Они опираются на его первичные представления о мире, о процессах труда, на усвоенный минимальный лексический запас и владение «орудиями» дифференциации, а также стереотипами.

Широко распространенные в прибаутках комические сюжеты, ситуации требуют не только уже сложившихся прочных нормативных представлений об окружающем мире, но и восприятия семантической глубины текста, скрытой в характере образной системы и в подтексте. Все, что не соответствует реалиям действительности и принятой в обществе морали, ребенком воспринимается как комическое, подлежащее осмеянию.

Прибаутки способствуют развитию воображения и ассоциативного мышления ребенка – качеств, необходимых в реальной жизни, так как в народе давно было замечено, что чем богаче воображение, тем выше умственное развитие.

Учитывая сложность задач, стоящих перед жанром, важнейшее значение приобретают средства и приемы экспрессивности, благодаря которым новая информация, трансформируясь в конкретные активные образы и ситуации, откладывается в сознании слушателя.

Переходя к рассмотрению экспрессивных средств данного жанра, следует осветить одно немаловажное обстоятельство, влияющее на характер текстов: генетические основы жанра.

По наблюдениям ученых [7; 79; 111; 82; 161; 181; 198], прибаутки как самостоятельный жанр детского фольклора сформировался не ранее XVIII века. В генетическом отношении прибаутки в основе своей восходят к игровым приговорам и скоморошным песням, от которых они унаследовали систему образов, форму. И.П. Сахаров дал описание девичьей игры «Коза», игровой припев которой положил начало многочисленным диалогическим прибауткам о козе, сороке и др. [198, 23]. Е.А. Авдеева, впервые опубликовавшая в 1849 г. в «Отечественных записках» прибаутки, выделила их из колыбельного жанра и

указала, что они не всегда пелись: их приговаривали, следовательно, им присущи частично и особенности колыбельного жанра. [2, 24]. Не разделял жанров прибауток и бытового фольклора В.П. Аникин, который впервые объединил эти произведения под термином «прибаутки» [7, 8]. В.И. Даль [79], А.Н. Мартынова [82], Г.Н. Потанин [181] к прибауткам относили и другие жанры: считалки, перевертыши, скороговорки. О.И. Капица [111], успешно решавшая вопросы классификации детского фольклора, также не провела грани между прибаутками и детскими песенками. М.Н. Мельников считает, что разница между этими жанрами заключается в том, что песенки имеют сугубо развлекательные задачи, а прибаутки - воспитательные и обучающие языковые [161, 14]. Именно этой точки зрения придерживается автор данного диссертационного исследования.

Таким образом, прибаутка как жанр детского фольклора не является исконным, однородным и созданным непосредственно для детей, с учетом их интересов и возрастной психологии. Произведения, квалифицируемые как жанр прибауток, генетически восходят к другим жанрам: колыбельным, скоморошным песням, игровым приговоркам, анекдотам – и синтезируются в прибаутки по принципу их соответствия развивающим, обучающим задачам. Этим объясняется неоднородность жанра: разноплановость образов, разнохарактерность текстов, их значительные объемы и разнообразие тем и мотивов, часто не соответствующих представлениям о детской литературе. Характерной особенностью прибауток является их юмористический характер.

Несмотря на все «несоответствия», тем не менее именно они помогают главной развивающей и обучающей задаче – подготовить ребенка к вхождению во взрослый мир, развить его ум, воображение, ассоциативное мышление до такой степени, чтобы он мог свободно ориентироваться и ощущать себя в новом качестве. В ходе решения указанной задачи возникали значительные трудности: многообразие тем и проблем, сконцентрированных в прибаутках, казались недоступными для детского восприятия, способными «оглушить» и тем самым затормозить развитие ребенка.

Развивающие цели и познавательные возможности ребенка 2-6-летнего возраста вступают в противоречие. Разрешению этой проблемы способствует использование такой системы экспрессивных средств, которая позволяет преодолеть все эти противоречия и адаптировать тексты для наиболее эффективного восприятия. Подразумевается:

во-первых, эстетическое воздействие, вполне удовлетворяющее «требованию радости» ребенка и несущее заряд положительно-эмоциональных импульсов; указанное воздействие достигается за счет высоких художественных достоинств поэтических текстов (яркой образности, рифмы, богатства аллитераций, звукописи и т.д.);

во-вторых, широкое введение фантастического элемента, как правило, с оттенком юмора, необычного материала, что способствует развитию воображения ребенка и интригует его;

в-третьих, восприятию богатой информации о мире способствует как строгая дозировка (по одной трудности за один раз), так и структура произведения, в котором, с целью лучшего усвоения и запоминания материала, используются различного рода повторы.

Неоднородный структурно-образный характер прибауток, его насыщенность разноплановыми денотатами уже является выражением экспрессивности и эмотивности текста, поскольку отвергает монотонность и однообразие, утомительные для ребенка. Трудное и непонятное озадачивает малыша и будит его мышление и воображение.

3.1.Прибаутки в текстовом аспекте.

Возрастающая сложность задач, стоящих перед жанром, необходимость расширить информационное поле ребенка, требует значительного увеличения объема произведений. Тексты прибауток характеризуются нестабильностью объемов: количество строк колеблется от 3-ех – 5-и до 43-ех; наибольшее количество текстов включает от 5-ти до 20-ти строк (30 текстов), от 5-ти до 7-ми

строк в 16-ти текстах, свыше 20-ти строк – 4-ех текста, 3-и текста насчитывают от 30-ти до 43-ех строк.

Это объясняется неоднородностью произведений данного жанра, куда входят:

1) **короткие песенки** (без элементов комизма), обращенные к детям (*Наша доченька в дому; Котишко-мурышко; Синичка, синичка, воробью сестричка; Зайчик ты зайчик; Уж ты серенький коток и др.*);

2) **прибаутки-шутки**, генетически восходящие к шуточным песням скоморохов и унаследовавшие их систему образов. Это песенки о животных, насекомых, выполняющие человеческие действия (*Кошка в лукошке; Долгоногий журавель*);

3) **кумулятивные песенки**, которые в большинстве своем представляют незамысловатые сказки, или, по определению А.Ф. Можаровского [166, 23], сказочные песенки (*Пошла коза, Повелел гриб боровик, Жил - был у бабушки Серенький козлик*);

4) **контаминированные песенки**, которые захватывают отрывки различных произведений как данного жанра, так и других жанров (*Ай, ду-ду, ду-ду-ду, Потерял мужик трубу; Кукареку петушок; Ай, чу-чу, ай, чу-чу; Пошел козел за водой; Была курочка рябенька и др.*);

5) **диалогические прибаутки**, восходящие к игровым припевкам (*о конях, о быках; Ты, сорока, ты, сорока; Кисонька-мурысонька*);

6) **прибаутки-притчи**, которые содержат в себе ярко выраженный поучительный элемент (*Сбил - сколотил – вот колесо; Тим? А Тим?; Федул, что губы надул и др.*);

7) **небылицы–перевертыши** – «песенки или стишки, в которых все поставлено «с ног на голову»» [82, 25] (*Ехала деревня мимо мужика; Между небом и землей поросенок рылся и др.*).

Разнообразны прибаутки и по форме изложения: подавляющее большинство произведений носит монологический характер (32 текста), однако активно вводится форма диалога (8 тестов), комбинированных текстов с элементами

диалога – 6. Тенденция к увеличению диалогических текстов вызвана, с одной стороны, необходимостью научить ребенка формулировать вопрос и отрицание, что диктуется потребностями коммуникации и поиска соответствующих языковых средств. С другой стороны, возникновение в речи вопросительных предложений вызывает у детей резкий скачок в овладении интонацией [168, 31]. Интонация в диалогическом тексте четко фиксирует «сигнал вопроса» и привносит различия в характер реплик (– *Где была?* –*Далеко*). С точки зрения стилистики, диалог является эффективным экспрессивным средством: 1) постоянная смена интонаций создает эффект многоголосия, динамичности действия; 2) происходит своеобразная смена кадров: внимание переключается с одного персонажа на другой, и слово (фраза) воспринимается как действие, поступок. К тому же прямая речь не только содержанием, но и способом выражения мыслей и чувств служит средством характеристики говорящего лица, создания художественного образа.

Следовательно, в данной форме повествования заложена большая выразительность, яркость, эмоциональность, которая способствует созданию эффекта динамичности в развитии действий, что особенно важно для восприятия текста ребенком, который по природе своей не терпит никакого однообразия. Таким образом, форма произведения помогает реализации его обучающих задач и активизирует процессы запоминания, усвоения предлагаемой информации.

В данной работе текстовый анализ прибауток проводится по жанровым подгруппам, предложенным М.Н. Мельниковым [161, 23].

Первым звеном в этой цепи являются *короткие песенки*, обращенные к детям. Они призваны передать определенную информацию об окружающем мире и создать радостное настроение ребенка. Для них не характерны элементы комизма. Из-за малых объемов (от 3-ех до 5-и строк) они не имеют развернутого сюжета и отражают один небольшой фрагмент действительности. Важную роль в них играет «второй голос», голос автора (коллективного создателя), так как, как отмечал М.М. Бахтин, всякий подлинно творческий голос может быть только

вторым голосом в слове, и талантливый автор обладает даром непрямого говорения [27, 54].

«Второй голос» способствует созданию эмотивности текстов, насыщает их нежностью и любовью, обращенной к ребенку, передает идею значимости ребенка как для конкретной семьи, так и для общества в целом, а также вызывает у адресата ответные положительные эмоции. Прибаутка:

Наша доченька в дому,

Что оладушек в меду,

Что оладушек в меду,

Сладко яблоко в саду – представляет собой простое неполное оценочное осложненное предложение с повтором стиха, на который делается смысловой акцент. Песенка пронизана любовью и нежностью к ребенку. Главную роль в тексте играют существительные с конкретным лексическим значением и положительной эмоциональной окраской: *доченька, яблочко, оладушек, мед, сад, дом*. Усиливая и дополняя друг друга, они трансформируются в зрительные слова-образы, где содержание главного «наша доченька» раскрывается посредством сравнения с последующими: *оладушек, яблочко, мед*, – причем положительные эмоции формируются на основе мелиоративных вкусовых качеств приведенных выше слов-понятий. Благодаря им возникает дополнительное значение «сладости»: во-первых, *мед* символизирует «сладости слова Божьего» [205, 34], во-вторых, *яблочко* в идеале также подразумевает сладость (*наливное яблоко*); вкусовое ощущение усиливается усеченной формой прилагательного *сладко*, увеличивающим ассоциативные представления, возникшие ранее. Представленный денотат служит единственной цели: раскрыть положительную значимость слова-образа *наша доченька*, придать ему вкусовую характеристику сладости как в высшей степени положительной оценочности. В создании экспрессивности важная роль принадлежит суффиксам *-еньк-* *-ек-* *-очк-*, придающих тексту радостное звучание и нежность, усиливающих эмоциональное воздействие на ребенка: *доченька, оладушек, яблочко*.

Целью создания данного текста является не только концентрация положительных эмоций, но и введение в сознание ребенка необходимой конкретной информации об окружающем мире: у человека обязательно должен быть дом (человек живет в доме), оладушек должен быть в меду, яблочко растет в саду (а не где-то в другом месте) и должно быть (в идеале) сладким, потому что «для народно-поэтического творчества в целом характерно описание мира как идеальной нормы, стабильного образца» [169, 26].

Особое значение такое отражение окружающего мира приобретает в произведениях детского фольклора, целью которых является формирование мировоззрения ребенка, т.е. в сознание ребенка изначально закладывается стремление к лучшему (к идеальному). И даже если это «идеальное» не может быть реализовано, важно знание о его существовании как высшем критерии измерения всего существующего.

Вторая группа формируется за счет *собственно прибауток*. Принцип повторяемости как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях характерен для построения текстов данной группы. Рассмотрим прибаутку «*Зайчик, ты, зайчик, Коротенькие ножки, Сафьяновы сапожки*». Денотативный план прибаутки предельно прост: зафиксировать в сознании ребенка художественный образ животного. *Зайчик* является главным и единственным образом текста. Внимание на нем фиксируется посредством повтора существительного *зайчик*, усиливающегося анафорическим местоимением *ты*. Причем данное существительное выступает в предложении в роли обращения к отсутствующему лицу.

Таким образом, создается эффект интимизации ситуации. Образ приближается к ребенку. Такой прием вызывает радостные эмоции, тем более, что ребенку вообще свойственно восприятие игры как реальности. Экспрессивность тексту придают аффиксы, имеющие уменьшительно-ласкательное значение.

Основной персонаж прибаутки не *заяц*, а *зайчик*, у него не *ноги*, а *ножки*, и они не *короткие*, а *коротенькие*, что создает оттенок нежности, ласкательности, и это не является случайным: в сознание ребенка закладываются основы

мировоззрения, базирующиеся на добром, гуманном отношении к окружающей природе, восприятию самого себя как части этой природы. Эвалюативы создают параллель: *маленький зайчик* (животное вообще) - *маленький ребенок*. Подобная общность, с одной стороны, активизирует процессы восприятия и усвоения информации, с другой стороны, развивает интерес к познанию окружающей природы. Когда мы говорим о нормированности лексики в прибаутках, то имеем в виду незначительные по объему тексты (3–6 строк), информативность которых невелика, но не менее важна, чем в объемных текстах. Определяющим в этом случае является возраст ребенка: прибаутки рассчитаны на возраст от 2-х до 6-ти лет. Это очень широкий диапазон, ведь познания о мире 2-х летнего ребенка резко отличаются от познаний 6-тилетнего. По-видимому, именно этим обстоятельством определяется характер текста: чем меньше ребенок, тем меньше объем и информативность. Как отмечает М.Н. Мельников, «по одной сложности за раз» [161, 35]. Образы животных и птиц наиболее популярны и любимы детьми, именно поэтому им принадлежит важное место в текстах прибауток: они активизируют восприятие и вызывают положительные эмоции ребенка, повышают эмотивность текстов.

В следующей группе – *прибаутках-шутках*, репрезентирующих информацию о процессах труда и других человеческих действиях, – главными образами являются именно животные и птицы. Происходит своеобразная перекодировка, в результате которой вносится элемент комизма, основанный на отклонении от норм реальности: «так не бывает». К двум-трем годам ребенок уже хорошо усваивает основные реалии жизни, и поэтому животные и птицы, выполняющие действия человека, представляются ему забавными, вызывают интерес.

Денотативный план прибаутки: *Синичка, синичка, Воробью сестричка. Воробей-воришка Залез в амбаришко Клевать просо Своим носом* – отражает еще один, казалось бы незначительный, фрагмент реального мира: воробей залезает в амбар, чтобы клевать просо. Для воробья находить себе еду где угодно является естественной потребностью жизни, для человека тот же факт (воробей проникает

в его амбар и съедает его зерно) представляется воровством. Прибаутка передает точку зрения человека, и общая воспитательная идея текста направлена на порицание воровства как явления негативного и подлежащего осуждению. Такая идея трансформируется посредством представленных в тексте существительных: *синичка, воробей, ворюшка, амбарюшко*. Главным действующим лицом выступает *воробей*. Затем появляется образ *синички*, усиливающийся повтором слова, причем если слово «воробей» употребляется в исходной форме, то в слове «синичка», а также в относящемся к нему слове «сестричка» задействован суффикс *-ичк-*, имеющий «значение усиления уменьшительности и ласкательности», фиксирующий симпатии [196, 269]. Таким образом положительно-эмоциональное отношение к этому образу усиливается. Учитывая то, что далее синичка как образ не фигурирует, можно предположить, что он вводится как позитивный фон для высвечивания на нем негативных действий, что значительно усиливает воздействие на сознание ребенка и подготавливает его к выработке отрицательной оценки не столько конкретных действий воробья, сколько самого явления «воровство». Этой же цели служит и лексика. Внимание концентрируется на главном образе: лексема *воробей* усиливается лексемой с явной негативной эмоциональной оценкой – *ворюшка*, причем суффикс *-юшк-* привносит значение пренебрежительности, презрительности, снисходительной иронии к объекту повествования [196, 270].

Разновидовые глаголы *залез* и *клевать* предполагают развитие зрительности и динамичности восприятия процесса: форма совершенного вид глагола *залез* свидетельствует о разовости и завершенности действия, форма несовершенного вида глагола *клевать* характеризует цель проникновения, называет процесс в его протяженности. Существительные *просо, носом, в амбарюшко* дополняют и детализируют картину происходящего, создавая завершенный фрагмент реального мира.

Аналогичный мотив порицания котика-ворюшки звучит сразу в двух прибаутках:

Котишко-мурюшко,

Уж ты, серенький коток,

*Серый лобишко,
Не лезь в сметану,
Оставь Степану*

*Не ходи-ка в погребок
По сметану, по творог.
У нас скоро придет зять,
А сметаны негде взять.*

В данных прибаутках нет прямого обвинения кота в воровстве, но это легко эксплицируется из контекста и передается в первом тексте посредством употребления в словах *котишко*, *мурышко*, *лобишко* суффикса **-ишк-**, (**-ышк-**), вносящего пренебрежительный оттенок и формирующего отношение не к животному (коту), а к его действиям. Снисходительно-пренебрежительная интонация первой части, представляющей собой обращение-характеристику, во второй части сменяется резким окликом-предупреждением, благодаря употреблению глаголов в форме императива. В первой строке категоричность усиливается отрицательной частицей *не* и логическим ударением на глаголах в начале 2-ой и 3-ей строки, а также ритмической однотипностью.

Другой текст о коте-воришке построен в форме просьбы, и обращение к животному иное, можно сказать, ласковое, снисходительное: ему объясняют, почему нельзя трогать сметану и творог. Иная интонация подкрепляется использованием других языковых средств: *коток*, *погребок*; суффикс **-ок-** сам по себе имеет уменьшительно-ласкательную окраску, в нем есть элемент позитивности, которая поддерживается прилагательным *серенький* с эвалюативом **-еньк-**. Повтор анафорического местоимения *ты* (*Ах ты серенький коток, не ходи ты в погребок*) подчеркивает настоятельную просьбу-запрет: *не ходи*.

Смысловый акцент концентрируется на глаголах, называющих обращение к главному действующему лицу и выраженных формой императива и инфинитива с отрицанием, образующих причинно-следственную связь: *не ходи* (в значении *не ешь*), а то негде будет взять. Глаголы *не ходи* и [негде] *взять* образуют своеобразное смысловое кольцо.

Сочетание *скоро придет [зять]* представляет собой некоторую проекцию в будущее, создает эффект напряженности ожидания.

Тематическая близость этих прибауток при некотором различии форм выражения стимулирует обучение ребенка особенностям интонации, а также демонстрирует разнообразную роль глагола в этом процессе. Прибаутка: *Коси, коса, Пока роса, Роса долой, Косец домой. Коса любит лопатку, Лопатка - песок, А косец – пирожок* – описывает процесс труда, который ребенок видел неоднократно.

Экспрессивное воздействие данного текста реализуется, главным образом, с помощью эвфонических средств: ритмичность, мелодичность звучания, достигается посредством ассонансов на *-а, -о* (*а* – 11; *о* – 19) и создающих напевность. Звуковая «зарисовка»: аллитерация на *-с* (9) в соединении с *-л, -к* (12) создает подражание звукам от взмаха косы, падения скошенной травы. Благозвучию также способствуют однокоренные слова (*коса, косец, коси*) и их повторы, а также квазиамотическая аттракция (*коса – роса; долой – домой*). При описании процесса заточки косы используется метафора (*коса любит лопатку*), динамичность текста достигается за счет нанизывания однотипных эллиптических конструкций.

Таким образом, главной задачей прибауток данной группы является расширение знаний ребенка об окружающем мире, закладывание основ его мировоззрения. Тексты представляют собой монологи с активно используемыми обращениями к персонифицированному собеседнику: животным, птицам, что придает интимность звучанию; часто используемые повторы (как одного слова, так и однотипных конструкций) активизируют процессы запоминания и усвоения информации.

Следующая группа текстов прибауток-шуток включает монологические, диалогические и смешанные (монологические с элементами диалога) прибаутки. Объемы текстов колеблются от 4 до 18 строк. Действующими лицами выступают чаще всего домашние животные и птицы: *курочка, козел, коза, петушок, кошечка, кот, барашки*; реже – *лиса, журавель, сова, сороки*.

Тексты прибауток, в которых животные выполняют действия, характерные для людей, строятся приблизительно по одному принципу. Первый стих

репрезентирует своеобразное представление действующего лица с характеризующим его прилагательным или указанием места действия: *Курочка ряба; Долгоногий журавель; А барашки – круты рожки; Две сороки-белобоки; Кошка в лукошке; А сова из-за угла.* Далее идет перечисление действий, осуществляемое с помощью нанизывания однотипных конструкций, в которых глаголы обязательно выносятся в акцентную позицию конца строки и попадают под логическое ударение. Подобное нанизывание создает эффект сменяющихся кадров, усиливает динамичность повествования: *Все овес толкла, просо сеяла, горох веяла.*

Употребление всех глаголов в форме прошедшего времени вызывает ощущение продолжительности, если не бесконечности, дел в домашнем хозяйстве. Это впечатление усиливается частицей *все*, которая в данном контексте указывает на временную длительность процесса:

<i>Курочка ряба</i>	<i>Просо сеяла,</i>
<i>Все овес толкла,</i>	<i>Горох веяла.</i>

Таким образом, ребенок получает не только информацию о процессах крестьянского труда (*овес толкут, просо сеют, горох веют*), но и имплицитно в его сознании формируется представление о характере крестьянской жизни, о бесконечном множестве работ, которые необходимо проделать в течение дня.

Эвалюатив *-очк-* в существительном *курочка* положительно-эмоционально окрашивает не только главное действующее лицо, но и действия, описанные в тексте, а, следовательно, через них весь образ жизни крестьянской семьи, в центре которой тяжелый ежедневный труд. Эта же идея в других текстах трансформируется в мотив необходимости разделения труда между членами семьи и обязанности каждого (в том числе и детей) работать. Построение текстов идет по тому же принципу нанизывания действий, передаваемых однотипными конструкциями с вынесением глагола в конец стиха и постановкой его под логическое ударение, а также повтором одной-двух строк в каждой строфе, используемых как для связи частей текста (своеобразный захват с нарастанием), так и для активизации внимания на определенных смыслах.

Композиция следующей прибаутки несколько отличается от предыдущих:

- | | |
|-------------------------------|------------------------------|
| 1. <i>Долгоногий журавель</i> | 7. <i>Коза муку мелет,</i> |
| 2. <i>На мельницу ездил,</i> | 8. <i>Козел засыпает,</i> |
| 3. <i>На мельницу ездил ,</i> | 9. <i>Малые козляточки</i> |
| 4. <i>Диковинку видел,</i> | 10. <i>Муку выгребают,</i> |
| 5. <i>Ай-люли, ай – люли,</i> | 11. <i>Ай-люли, ай–люли,</i> |
| 6. <i>Диковинку видел;</i> | 12. <i>Муку выгребают.</i> |

Основной образ – *журавель* передает увиденные «диковинки». Далее происходит некоторое тематическое раздвоение: сначала представлена тема распределения труда в семье (2-3 строки), а далее тема досуга (4-6 строки). Причем глаголы первой строфы (*ездил, видел* – пр. вр.) темпорально не соответствуют глаголам в последующих строках, где употреблена преимущественно форма настоящего времени (*мелет, засыпает, выгребают, играют, вертит*). Форма настоящего времени обозначает действие, одновременное с действием в первой строке. Такое сочетание применяется для оживления рассказа, придания ему большей изобразительности: оно делает слушателя фактически соучастником происходящего. На этот же эффект рассчитана и форма несовершенного вида представленных глаголов, указывающих на то, что действие не окончено и продолжается в данный момент.

Сочетание форм единственного и множественного числа также передает идею массовости в трудовых процессах (*козел, коза, козляточки; мелет, засыпает, выгребают*). Суффикс *-очк-* (*козляточки*) в единственном из представленных в тексте существительных придает положительную оценку, поощряя таким образом участие детей в домашнем хозяйстве. В трех следующих строфах тема труда сменяется темой досуга, являющейся не менее важной.

Значительную роль в создании экспрессивности данного текста играют контекстуальные синонимы, создающие комичность ситуации: *ногами топочет, головой вертит*, а также припев «*ай-люли, ай-люли*», который повторяется в каждой строфе и в то же время является связующим элементом текста.

Тема разделения труда в семье представлена в прибаутке:

Кошка в лукошке –

Рубашечку шьет,

А кот на печи сухари толчет.

У нашей кошки три сдобные лепешки,

А у нашего кота три погребка молока, – где кот и кошка символизируют хозяина и хозяйку. Основным приемом данного текста является прием параллелизма, посредством которого создается многоплановость происходящего. Главные персонажи изображены в действии: (*кошка рубашечку шьет, кот сухари толчет*). Построение прибаутки однотипно и строится по схеме: Кто? Что делает? Где? – Кто? (*кошка, кот*), Что делает? (*шьет, толчет, Что?* (*рубашечку, сухари*), Где? (*в лукошке, на печи*). Прямой порядок слов нарушается, внимание акцентируется на месте действия, выраженном существительным в форме предложного падежа с предлогом, и действию, переданном глаголами в форме несовершенного вида настоящего времени. Таким образом достигается зрительный эффект происходящего: действие разворачивается, протекает сейчас и переключается с одного объекта на другой.

Вторая часть прибаутки связана с первой по принципу тождества упоминаемых объектов (*кошка – у кошки, кот – у кота*), но если первая строка состоит только из существительных и глаголов, то во второй части уже появляются прилагательные, местоимения и числительные, заключающие в себе определенную положительную оценку: *сдобная лепешка* (признак достатка) и дважды повторяющееся местоимение *наша – наши*. Для фольклорных текстов понятия *наш – чужой* являются оценочными и передают соответственно позитивные и негативные эмоции. Появление количественного числительного *три*, повторяющегося дважды, также не является случайным: как указывает Д.С. Лихачев, число три являлось первым числом, символизирующим множественность (один – это я, два – это ты и я; три – это много) [142, 65]. Следовательно, «*три*» в тексте не называет конкретное количество предметов, а указывает на достаток, богатство хозяев, что в бедном крестьянском быту воспринимается как положительное, желательное, радостное.

Особое место в прибаутках о животных принадлежит *небылицам*, своеобразным «*путаницам*», обладающим высокой степенью эмоциональности за счет экстралингвистического и денотативного планов, а также комического эффекта, создаваемого этими планами.

Восприятие небылиц требует от ребенка особой интеллектуальной работы, основанной на прочном знании соотношения и взаимодействия предметов в реальном мире, и умения сопоставлять эти знания с ситуациями, представленными в перевертышах; накладывать один план (вымышленный) на другой (реальный). Именно в процессе такой, довольно сложной для маленького ребенка, умственной деятельности достигается понимание текста, воспринимается его комический эффект. Перевертыши становятся излюбленными стихами детей, начиная с трехлетнего возраста, и этот факт свидетельствует о том, что к данному возрасту ребенок уже хорошо усвоил не только реальное соотношение предметов и действий, но и основы грамматико-парадигматических, семантико-синтаксических и ассоциативных связей, ему стала доступной игра на уровне слова и смысла.

Исследователь детского фольклора К.И. Чуковский отмечал, что «небылица необходима ребенку лишь тогда, когда он хорошо утвердился в «бывальщине» [246, 219]. Интерес к небылицам говорит о том, что в сознании ребенка уже сформировались понятия «правильная координация вещей – обратная координация вещей», потому что именно на этой оси строится комический эффект, создающийся веселой путаницей.

Итак, «путаница» становится основным художественным приемом данной группы текстов, именно она создает эмоциональный эффект перевертышей. Главными образами в небылицах являются животные, птицы, насекомые, реже люди, которые оказываются в ирреальной ситуации и выполняют не свойственные им действия или действия наоборот. Данные тексты имеют значительные объемы (до 25-32 строк) и представляют собой небольшие фрагменты «перевернутой» действительности (от 3 до 10 строк), нанизанные последовательно и сюжетно не связанные между собой.

Тексты небылиц представляют собой, казалось бы, несвязанные или молосвязанные в смысловом и логическом планах ситуации и мотивы. Но воспринимаются они в качестве целостного текста за счет «небыличной» сути всего происходящего. Понятия «небылица», «чудеса» являются лейтмотивом всего происходящего:

1. Небылица в лицах небывальщина,
 Небывальщина да неслыхальщина,
 По поднебесью сер медведь летит,
 Он ушками, лапками помахивает,
 Он черным хвостом принаправливает.
 На дубу свинья гнездо свила,
 Гнездо свила, деток вывела.
 Небывалица в лицах, небывальщина,
 Небывальщина да неслыхальщина.
 Малы деточки поросяточки
 По сучкам сидят, по верхам глядят,
 По верхам глядят, улететь хотят.
 Небылица в лицах, небывальщина,
 Небывальщина да неслыхальщина.
 Таракан гулял, гулял за печью,
 Вдруг да выгулял он на белый свет.
 Небылица в лицах, небывальщина,
- Небывальщина да неслыхальщина.
 На горе корова белку лаяла,
 Ноги расширя, глаза выпуча,
 Небылица в лицах, небывальщина,
 Небывальщина да неслыхальщина.
 Небывальщина да неслыхальщина.
 Увидал таракан в лохани воду:
 – А не то ли, братцы, море синее? –
 Небылица...
 Увидал таракан – из чашки ложками
 хлебают:
 – А не то ли, братцы, корабли бегут,
 Корабли бегут, на них гребцы
 гребут? –
 Небылица в лицах, небывальщина,
 Небывальщина да неслыхальщина.
2. Облоухая свинья
 На дубу гнездо свила,
 Поросила поросят
 Ровным счетом шестьдесят.
 Распустила поросят
 Все по маленьким сучкам.
 Поросята визжат,
- И на воздухе присели.
 Косолапый медведь
 С мухи шкуру содрал,
 Полсапожки себе сшил,
 В полсапожке щеголял,
 Оскользнулся и упал,
 В синем море он пропал,

*Полететь они хотят.
Полетели, полетели
А на печке мужик
Осетра-рыбу поймал,
А в пламени другой
Быстру щуку схватил.*

*Сине море все повыгорело,
Бела рыба вся повылетела,
Как пошло на чудеса,
И где море – там леса,
Водой палют леса.*

Перед нами два однотипных текста, в которых образные системы во многом сходны. В этих текстах стержневым понятием является «небылица». В одном случае этот мотив проходит на уровне подтекста, в самую прибаутку слово небылица не вводится, в другом – оно выведено в припев, является лейтмотивом и повторяется 8 раз, акцентируя внимание на данном значении за счет синонимов и повторов: *небывальщина – неслыхальщина – небывалица*.

Использование приставочных глаголов в форме прошедшего времени способствует своеобразному нанизыванию действий, чередованию картин происходящего. В более развитых сюжетах (а их немного) сочетаются глаголы прошедшего и настоящего времени. Такое соединение создает в воображении ребенка своеобразную временную глубину текста, вводит его в ситуацию и делает соучастником развертывающегося действия:

*На дубу свинья гнездо свила,
Гнездо свила, деток вывела.
Малы деточки поросяточки
По сучкам сидят, по верхам глядят.*

Итак, в вводной части использована форма прошедшего времени, указывающая на уже свершившийся факт (*свила, вывела*); при описании поросят используется форма настоящего времени. Таким образом повествование приближается к слушателю: создается впечатление, что он входит в это время и видит описываемое как происходящее в данный момент.

В коротких сюжетах используется форма одного времени (прошедшего), события нанизываются, дополняя одно другое, и создают единый фрагмент действительности в динамике:

По поднебесью сер медведь летит.

Он ушками, лапками помахивает,

Он черным хвостиком принаправливает.

Значительная роль в создании семантической глубины текста принадлежит приставкам: в первом стихе бесприставочный глагол *летит* просто констатирует действие; приставка *по-* в глаголе *помахивает* вносит как определенный временной оттенок (время от времени машет), так и ощущение легкости, приятности действия; в глаголе с двумя приставками *при-* и *на-* *принаправливает* само значение *править* включает в себе излишнюю серьезность, деловитость, напряженность; приставка *на-* вносит в значение некоторую легкость, периодичность (раз направить и какое-то время летит), а приставка *при-* вносит оттенок неполноты действия, т.е. слегка направить [196, 586]. Эти особенности создают ощущение легкости, произвольности, желаемости полета.

В следующих строках: *Таракан гулял, гулял за печью, Вдруг да выгулял за печью, Вдруг да выгулял он на белый свет* – используется пара *гулял, гулял – выгулял (на свет белый)*. В первом случае фиксируется продолжительность действия за счет повтора (*гулял, гулял*), глагол *выгулял* воспринимается как конечный результат предыдущего – *гулял* – и является толчком к дальнейшему развитию сюжета. Логическая связь в пределах одного сюжета осуществляется посредством повторов словосочетаний из конца одной строки в начале следующей (*по верхам глядят, гнездо свила, корабли бегут*). Вследствие таких повторов внимание акцентируется на данных смыслах, которые являются связующими элементами текста. В некоторых случаях межфразовые связи поддерживаются словами-заместителями: анафорическими местоимениями (*Медведь летит, Он ушками, лапками помахивает, Он черным хвостиком принаправливает*); нулевыми заместителями (*Облаухая свинья на дубу гнездо свила, Поросила поросят Ровным счетом шестьдесят. Распустила поросят Все по маленьким сучкам.*).

Своеобразная словесная «путаница» достигается в прибаутках этого типа сочетаниями, которые не встречаются в реальности, так как подобные соединения

невозможны. Ребенку такой «перевернутый мир» доставляет особое удовольствие, поскольку он только что усвоил порядок вещей, поэтому любое отклонение является утверждением нормы, опять-таки «наоборот». То есть, идет игра, которая занимает ребенка и укрепляет его знания о реальном мире: *Медведь летит; Корова белку лаяла; Свинья на дубу гнездо свила; Поросята по сучкам сидят, полететь хотят; присесть на воздухе; содрать с мухи шкуру и сшить полсапожки; Море повыгорело; Рыба повылетела; На печке осетра-рыбу поймал; Леса палют водой* и т.д.

Идет дальнейшее освоение новой информации на более сложном уровне восприятия, требующее от ребенка значительной интеллектуальной работы.

В некоторых случаях в перевертышах соблюдается идеальный порядок: все формы и связи воспроизводятся абсолютно правильно, только «наоборот», напр.:

<i>Лыко мужиком подпоясано,</i>	<i>И давай бить палку.</i>
<i>Ехала деревня средь мужика,</i>	<i>Собака амбар-то поджсала</i>
<i>Глядь, из-под собаки лают ворота;</i>	<i>Да под хвост и убежала,</i>
<i>Ворота-то пестры, собаки-то новы,</i>	<i>Изба пришла в мужика,</i>
<i>Мужик схватил собаку</i>	<i>Там квашня бабу месит.</i>

В подобных текстах не наблюдается однотипности конструкций. Каждая строка (или 2 строки) представляют один эпизод, далее идет другой эпизод. Фрагменты действительности связываются бытовой тематикой и необычным характером текста; постоянная смена действующих лиц и ситуаций придает динамичность, вызывает смену зрительных образов, так как все происходящее в прибаутках «наоборот» хорошо знакомо ребенку (в правильном соотношении вещей) из реальной жизни. Каждое слово в данном тексте несет определенную смысловую нагрузку и является необычайно важным в создании образов-перевертышей. Следует особо отметить, что все грамматические формы соблюдены абсолютно правильно: *Лыко мужиком подпоясано, Ехала деревня средь мужика; Изба пришла в мужика; Там квашня бабу месит* и т.д.

В наиболее продолжительном фрагменте о собаке межфразовые связи осуществляются в основном тождеством упоминаемых объектов, усиливающих

повтором: *собаки (собаки-то), собаку, собака; ворота (ворота-то)*. В других случаях происходит своеобразное нанизывание фрагментов действительности.

Нестандартен текст небылицы «*Кабы курочка бычка родила*»:

<i>Уж и где же это видано,</i>	<i>Поросеночек яичко снес,</i>
<i>Уж и где же это слыхано,</i>	<i>Чтоб по поднебесью медведь летал,</i>
<i>Чтобы курочка бычка принесла.</i>	<i>Черным хвостиком помахивал.</i>
<i>А безглазый подглядывал,</i>	<i>Безъязыкий караул закричал,</i>
<i>А безрукий яичко украл,</i>	<i>А безногий догонять побежал.</i>
<i>Голопузый за пазуху запхал,</i>	

Употребление сочетаний *где же это видано, где же это слыхано* в первых строках задает тон условности всей прибаутке, указывает на ирреальность ситуаций. Характерными для данного текста являются своеобразные антонимические отношения между сочетающимися лексемами: значение одной из них абсолютно отрицает действие, ей приписываемое: *безглазый – подглядывая; безрукий – украл, безъязыкий – закричал, безногий – побежал*. Основная роль в построении данных парадоксов принадлежит приставке *без-*, которая фактически перечеркивает исходное значение субстантива, заключающего ярко выраженную характеристику-признак. Образуются своеобразные ассоциативные поля: глаза – орган зрения, глазами видят, но *безглазый* – это тот, у кого нет глаз, он видеть не может, поскольку приставка *без-* отрицает наличие данного органа, а следовательно, и возможность видеть.

Значительная роль в усилении данных парадоксов принадлежит видо-временным формам глаголов: все они (кроме *подглядывал*) являются приставочными формами совершенного вида прошедшего времени (*украл, запихал, закричал, побежал*) и подчеркивают факт завершения действия к моменту речи. Сочетание начального элемента «*кабы*» с представленными глаголами способствует раскрытию семантической глубины текста, свидетельствует о невозможности происходящего и создает комический эффект. Комический эффект достигается, как отмечает М. Минский, за счет ситуативного несоответствия – нарушения фрейма [163, 44].

В других прибаутках «путаница» не является стержневым понятием, а выполняет роль одного из фрагментов текста, способствующих повышению общей эмотивности:

1. *Как по речке, по реке*

Ехал рыжий на быке;

2. *Как у нашего Данилы*

Разыгралась скотина;

3. *Стучит, бренчит на улице,*

Фома едет на курице и др.

Композиционное построение **кумулятивных песенок**, представляющих собой незамысловатые сказки, определяется объемом (от 10 до 43 строк). Использование языковых средств и приемов также несколько отличается от предыдущих текстов. Данные тексты имеют более сложный смысл. Они близки к прозаическим произведениям (в частности, сказкам), у них особая композиция: завязка, развитие действия и развязка, и так же, как сказки, они заключают в себе нравоучение, определенные морально-этические принципы с четко разграниченными полюсами: хорошо – плохо. Наименьшей в этой группе по объему является прибаутка: *Жил-был у бабушки Серенький козлик. Захотелось козлику В лес погулять. Напали на козлика Серые волки. Разорвали козлика На мелкие части. Оставили бабушке Рожки да ножки.* Своим зачином она очень напоминает сказку: синонимичные глаголы *жил-был* усиливают акцент на форме прошедшего времени и являются толчком к вопросу: *что же с ним случилось?* Далее предполагается завязка действия: *Захотелось козлику в лес погулять.* Глагольные формы совершенного вида «*захотелось*» и «*погулять*» указывают на спонтанность и интенсивность действия. Особое волеизъявление персонажа вне зависимости от воли кого-либо, от здравого рассудка, какого-либо мотива или правильности действия может быть квалифицировано как упрямство, своеволие. Нанизывание однородных сказуемых, представленных приставочными глаголами, внесено в акцентную позицию начала строки и концентрирует внимание на негативных действиях, являющихся результатом желательности действия – *захотелось*. Такая расстановка и взаимодействие языковых средств акцентируют

внимание ребенка на закономерности и неизбежности подобного результата, когда в основу поступка кладется ничем не мотивированное желание – *захотелось*. Впечатление усиливает фразеологизм «*рожки да ножки*», фиксирующий плачевный результат и способствующий воздействию на ребенка, а также предостерегающий его от подобных действий.

Прибаутка «*Пошел козел за лыками*» резко отличается от предыдущих как своим объемом (43 строки), так и значительным расширением числа действующих лиц до 8-ми, названных существительными с конкретным значением: *люди, татары, волк, огонь, вода, быки, козел, коза*. Денотат данного текста несет информацию о том, что лес полон опасностей (как для домашнего животного, так и для незащищенного человека, ребенка), что для козы страшен волк, но волк боится вооруженных людей (охотников), люди боятся татар (здесь как синоним захватчиков, внешних врагов), но перед огнем (синонимом пожара) не устоят и татары, для огня также существует противодействие – вода (она его гасит, т.е. уничтожает), быки выступают как собирательный образ: они способны выпить большое количество воды (т.е. уничтожить воду).

Таким образом, через конкретные слова-образы трансформируется философская идея о том, что в окружающей природе все взаимосвязано и взаимозависимо, все взаимодействует и переходит из одной формы существования в другую. Кроме этого, ребенок получает конкретную информацию о действиях людей, животных, о явлениях: *волк гонит (козу); люди бьют (волка), татарин сечет (людей); огонь жжет (татар); вода льет (заливает огонь); быки пьют (воду); испугавшись, коза возвращается домой*.

Семантическая сложность и значительный объем текста требуют такого построения, чтобы информация усваивалась ребенком данного возраста (3-6 лет). С этой целью в основу композиции прибаутки положен принцип многократного повтора слова, синтаксической конструкции, целой строфы с незначительным добавлением (1 строка в каждой).

Форма прибаутки тяготеет к диалогической, хоть в наличии только реплики главного персонажа (козла), угрожающего разным действующим лицам (козе,

волку, людям, татарам), за бездействие призывающим новое действующее лицо для устрашения и приведения в действие предыдущих. Ответной репликой звучат комментарии автора о положении дел: в четырех строках с отрицанием действия, в пятой последовательно констатируются действия всех призванных ранее персонажей и фиксируется результат этих действий: *Пришла коза из леса: Ме-э-э, бе-э-э, э-э-э!*

Близость к эпическому жанру (сказке) определяет построение прибаутки: своеобразная экспозиция, завязка, развитие действия, развязка. В каждой из частей языковые средства «работают» по-разному, создавая общую экспрессивность текста. Значительная роль в формировании экспрессивности текста принадлежит глаголам. Как отмечает М.Н. Кожина [120, 139], так называемое глагольное речеведение, или сюжетоведение, является одним из специфических способов достижения образной конкретизации явления. Оно заключается в поэтапном фиксировании каждого действия, отсюда увеличение частоты глаголов в тексте. Нагнетание глаголов способствует активизации читательского воображения, поэтапному воспроизведению картины происходящего. Динамичность повествования создается употреблением видовых форм глагола с различными оттенками движения (*пошел, пришел*): *Пошел козел за лыками, Пошла коза за орехами. Пришел козел, козы нет.*

В каждой части текста (завязке, развитии действия, развязке) языковые средства выполняют разную функцию. В завязке и развязке смысловая роль глагола усиливается инверсией. Глагол ставится в акцентную позицию начала строки, образуя синтаксическую анафору: *Пошли быки воду пить, Пошла вода огонь лить, Пошел огонь татар жечь*. Характер движения активизируется и конкретизируется при помощи приставок *по-* и *при-* с глаголом «шел» (*пошел, пошла, пришла*). Употребление формы совершенного вида глаголов прошедшего времени способствует воссозданию прошедших действий, событий в хронологической последовательности. Далее (при развитии действия) изложение происходит в другом видо-временном плане. За счет подобного соединения планов прошедшего и настоящего времени создается большая выразительность и

динамизм повествования. Следующее описание событий передается глаголами несовершенного вида настоящего времени, создающих ситуацию, когда ребенок ощущает себя соучастником событий. Распространение глагола *пойти* обстоятельствами-инфинитивами *жечь* и *лить*, во-первых, привносит дополнительное значение движения, во-вторых, способствует созданию образности: метафоризирует действия слов-понятий *вода*, *огонь* (*огонь не идет татар жечь; вода не идет огонь лить*.) Повторение конструкции с усеченной формой *йти* с отрицательной частицей *не* и в сочетании с инфинитивом смыслового глагола придает особую ритмичность, усиливающую динамику изложения и концентрирующую внимание ребенка.

Связь между строфами осуществляется частичным захватом: последнее слово предыдущей строки становится первым словом последующего:

Напущу на тя людей.

Татар не идет людей сечь;

Люди не идут волка бить;

Напущу на тя огонь.

Напущу на тя татар,

Огонь не идет татар жечь и т.д.

Многочисленные повторы нацелены на усвоение предлагаемой информации, концентрируют внимание на новых словах-понятиях и их взаимодействии, а также, в композиционном плане, способствуют нарастанию напряженности ситуации. Следует отметить, что интерес ребенка поддерживает особая организация языковых средств и приемов, которая стимулирует более глубокое восприятие содержания текста: динамичность повествования, многочисленные повторы с нарастанием, способ захвата как связующего смыслового звена между строфами трансформирует идею вечного движения в природе, взаимосвязи всего сущего, взаимодействия его компонентов.

В прибаутке:

Повелел гриб,

– Мы грибовые дворянки!

Гриб боровик

Не пойдём на войну.

Всем грибам начальник, –

Отказались валуи:

На войну итить

– Мы пораста холуи!

Отказались белянки:

Не пойдём на войну и т.д. –

поднимается тема войны, всеобщей воинской повинности, гражданского долга. На этом фоне проходит мотив человеческого малодушия, легкомыслия, трусости, эгоизма. Вся эта палитра качеств передается посредством преимущественно конкретной лексики (описание грибного семейства: *боровик, белянки, валуи, бычки, рыжники, мухоморы, волнушки, опенки, подосиновики, обабки, грузди*). По экспериментальным данным психологов, при восприятии именно конкретной лексики скорее и легче создается образ, возбуждается воображение реципиента [170, 44].

Важнейшая роль в создании образной системы принадлежит глаголам, которые подобраны и распределены таким образом, чтобы усилить оценочно-эмоциональное звучание текста и трансформировать слова-понятия в слова-образы. В одних случаях оценка заключена в значении самих глаголов: *повелел, раскиселились*, в других – оценочность раскрывается из контекста: *отказались, попрятались, выскочили*.

В преимущественном большинстве случаев (19 из 32 текстов) глагол поставлен в начало стиха под логическое ударение. Следует отметить, что глаголы «*отказались*» и «*не пойдём*», имеющие в контексте прибаутки отрицательный характер, повторяются по 7 раз и являются стержневыми в композиции и семантике текста. Эти повторы нагнетают напряженность повествования, активизируют внимание слушателя и создают своеобразный негативный фон для позитивной развязки конфликта: «*пойдем на войну*». Основная смысловая нагрузка текста заключается в глаголе *идти* (в смысле на войну): *повелел идти* (ед. число), *не пойдём* (1 л. мн.ч. с отрицательным значением) и *пойдем* (1 л. мн.ч. с утвердительным значением). Форма совершенного вида и приставка *по-* привносят в действие дополнительное значение категоричности, окончательности решения как в отрицательном, так и в положительном контексте. Практически, семантика прибаутки строится между полюсами: *повелел идти и пойдём* – на фоне негативного отношения к долгу, заслуживающего порицания и выраженного отрицанием «*не пойдём*». Смещение временных планов создает особую выразительность и придает динамизм

повествованию (*повелел, пойдём, отказались, выскочили*), делая ребенка мнимым соучастником событий.

Все образы персонажей заключают в себе ярко выраженную оценочность, которая усиливается характеризующими прилагательными или существительными в косвенных падежах, причем оценочность строится по принципу параллелизма: внешние или вкусовые свойства гриба соответствуют социальным и моральным характеристикам человека. Используется прием двойной перекодировки: под грибами подразумеваются люди, в соответствии с их социальной принадлежностью и моральными принципами, а люди, в свою очередь, характеризуются опосредованно: через констатацию качества того или иного вида гриба. *Гриб боровик – начальник, белянки – дворянки, бычки – дьячки, рыжики – богатые мужики, мухоморы – конокрады и воры, волнушки – офицерские подружки, обабки – старые бабки, грузди – ребята дружные.* Гриб боровик по вкусовым качествам лидирует среди грибов, по внешним данным он также символизирует крепость, надежность, поэтому он главный среди персонажей, гриб наделяется социальным статусом начальника, а глагол, передающий его действие, также заключает в себе оценочную характеристику: гриб повелевает (не командует, не приказывает). В значении данного глагола заложена значимость, некая торжественность и, конечно, положительность.

Параллелизм образа *белянки – грибовой дворянки* строится по ассоциативному принципу: *белый – чистый – ручки чистые*; когда не знают работы (*белоручка*), а лениться плохо – это качество порицается общественной моралью и осуждается ею. Белоручки – те, кто ни для чего не пригодны, и для общественного дела также, они бесполезны и потому заслуживают порицания. Негативное отношение усиливает глагол «*отказались*», характеризующий их поведение. *Валуи* (род сыроежек) по своим вкусовым качествам не является ценным грибом и годен только для засолки. Видимо, его соотношение с понятием *холуи* происходит как по его ценностной значимости, так и по сугубо звуковой близости. Существительное *холуи* имеет ярко выраженную негативно-

эмоциональную окраску, которая формирует отрицательное отношение не столько к самому образу, сколько к его поступку.

Параллель *волнушки – офицерские подружки* строится, видимо, на внешнем сходстве, красота гриба создает образ красивой женщины. Оценки символизируют физическую слабость (*у нас ножки слишком тонки*), что является в некоторой мере мотивированным отказом, глагол «*попрятались*» привносит оттенок трусости.

Прибаутка построена по принципу нанизывания однотипных конструкций, представляющих собой реплики персонажей с краткими комментариями автора. Такое нанизывание реплик значительно оживляет текст, создавая эффект многоголосия, и фактически вводит ребенка в гущу событий, делая его соучастником происходящего. Этому также способствует сочетаемость в употреблении глаголов прошедшего и настоящего времени.

Таким образом, данная прибаутка, с одной стороны, расширяет познания ребенка – его ориентировку в различии грибов (причем соотношение с человеческим фактором способствует также и характеристике гриба по полезности и вкусовым качествам), с другой стороны, формирует такие морально-этические принципы, как долг, обязанность. В сознание ребенка вводятся новые абстрактные понятия: *война* – и имплицитно антонимическое – *мир*.

Прибаутки-притчи, по определению М.Н. Мельникова, представляют собой нравственный урок, облеченный в доступную, занимательную форму. [161, 32]. По системе образных средств они ближе к диалогическим прибауткам и представляют собой живые сценки на бытовую тематику. Нравоучение, как правило, воспринимается имплицитно, благодаря эффективной работе языковых средств. Смех, осмеяние поступка, черты характера становятся главным рычагом воздействия на формирование нравственно-оценочной системы ребенка. Тексты данной группы преимущественно имеют форму диалога. Часто первая строка включает в себя обращение якобы к конкретному лицу (*Тит, Федул, Иван*), которое в контексте приобретает обобщенный характер и становится нарицательным. На первый взгляд, в каждом из данных сюжетов нет ничего

смешного, но смысловое восприятие данных текстов требует знаний норм общественной морали и определенной работы ума, направленной на сопоставление этих норм с предложенной ситуацией. Таким образом, понимание смысла происходит на перекрещивании двух осей: понимания предложенной ситуации и знания норм общественной морали.

В прибаутке «*Тим? А Тим?*» использован прием параллельных конструкций в описании ситуации: – *Иди молотить. – Брюхо болит. – Ходи кашу есть. – А где моя большая ложка?*

Смысл раскрывается благодаря подтексту, в котором прослеживается значение нежелания работать. «*Брюхо болит*» – просто отговорка, обман, за которым стоит лень, тунеядство. Эта негативная информация о субъекте повествования усиливается тем, что когда речь идет о еде, то он первый (с большой ложкой), и боль в животе не мешает ему не отказаться от пищи, поэтому представляется довольно сомнительной причина отказа от работы. Сопоставление эксплицитного и имплицитного планов раскрывает семантическую глубину миниатюры: ее эмоционально-оценочный компонент, поучительную идею. На уровне ассоциативного мышления эмотивность прибаутки усиливается знанием норм народной морали: «*Кто не работает, тот не ест*». Совокупность всех смыслов и планов придает тексту необходимый экспрессивный эффект. Этой же цели подчинена и лексика: лексема *брюхо* (просторечное) имеет явно насмешливую эмоциональную окраску, это впечатление усиливается сочетанием «*брюхо болит*»; такую же роль в контексте прибаутки выполняет прилагательное «*большая*» в сочетании с существительным «*ложка*» в ответной реплике: *А где моя большая ложка?* Как правило, в прибаутках мало прилагательных. В данном случае оно особо подчеркивает размеры аппетита.

Прием гротеска является основным при раскрытии смысла прибаутки «*Федул, что губы надул*». Данное выражение приобрело значение афоризма, выражающего недовольство, озадаченность. В результате последовательно нанизанных вопросных и ответных реплик выясняется, что дело не в игле, она

уже не нужна, так как зашивать нечего и кафтан прожжен так, что починить невозможно. Образно это предано фразой: «*один ворот остался*». В прибаутке порицается мелкое плутовство, неправда.

Сопоставление взаимоисключающих друг друга вопросов и ответов раскрывает смысл притчи: – *Ты пирог съел?* – *Нет, не я!* – *А вкусный был?* – *Очень!* Глагол *съел* и отрицание *нет* вступают в антонимические отношения и логически не допускают следующего вопроса: «*А вкусный был?*», потому что в данной ситуации этот вопрос должен по законам логики иметь нулевой ответ: если не ел, то откуда может знать вкус? Комизм притчи построен именно на алогичности: не ел пирог, но знает его вкус, т.е. ел. Именно нарушение логичности в построении текста приводит к выявлению лжи. Комический эффект усиливается особой эмоциональностью реплики, которая передается предельно лаконично: наречием *очень* в сочетании с восходящей интонацией восклицательной конструкции.

Прибаутка: *Сбил – сколотил – вот колесо, Сел да поехал – ах, хорошо! Оглянулся назад – Одни спицы лежат!* – представляет собой монологический текст, состоящий из трех бессоюзных однотипных конструкций, отличающихся предельной лаконичностью. Конструкции построены так, что вторая часть является результатом действия, произведенного в первой, причем в первом случае назван результат труда (*колесо*), во втором передано чувство радости от производимого действия (междометие *ах* и наречие *хорошо*, выражающие положительные эмоции). В третьем для констатации результата действий используется перифраз, усиливающий зрительность, образность: «*одни спицы лежат*». Данная конструкция близка к фразеологизму и создает зрительный эффект, видимость развалившегося предмета. Особая роль в создании образности принадлежит соединению синонимов *сбил – сколотил*, приобретающих значение «*сделал кое-как*» и имплицитно выражающих смысл: все, что делаешь, надо делать прочно, надежно. Передаче этой идеи (наспех сделал – быстро развалилось) способствует и асиндетон, который придает высказыванию стремительность, насыщенность впечатлениями в пределах общей картины.

Следует отметить, что применение неполных конструкций придает обобщенное значение, и в восприятии ребенка главный действующий персонаж соотносится непосредственно с ним самим. Но, осознавая его негативность, ребенок стремится отмежеваться от того, что порицается общественной моралью.

Итак, каждая из приведенных миниатюр имеет выраженный оценочный характер; бытовые образы и ситуации эффективно и занимательно трансформируются в определенную воспитательную идею, усиливающуюся комическим эффектом. Раскодируя каждую из этих миниатюр, мы получаем узус, представляющий собой определенный пункт кодекса народной морали: *«будь первым в работе, а не в еде», «говори прямо, не темни», «не лги, все равно проговоришься», «если делаешь, делай качественно».*

Контаминированные песни генетически восходят к песням скоморохов. Они захватывают отрывки произведений разных жанров. Именно этой особенностью определяется характер текстов: их денотативный план, система образов, композиционные особенности. Несмотря на сравнительно значительные объемы (от 11 до 32 строк), они не имеют развитых сюжетов, а скорее представляют собой ряд последовательно соединенных мотивов, связанных, в основном, бытовой тематикой: денотативный план отражает описание процессов крестьянского труда (*я горошек молочу, травку рвала, лапти плетет и др.*), описание домашней работы (*жена пол мела, калачей напекла и др.*), описание досуга и всевозможных повседневных действий человека во взаимосвязи с окружающим его миром (людьми, животными, птицами). В композиционном плане данные тексты представляют собой своеобразное нанизывание определенных бытовых картин, не связанных ни хронологической последовательностью, ни сюжетным развитием. Эти фрагменты действительности легко можно менять местами, не нарушая общего содержания текста.

Для данной группы характерна монологическая форма повествования, в редких случаях с целью оживления текста, усиления выразительности вводятся элементы диалога:

Прилетела синица,

Егорова сестрица.

– *Кого будем женить?*

– *Попова Василя.*

Василь кажет: «Убегу».

Жорув кажет: «Догоню».

Для подобного описания картин действительности используются преимущественно формы прошедшее времени глагола (*потерял, попенял, нашел, купил, прилетели, подняла, подхватили, пошел, разбил, шарил, свесил и др.*). В некоторых текстах наблюдается сочетание видовременных форм. Это происходит в текстах, где есть какое-то минимальное развитие сюжета или в соединенных разноплановых частях одного сведенного текста:

Калачей напекла.

Подхватили калачи.

Калачи горячи,

Прибег мальчик

Прилетели косачи,

И обжег пальчик.

Калачи в данном случае являются тем центральным понятием, вокруг которого разворачивается действие. Межфразовая связь основывается на тождестве упоминаемых объектов (*калачей*). Действие передается приставочными глаголами *прилетели, подхватили, прибег, обжег*, два из которых (*прилетели, прибег*) имеют значение приближения к смысловому центру, что способствует зрительному восприятию активного движения вокруг определенного объекта и увеличивает как выразительность «живой картинки», так и эмоциональность всего текста.

Для поддержания логической связи в текстах данной группы используются повторы целого стиха (так называемый захват) с дальнейшим развитием действия. Такая особенность, с одной стороны, несколько тормозит развитие действия, намеренно затягивает предыдущую картину, чтобы акцентировать внимание на следующей, с другой стороны, является связующим звеном между частями прибаутки:

1. Кукареку, петушок.

На повете мужичок

На повети мужичок,

Сидит лапти плетет;

2. *Жена пол мела,
Кочерыг подняла.
Кочерыг подняла,
Калачей напекла;*

3. *Ай, ду-ду, Ай, ду-ду,
Потерял мужик дугу:
Потерял мужик дугу
На поповом на лугу.*

Для осуществления текстовой связи в данной группе прибауток активно используется тождество упоминания объектов: *К сударушке пошел, У сударушки беда; (Ой, ду-ду); Молодичку-молодичка. Жену – жена; бабушка – бабушкин;* местоименная замена: *мужик – он (пошел), (нашел); я (молочу), ко мне (летят); за Иваново село – там, козла – его – (он).* Наиболее часто используется нанизывание однотипных конструкций: *Железные доски Поехали в Моски, Купили сапожки, Нарядили бабу, Повели к обедне; По болотку ходила, Травку рвала, Ребятам давала; Пошел козел за водой, Разбил кувшин бородой. Идет бабка без души, Треплет козла за уши; Потерял мужик дугу На поповом на лугу. Шарил, шарил – не нашел* и др.

Данные тексты значительно расширяют круг понятий, необходимых ребенку для адаптации во взрослом мире. Новизна понятий при динамичности и образности повествования делает их особо привлекательными и полезными, дети получают необычайно важную информацию об окружающем мире.

Рассмотрев текстовый уровень прибауток, следует отметить, что каждая подгруппа, в зависимости от своих специфических особенностей и целей, а также от ориентации на определенный возраст ребенка (2-х, 3-х, 4-х, 5-ти, 6-ти лет) использует специфические, наиболее эффективные средства и приемы эмоционального воздействия, которые ориентированы на продолжение процесса становления языковой личности ребенка, включающего как обучение речи, так и формирование определенных морально-этических норм поведения.

3.2. Лексико-семантический и морфологический анализ прибауток

Языковая картина мира репрезентируется языковыми номинациями, изображающими все сущее как целостный и многочастный мир, в центре которого стоит человек. С давних пор в русской грамматической традиции существует функциональный принцип членения слов, который представляет все слова как распределенные по четырем множествам: слова указывающие (местоимение), слова именующие (существительные, прилагательные, глаголы, наречия), связующие (союзы, предлоги) и слова собственно квалифицирующие (частицы, модальные слова).

Применяя функциональный принцип членения слов на классы (по классификации Н.Ю. Шведовой [249, 45]), отметим, что преимущественное большинство в прибаутках составляют слова именующие (существительные, прилагательные). Анализ используемого в прибаутках лексического материала и его морфологического оформления позволил выявить такое соотношение: существительных в текстах 734, глаголов 476, местоимений 164, прилагательных 121.

Таким образом, ведущей в прибаутках является номинативная функция, то есть функция обозначения внеязыковой действительности. Этим же термином определяется и результат процесса номинации - значимая языковая единица. Номинации взаимодействуют с коммуникативным и эмотивным планами. Называние осуществляется в процессе речевой деятельности, а затем осваивается системой языка.

В прибаутках номинации служат процессам обогащения лексического и семантического запаса ребенка в результате освоения им окружающей действительности. С увеличением объемов текстов в произведениях данного жанра, усложнением их семантики значительно увеличивается объем лексики, более полно отражающей языковую картину мира. Ребенок постигает действительность поэтапно, в соответствии с возрастными возможностями. На начальном этапе, в 2-3 года, ему предлагаются тексты, в которых представлена окружающая его живая природа: домашние животные, птицы. Вся прибаутка

является описанием характерных для данного субъекта действий и характерных признаков.

В прибаутке «*Ходит конь по бережку, Вороной по зеленому*» смыслами широкого охвата является *конь* (*ходит, помахивает, потряхивает, побрякивает*), причем три глагола употребляются с приставкой *по-*, которая вносит элемент повторяемости производимого «слегка», вносит в описание динамику. Данные смыслы расширяются другими актантами: *ходит (где?) по бережку; помахивает (чем?) гривой; потряхивает (чем?) гривушкой*. Отмечается наличие в пределах одного текста двух пар контекстуальных синонимов: *конь – вороной и помахивает – потряхивает*, – значения их в прибаутке различные; первая пара употреблена в роли средства текстовой связи (синонимическая замена тождеств-единиц), вторая называет однотипные механические действия. Но так или иначе, на лексическом уровне они способствуют обогащению словаря ребенка, показывают наличие в языке синонимических единиц для передачи того или иного смысла.

Указывающие слова, с одной стороны, служат средством текстовой связи, с другой стороны, усиливают акцент на заданных смыслах: *Конь – он; Колечушки – они*.

Собственно квалифицирующие смыслы (прилагательные) завершают процесс формирования зрительных образов: *Гривушкой – черной, уздой – золотой, колечушки – золотые, бережок – зеленый*. Сочетание *черный – золотой* (золотой повторяется дважды) создает яркий зрительный эффект, усиливающийся звуковым, возникающим в воображении ребенка посредством синонимических звукоподражаний: *Бряк! Бряк! Бряк! Звяк! Звяк! Звяк!* В процессе наложения языковых смыслов на языковое полотно в воображении ребенка создается динамичный фрагмент реального мира, дополняемый зрительными и звуковыми эффектами.

Использование суффикса *-ушк-* (*головушкой, гривушкой, колечушки*) завершает словесное «рисование» данного образа, формируя доброе сочувственное отношение к животному. Лексика создает ассоциативное поле, в

центре которого находится существительное *конь*. Таким цельным блоком информация вводится в хранилище памяти ребенка и активно усваивается им.

Такое же живописное представление об окружающей живой природе дает ребенку и прибаутка «*Петушок, петушок, Золотой гребешок*»:

<i>Петушок, петушок!</i>	<i>Что ты рано встаешь,</i>
<i>Золотой гребешок,</i>	<i>Голосисто поешь,</i>
<i>Масляна головушка,</i>	<i>Ване спать не даешь?</i>
<i>Шелкова бородушка!</i>	<i>Ване спать не даешь?</i>

Первые три строки рисуют образ с помощью существительного широкого охвата и квалифицирующих прилагательных, вносящих положительную эмоциональную окраску: *золотой гребешок, масляна головушка, шелкова бородушка*. Далее акцент переносится на глаголы, называющие характерные действия, причем семантику глаголов углубляют наречия: *рано встаешь, громко поешь*. Важная роль в данном тексте принадлежит местоимениям *что* (2 раза), *ты* (2 раза). Благодаря первому строится вопросительная конструкция (риторический вопрос), способствующая овладению ребенком интонацией и усиливающая эмотивность; второе служит средством текстовой связи и помогает ребенку освоить анафорическое тождество единиц (*петушок – он*). Ассоциативное поле строится на пересечении двух осей: смыслов широкого охвата (кто? что делает?) и квалифицирующих (какой?), расширяющих представленный фрагмент действительности.

В прибаутках для самых маленьких (2-3 года) наблюдается один-два мотива, лексика соответствует возможностям ребенка и образует ассоциативные блоки или ряды. Со временем лексический состав прибауток значительно расширяется, его объем увеличивается и поднимает ребенка до того уровня в овладении языком, когда ему становятся понятными и доступными грамматико-парадигматические и лексико-семантические отношения и связи. Такие результаты достигаются, во-первых, активным введением новой лексики, причем учитываются не только корневые значения, но важнейшая роль отводится «семантической работе» морфемных единиц: суффиксов, приставок, окончаний.

По этой причине, а также с целью активизации процессов памяти ребенка, в пределах одного текста, как правило, используется несколько форм одной и той же лексемы или однокоренные слова (*бабы – бабки – бабка; жена – жену; к сударушке – у сударушки*) в разных сочетаниях (как в смысловом, так и в грамматическом плане), так как психологическая структура значений определяется не тем, что означает слово по словарю, а тем, какова система соотношений и противопоставлений слов в процессе их употребления в речевой деятельности.

Лексика прибауток, как и лексика пестушек и потешек, преимущественно отражает реалии крестьянского быта, она представляет фрагменты действительности, знакомые ребенку из повседневной жизни, и практически не затрагивает никаких объектов и понятий, не свойственных данной социальной среде. Такая особенность стимулирует процессы восприятия и запоминания, так как подкрепляется в воображении ребенка зрительными образами. На начальном этапе овладения речью ребенок фиксирует в своем сознании преимущественно наименования конкретных объектов окружающего мира.

Используемые в прибаутках существительные систематизируются в следующие тематические группы:

1) **наименования людей** в зависимости от происхождения, национальности, характера ситуативных особенностей и взаимоотношений: *мужик – мужики – мужичок; молодичка, сударушка, мальчик, девки, бабы, бабка (бабки), вдовушка, соседушка, батюшка, хлопцы, бояре, ребята, подружки, девица; люди, дети, татары* (в некоторых случаях эта лексика содержит оценочно-эмоциональный компонент);

2) **наименования членов семьи**: *доченька, жена, мужья, сестрица, брат, зять;*

3) **наименования лиц по роду их занятий** (новые для ребенка): *музыканты, гребцы, гармонисты, косец;*

4) **субстантивы с пейоративной семантикой**: *безглазый, безрукий, безъязыкий, безногий, голопузый* (повторы однотипных образований с приставкой

без- способствуют усвоению ребенком отрицательного значения, а также принципа построения подобных слов);

5) наименования людей по их социально-сословному положению: начальник, дворянки, бояре, пан, поп, дьякон, дьячки, батрачишка; среди этой лексики есть небольшая группа слов, называющих лиц, заслуживающих общественного порицания: конокрады, воры, разбойнички. Данные лексемы заключают негативно-эмоциональную окраску и формируют отрицательно-оценочное отношение к называемым объектам;

б) номинации растительного и животного мира:

а) домашние животные: кот, котик, коток, кошечка, кошурки, котятки; коровы, коровка; коза, козел, козляточки, козы; быки, бычок; конь, лошадка; баран, барашки; свинья, свиньи;

б) дикие животные: медведь, волки, лиса, лисица, зайка, ежи, белка;

в) птицы: косачи, вороны, воронушка, ворон; журавли, журавль, жорув; сова, совы, совушка; сорока-белобока, соловей – соловушка, соколы, галка – галочка, курочка с петушком, гуси, утки;

г) насекомые: мухи, таракан;

д) рыбы: бела-рыба, осетр-рыба, щука;

е) грибы: боровик, белянки, валуи, бычки, рыжики, волнушки, опеньки, подосиновики, обабки, грузди, мухоморы;

ж) деревья (растения): березнячок, ельничек, дуб, осина, калина, тростник, травка.

7) наименования реалий крестьянского хозяйства и объектов, имеющих к ним определенное отношение: двор, дворик, амбары, поветь, ворота, плетень;

8) наименования фрагментов крестьянского жилища: хата, окошко, печка, печурка, крыльцо;

9) названия хозяйственных принадлежностей: дрова, колесо, спицы (в колесе), кочерги, топор, цепок, лохань, доски;

10) название географических объектов и их реалий: город, село, улица, мост;

11) наименования предметов одежды: сапоги, кафтан, штаны, чулки, сарафан, лапотки, рубашечка, шуба;

12) названия частей тела человека: глаза, губы, ноги, пальчик, уши;

13) названия частей тела животного: рожки, хвостик, лапки, ушки, когти;

14) названия природного ландшафта: сад, лес, гора, луг, море;

15) названия основных элементов мироздания: огонь, вода, воздух;

16) названия посуды: ложка, чашка, кувшин;

17) названия музыкальных инструментов и их элементов: дудочка, труба, барабаны, скрипицы, гармони;

18) наименования продуктов питания: оладушек, мед, яблочко, калачи, сухарики, лепешки, молоко, блинчики, пирог, каша, пряничек, орехи;

19) названия сельскохозяйственных культур: овес, горошек, просо;

20) наименования с абстрактным значением: чудо, чудеса, небывальщина, неслыхальщина, краса, горе и др.

По мере взросления ребенка его внимание перемещается с наименования предмета на действие, которое с трехлетнего возраста приобретает для ребенка особое значение. Именно поэтому в текстах прибауток важное место занимает глагол (2\3 от количества существительных). Наблюдаются разнообразные видовременные формы и формы склонения, увеличивается количество глаголов с отрицательной частицей *не*. В некоторых случаях утвердительные и отрицательные глаголы сочетаются в пределах одного и того же текста, таким образом ребенок овладевает формой отрицания, столь необходимой для человеческой коммуникации: *не идет – пришла; не пьет; не пойдём – пойдём; шарил – не нашел; не ходи, не носи; не отведаёт, не проведёт; не ешь – оставь; не лезь и др.* В текстах прибауток широко используются следующие группы глаголов:

1) глаголы движения: пойти, поехать, повести, побежать, прилететь, сбегаться, носиться, догнать, лететь, бежать, уйти, скакать;

2) **глаголы, называющие действие и состояние:** покушать, потерять, поднять, подрастать, попенять, поджидать, захотеть, разорвать, напустить, склевать, трепать, сидеть, пить, стоять, лежать, пасти, лаять, найти, гулять, лить, купить, делить, видеть;

3) **глаголы с сенсорным значением:** послушать, похвалиться,

4) **глаголы речи, пения:** хвалить, слушать, говорить, петь;

5) **глаголы, называющие различные процессы крестьянского труда:** выточить, сбить-сколотить, рвать (травку), плести (лапти), молотить, шить (рубашечку), толочь, сечь, печь (пирог), косить, сеять, веять;

6) **глаголы, обозначающие развлекательные процессы:** заиграют, заводят, расплясались, разыгрались, приврежут, пожартуем, выставлять (ноги), играет, трубит, пляшет.

Обращаем особое внимание на употребление как бесприставочных, так и приставочных глаголов (особенно однокоренных, употребляемых в пределах одного текста), которые способствуют активизации внимания ребенка на добавочном значении, привносимом приставками, на взаимосвязи их формообразующей и смысловозначительной функции.

Значительная роль в прибаутках отводится разнообразным местоимениям: ребенок обучается не только называть конкретный объект, но и указывать на него: *там, тут, туда, вот, на той, на том* (указательные местоимения); *я, ты, он, она, мы, они, ко мне, вам, его, ему, в ней, у нас, у меня* (личные местоимения); особое значение приобретают притяжательные местоимения, так как ребенка начинает интересоваться принадлежностью предмета: *мой, наша, нашу, твой*; употребление вопросительных местоимений необходимо для построения вопроса, что способствует овладению интонацией: *где? чего?* (в значении что?) *на что?* (в значении зачем?) *куда? какое? что? кто?*

В прибаутках выделяется группа лексики как с положительной эмоциональной окраской, так и с отрицательной. Положительно окрашенная лексика представлена существительными: *оладушек, яблочко, мед, пряничек, краса*; прилагательными: *сладко, дружный, золотая, вкусный, маслена*

(бородушка), шелкова (головушка) и др.; глаголами и формами глагола: расплясались, разыгрались, плясать, танцевать, пожартовать, позолоченная, точеная, похваляться и др. Обращает на себя внимание то, что в преимущественном большинстве существительных положительная эмоциональность, заключенная в корневом значении, усиливается морфемными элементами (суффиксами), что способствует концентрации эмоциональности в слове.

Наряду с положительной, используется лексика, вызывающая отрицательные эмоции человека: вдовушка, старые бабки, беда, горе, больна, нездорова, плачет, бить, сечь, жечь, гнать, разбить (кувшин), топиться (пошла), испугаться, татар (образ, основанный на исторической памяти), потерял, попенял (на жену), обжег (пальчик), заплакал, оставили рожки да ножки, а также слова-лексемы, заключающие негативное отношение к факту или поступку со стороны общества: холуи, конокрады, воры, разбойники, грабить, нападать, война и др.

Широкое использование эмоционально окрашенной лексики, с одной стороны, повышает общую экспрессивность текстов, с другой, – формирует в сознании ребенка определенное оценочное отношение к тем или иным реалиям на основе эмоционального начала, наиболее соответствующего детской психике.

Экспрессивность текстов значительно повышается за счет активного использования разнообразных эвалюативов. Суффиксы рассматриваются в разделе лексики на том основании, что они не способствуют новым лексическим образованиям, а только придают слову эмоциональную окраску [67, 42].

В лексике прибауток наблюдаются следующие суффиксы:

-еньк-: доченька, черненький, маленький, чернобровенький, черноглазенький, серенький, зелененький, маленько;

-оньк-: кисонька, муронька;

-ушк-, **-юшк-**, **-ошк-**: оладушек, воронушка, сударушка, соседушка, батюшка, Варварушка, совушка, вдовушка, рябушка, Тимошка;

-ечк-: копеечка, кошечка, окошечко, рубашечка;

-ичк-: молодичка, разбойнички, ельничку;

-очк-: *дудочка, курочка, блиночки, галочка, деточки;*

-ок-: *петушок, мужичок, коток, дворок, следок, пирожок;*

-к-: *травка, коровка, диковинка, козлятки, рожки, тропка, лапотки, грамотка, зайка, лопатка, ножки;*

-ик-: *мальчик, пальчик, котик, зайчик, козлик;*

-ек-: *пенек, денек;*

-иц-: *сестрица, водица, платьице;*

-урк-: *кошурки, печурки;*

-ишк-, ышк-: *котишко, мурышко, лобышко, амбаришко, воришка* и др.

Широкое использование в детском фольклоре эвалюативов, с нашей точки зрения, не только является фактом эмоционального воздействия, способствующим повышению общей экспрессивности текста, но и включает в себе важный воспитательный фактор: формирует оптимистическое, доброжелательное отношение к окружающему миру, людям и природе, т.е. подводит положительно-эмоциональный базис под формирование мировоззрения ребенка, – отрицательные эмоции не нагнетаются, а, наоборот, сглаживаются.

Обратим особое внимание на «работу» уменьшительно-ласкательных суффиксов в текстах с негативным денотативным планом, отражающим разбой, насилие, имеющих печальный или трагичный финал. Положительная окрашенность суффиксов смягчает отрицательные эмоции. Таким образом, преподнося ребенку жестокий жизненный урок, народная педагогика демонстрирует бережное отношение к психике малыша.

В прибаутке *«Жил-был у бабушки серенький козлик»* денотативный план может быть представлен одной фразой *«непослушного козлика съели волки»*. С целью уменьшения отрицательного воздействия ситуации на слушателя в первой прибаутке частично представлена парадигма существительного *козлик* (*козлику, козлика* – суффиксом *-ик-*), а печальная сцена финала звучит не пугающе обнаженно, а смягчается идиомой с несколько юмористическим оттенком: *«остались от козлика рожки да ножки»*. Возможно, что идиома имела своим первичным источником данную прибаутку.

В прибаутке «Скачет Галочка по ельничку» основное содержание сводится к фразе: «галочку ограбили разбойнички». Смягчение воздействия данной ситуации на ребенка производится словообразовательными средствами еще более активно: суффикс *-ичк-* в описании пейзажа: (*скачет по ельничку, березничку*), суффикс *-очк-* (*галочка – галочку – галочке*). Частичная парадигма существительного формирует сочувственное отношение к «пострадавшей», воспитывает сострадание к ближнему как основу христианского мировоззрения. Даже субъект, совершающий отрицательные действия, вызывающие общественное порицание: разбой, насилие, ограбление, – приобретает несколько смягченную форму: «разбойнички».

Изучение языковой картины мира на основании художественных текстов имеет значительные преимущества перед изучением лексики в отрыве от контекста (слово – его значение). Дело в том, что структура значения слова определяется не только (или не столько) его словарным значением, а тем окружением, в которое слово попадает в речи, т.е. связями этого слова с другими словами. Именно художественные тексты помогают ребенку запомнить возможную сочетаемость слова с другими словами, а любое отклонение от нормы сочетаемости фиксируется в его сознании. Например: *прилетели косачи, летит ворона, летели соколы* – узуальные сочетания, а сочетания: *поросята хотят полететь или полетели, медведь летит* – не соответствуют реальности. Глазами видят, руками берут, с помощью языка говорят, следовательно, отсутствие органа говорит о невозможности подобного действия. Можно ехать на коне, в крайнем случае, на корове, но на курице – нельзя, на кошке – нельзя; бык едет по суше, поэтому ехать на быке по реке – нельзя; по реке не едут, а плывут и т.д.

Благодаря художественным текстам как прибауток, так и потешек, пестушек ребенок усваивает реальную сочетаемость слов и на этом базируется специфика небылиц, требующая от ребенка значительной интеллектуальной деятельности в сопоставлении реального и нереального. На нереальной сочетаемости создается комический эффект данных произведений.

Таким образом, основывая свое обучение языку на художественных текстах, народная педагогика достигла наиболее эффективных результатов; ребенок не только расширяет свой лексический запас, но и овладевает лексико-парадигматическими, семантико-синтаксическими, ассоциативными связями, а денотативный план текстов формирует морально-этические принципы его поведения.

3.3. Художественные средства и приемы в прибаутках

В проанализированных текстах крайне редко встречаются такие художественные приемы, как метафора и сравнение. Даже эпитеты, столь характерные для произведений народно-песенного творчества, имеют свою специфику: в преимущественном большинстве эпитеты в прибаутках служат не образному и красочному воссозданию действительности, всестороннему расцвечиванию ее, а несут дополнительные, вполне конкретные смыслы и характеристики, углубляющие содержание образов и понятий (*коротеньки ножки; сафьяновы сапожки, рыжий красного спросил и т.д.*), т.е. они являются не эпитетами, а определениями.

Такая специфика объясняется психическими возрастными особенностями слушателя, его неспособностью продолжительное время концентрировать внимание на чем-то одном: образе, слове, ситуации. Поэтому прибаутки отражают окружающий мир не в красочной неподвижности, а в динамике, в стремительном движении существ и предметов, в смене картин.

Учитывая обучающие задачи народной педагогики, можно предположить, что обилие художественных приемов не способствовало бы реализации поставленных целей, а, наоборот, усложняло бы восприятие, заслоняло основные смыслы, так как в данной ситуации не яркость и богатство художественных описаний способствуют реализации поставленных целей, а предельная лаконичность конструкций. Наличие второстепенной информации снижало бы

эффективность усвоения главной, именно поэтому ее употребление сведено до минимума.

По нашим наблюдениям, количественно преобладают «пояснительные» (по классификации А.Н. Веселовского) эпитеты. «В их основе какой-либо один признак, либо 1) считающийся существенным в предмете, либо 2) характеризующий его по отношению к практической цели и идеальному совершенству» [47, 61]. Следует также помнить, что прибаутки – это воспитательный жанр, и оценочность является важным компонентом в создании общей экспрессивности данных текстов. В большинстве случаев она заложена в эпитетах. Эпитет «сдобные» в бедной крестьянской семье ассоциируется с достатком, обеспеченностью, что заключает в себе положительную оценку: «жить в достатке – хорошо». Аналогичным является и описание боярского двора: во-первых, само слово «боярский» воспринимается как «знатный, уважаемый, богатый», а определение «свиньи пузаты» свидетельствует о сытости, о том, что скотина досмотрена (*kozy рогаты, а не безроги*) хорошим хозяином. Положительная оценка заключена также в эпитетах: *богатые (мужики), вкусный (пирог), (ребята) дружные, (ложка) большая, золотая (узда), золотой (гребешок)* и др.

В текстах прибауток незначительное количество постоянных эпитетов. Среди них следует различать как минимум два уровня: непосредственной семантики и номинативной оценки (т.е. соответствие истине): *красные девки, калиновый мост, серенький козлик, серый коток, курочка ряба (рябушка), косолапый медведь, быстра щука, два коня вороных, две уздечки золотых, труба точенная, позолоченная*. Как правило, подобные эпитеты являются в фольклоре постоянными и указывают на соответствие норме: «такие, как должны быть».

Встречаются колоративы, характеризующиеся своей неоднозначностью: с одной стороны, они просто указывают на цвет (*желтый сарафан, сер медведь, черный ворон, в красных сапогах, во зелененьких серьгах, позолоченная труба*), а с другой стороны, некоторые цвета имеют свою символику и оценочность: красный

– синоним «прекрасный», подобный солнцу, мечте; зеленый – цвет жизни, молодости; золотой, позолоченный выражает идею ценности вообще [99].

В редких случаях в текстах используются сравнения: *Наша доченька в доме, Что оладушек в меду, Сладко яблочко в саду*; метафоры: *А вороны – стары жены; Совушка – молодая вдовушка; Повелел гриб, гриб боровик: Беянки – грибовые дворянки, Рыжики – богатые мужики...*; литоты: *А коровка – с кошку: Надоила с плошку*.

3.4. Синтаксические особенности прибауток

Значительное увеличение объемов текстов и усложнение их семантики требует активизации средств и приемов экспрессивности на синтаксическом уровне, что способствует формированию как нового этапа в освоении окружающего мира, так и нового этапа в изучении русского языка. Для прибауток характерны лаконичные, четкие, не перегруженные конструкции, способствующие ясности и точности передаваемых смыслов, динамичности повествования, созданию живых образов и ассоциаций.

Такие конструкции активизируют усвоение и запоминание ребенком предложенной информации, а также стимулируют обучение построению фраз и предложений. В текстах прибауток используются как простые (распространенные и нераспространенные, односоставные и двусоставные), так и бессоюзные, и сложносочиненные предложения. Сложноподчиненные конструкции, как более сложные для восприятия, не являются характерными. С целью активизации внимания слушателя на определенных заданных смыслах в прибаутках широко употребляются эллиптические конструкции, как правило, с одним или двумя второстепенными членами: чаще дополнением и обстоятельством, реже - определением.

Большинство из этих конструкций представляют собой разного рода простые предложения, часто нераспространенные. Такие структуры наблюдаются прежде всего в диалогических текстах и отличаются предельной лаконичностью. Они

придают повествованию живость и динамизм, что очень важно при значительных объемах и семантической сложности: *вода снесла; быки выпили; черви выточили; гуси склевали; огонь сжег; девки выломали.*

Встречаются простые двусоставные предложения, распространенные дополнением или обстоятельством (реже определением): *Я горошек молочу (Молочу что?); Жил-был (где?) у бабушки серенький козлик; Потерял мужик (что?) дугу; Я коней стерегла (стерегла кого?); Клузузая кошечка по улице носится (носится где?); Железные доски поехали (куда?) в Моски; А на печке мужичок остер-рыбу поймал (поймал где?), А в пламени другой быстру щуку схватил (схватил где?); Ходит конь (где?) по бережку, Черной гривушкой потряхивает (гривушкой какой?); Золотой уздой побрякивает (уздой какой?); Труба (какая?) точенная, позолоченная и др.*

Как отмечают Е.И. Негневицкая и А.М. Шахнорович, в исследованиях детской речи на примере многих языков выделены следующие типы семантики высказываний: наименование, установление местонахождения, описание события, ситуации, указание принадлежности [168, 55]. Именно на данных семантико-синтаксических единицах и концентрируется внимание ребенка в прибаутках. Особенно часто используются простые предложения с простым и составным глагольным сказуемым, выраженным глаголом в форме будущего времени, а также с однородным глагольным сказуемым. Как уже отмечалось, после трех лет интерес ребенка переносится на действие, следовательно, такие предложения наиболее соответствуют возрастным особенностям. Они не заслоняют главного смысла, вносят дополнительные оттенки действия, углубляют семантику предложения и текста в целом.

Однородные сказуемые, нанизывая действия одно на другое, усиливают динамичность повествования, создают эффект смены кадров и, следовательно, активизируют внимание ребенка. Смысловой акцент концентрируется на действиях, которые передаются в хронологической последовательности. Это усиливает изобразительность, а также создает в воображении ребенка ряд сменяющих друг друга картин действительности:

- | | |
|--|--|
| <p>1. Я на солнышке лежал,
Кверху бороду держал;</p> <p>2. Сидел жорув на дубу,
Ножки свесил у воду;</p> <p>3. Она по лесу ходила,
Громким голосом вопила;</p> <p>4. На повети мужичок
Сидит лапти плетет;</p> <p>Один дедушка кот
Будет дома сидеть,
Да на печке лежать,
Нас с добром поджидать;</p> <p>5. А барашки-круты рожки
По улице ходят,
В дудочку играют;</p> <p>6. Курочка ряба
овес толкла,
Просо сеяла,
Горох веяла;</p> <p>7. Сбегаются зверьки;</p> | <p>8. Облаухая свинья
На дубу гнездо свила,
Поросила поросят
Ровным счетом шестьдесят;</p> <p>9. Ворона послушать,
Пряничка покушать;</p> <p>10. Жена пол мела,
Кочерыг подняла;</p> <p>11. Прибег мальчик
И обжег пальчик;</p> <p>12. Сидит кот у ворот
К себе милую ждет;</p> <p>13. Как шла лиса по тропке
Нашла грамотку в охлопке;</p> <p>14. Косолапый медведь
С мухи шкуру содрал,
Полсапожки себе сшил,
В полсапожке щеголял,
Оскользнулся и упал,
В сине море он попал.</p> |
|--|--|

В последнем случае перечисляется шесть однородных сказуемых, которые живо и динамично передают целый сюжетный мотив. Внимание максимально активизируется на действии.

Широко используются в текстах прибауток сложносочиненные конструкции, бессоюзные сложные предложения, состоящие из частей, представленных распространенными или нераспространенными простыми предложениями. В некоторых случаях это слова автора в соединении с прямой речью. Отсутствие специальных лексико-грамматических средств связи между частями сложного бессоюзного предложения в устной разговорной речи возмещается интонацией, мимикой, жестом, которые усиливают выразительность и привлекают внимание

ребенка. Кроме того, асиндетон является эффективной синтактико-стилистической фигурой, которая придает высказыванию стремительность и насыщенность впечатлениями в пределах одной общей картины, что особо важно для детского восприятия. С целью повышения экспрессивности в сложносочиненных предложениях часто используются повторы однотипных конструкций. Это активизирует внимание на заданных смыслах, а значит способствует лучшему усвоению как лексического материала, так и целых синтаксических конструкций:

- | | |
|---------------------------------|-------------------------------------|
| <i>1. Калачи горячи,</i> | <i>3. Кошечка в лукошке</i> |
| <i>Прилетели косачи;</i> | <i>Рубашечку шьет,</i> |
| <i>2. На горе стоит гора,</i> | <i>А кот на печи сухари толчет;</i> |
| <i>На той горе лужок,</i> | <i>4. Стучит брэнчит на улице,</i> |
| <i>А на том лужку дубок,</i> | <i>Фома едет на курице,</i> |
| <i>А на том дубку сидит</i> | <i>Тимошка на кошке</i> |
| <i>Ворон в красных сапогах;</i> | <i>Туда же по дорожке;</i> |
| <i>5. Похвалялася лиса: –</i> | <i>6. Я лисы боюсь,</i> |
| <i>Всему лесу я краса!</i> | <i>Я медведя боюсь.</i> |
| <i>Похвалялася медведь:</i> | |
| <i>– Могу песни я петь!</i> | |

Наличие в фольклорных произведениях эллиптических конструкций - явление вполне естественное, поскольку оно представляет собой характерную особенность разговорной речи. В текстах прибауток предложения со свободной синтаксической позицией одного или обоих главных членов широко распространены. Эллипсис активизирует восприятие, придает динамичность повествованию. Экспрессивная значимость таких приемов возрастает в связи с объемностью текстов и обусловленную ею сложностью поддержания внимания ребенка. Эллипсис направлен на формирование в сознании маленького слушателя клише, необходимых для дальнейшего воспроизведения речи. А.П.

Сковородников, исследуя данное явления (эллипсис), вводит понятия «эллипсис подлежащего, эллипсис сказуемого», которым воспользуемся и мы [202, 22].

Эллипсис подлежащего:

1. Кочерыг потерял, на жену попенял;
2. Оставили бабушке
рожки да ножки;
3. Шарил-шарил не нашел
И к сударушке пошел.;
4. [– Я коней стерегла?
– Чего выстерегла?
5. Вот и села на пенек,
И читала весь денек».
6. Надоила плошку;
7. Танцевали, жартовали,
Сове когти пообломали;

Эллипсис сказуемого:

1. Кошечка – в окошечке,
Кошурки – в печурке,
Котятки – в подлавке;
2. [А я курицу цепом],
А ворону кулаком;
3. У нашей кошки
три свободные лепешки,
А у нашего кота три погреба молока;
4. А лисицы – у скрипицы,
А вороны – у гармони;
5. А жена у обновы –
На пестрой коровы,
Дети – на телятках,
[Едут на палатках];
6. Волк на работе,
Лиса на болоте.

Для диалогической формы речи характерны конструкции с импликацией обеих синтаксических позиций, восполняемых из контекста. Такие конструкции максимально лаконичны и являются необычайно эффективными в освоении ребенком интонации, что представляется особо важным в коммуникации. Многократное нанизывание однотипных вопросно-ответных конструкций стимулирует восприятие оттенков речи и обучает построению подобных предложений: – *А вкусный был? – Очень;* – *Бабушка Ульяна, Где была гуляла? Какое чудо видела? – Курочка рябушка С петушком на дорожках* и т.д.

В произведениях устного народного творчества распространен и такой эффективный синтактико-стилистический прием, как инверсия. С целью активизации внимания на определенном заданном смысле в препозицию выносится как главный член предложения (как правило, сказуемое), так и второстепенный (обстоятельство или дополнение).

Рема ставится перед темой, и это оживляет текст, так как внимание концентрируется на действии или процессе:

<i>Пошел козел за водой,</i>	<i>Прилетели косачи,</i>
<i>Разбил кувшин бородой.</i>	<i>Подхватили калачи.</i>
<i>Потерял мужик дугу;</i>	<i>Прибег мальчик,</i>
<i>Скачет галка по березничку,</i>	<i>И обжег пальчик.</i>
<i>Наехали на галочку разбойнички,</i>	
<i>Сняли они с галочки синь кафтан.</i>	

В некоторых случаях инверсия инфинитива – обстоятельства цели наблюдается не в начале, а в сильной позиции конца стиха: *Пошли быки воду пить, Пошла вода огонь лить, Пошел огонь татар сечь.*

Следует отметить, что в ряде текстов инверсия глагола-сказуемого или инфинитива-обстоятельства усиливается синтаксической или строфической анафорой и является основным композиционным приемом. Активизация глагольной инверсии анафорой способствует повышению экспрессивности: главный смысловой акцент усиливается многократными повторами и способствует как усвоению семантики определенного слова, так и восприятию целых синтаксических конструкций, обогащающих речевой поток ребенка.

С этой точки зрения следует обратить внимание на самые значительные по объему тексты, где сочетание глагольной инверсии с анафорой является главным композиционным приемом: повторы и однотипность построения обеспечивают концентрацию внимания и усвоение предлагаемой информации. В таких текстах при сквозной строфической анафоре инверсия используется только в экспозиции прибаутки и в развязке как способ нагнетания эмоции, в центральной же части текста наблюдается прямой порядок слов: *Пошел козел за лыками, пошла коза за орехами.*

На протяжении всего текста встречается еще одна постоянно повторяющаяся инверсия глагола с той же целью нагнетания эмоции:

Ну, стой ты, (волк, люди, огонь, и т.д.)
Напушу на вас (тя) (людей, татар, огонь и т.д.).

Инверсия глагола наблюдается и в прибаутке *«Повелел гриб, гриб боровик...»*. В данном случае указанный прием усиливается сквозной строфической анафорой. Своеобразное повторение одних и тех же конструкций в разных вариантах влияет на их усвоение ребенком как на синтаксическом, так и на семантическом уровнях. Сочетание подобных приемов нагнетает эмоциональное напряжение текста, а неожиданная развязка создает максимальный экспрессивный эффект:

*Тут выскочили грузди,
– Мы – ребята дружные,
– Пойдем на войну!*

В некоторых прибаутках прием инверсии служит семантическому выделению дополнения или обстоятельства:

- | | |
|--|------------------------------|
| <i>1. Там бабы сидят</i> | <i>3. Маленькие козлятки</i> |
| <i>Сарафаны делят;</i> | <i>В амбарах гуляют,</i> |
| <i>2. Клутузая кошечка по улице носится;</i> | <i>Муку засыпают;</i> |
| <i>4. Кошка в лукошке рубашечку моет,</i> | <i>6. Журавль долгоногий</i> |
| <i>А кот на печи сухари толчет;</i> | <i>На мельницу ездил,</i> |
| <i>5. Сова с печи соскочила,</i> | <i>Диковинку видел:</i> |
| <i>Журавля с пола стащила;</i> | <i>Козел муку мелет...</i> |

Таким образом, инверсия – распространенное явление в текстах прибауток. Ее применение вполне соответствует как обучающим задачам жанра, так и выразительности текстов.

Широко используется в прибаутках синтаксическая анафора, способствующая нагнетанию настроения, усилению эмотивности текста.

- | | |
|-----------------------------|------------------------------------|
| <i>1. Два коня вороных,</i> | <i>2. Как заиграют музыканты,</i> |
| <i>Две уздечки золотых.</i> | <i>Как приврежут барабанты,</i> |
| <i>Как сяду же я,</i> | <i>А лисицы-у скрипицы,</i> |
| <i>Как поеду же я</i> | <i>А вороны - у гармони;</i> |
| <i>На боярский двор.</i> | <i>3. А безглазый подглядывал,</i> |
| <i>Там и свиньи пузаты,</i> | <i>А безрукий яичко украл.</i> |

Там и козы рогаты,

4.Ногами: топ-топ,

Там соловей свистун,

Глазами: хлоп-хлоп.

Там бычок-вертун;

Анафорическое построение наблюдается и в диалогических прибаутках:
– *Где ворота? – Огонь сжег. – Где огонь? – Вода залила. – Где вода? – Быки выпили* и т.д.

Столь активное применение анафорических конструкций служит не только (или не столько) повышению экспрессивности текстов, сколько обучению ребенка строить и употреблять синтаксические конструкции. Отрабатываются принципы построения высказываний разных типов, а также закладываются в память ребенка определенные стереотипные клише, необходимые для коммуникативного процесса на уровне воспроизведения речи.

В текстах прибауток встречаются определения, конкретизирующие и дополняющие основные смыслы практической информацией. В большинстве случаев они неоднозначны, их объем имплицитно расширяется за счет ассоциативных антонимических рядов, таким образом в сознании ребенка выстраивается сразу бинарная оппозиция, в большинстве случаев усиливающаяся оценочным значением:

Я горошек молочу

На чужом (своем) точку;

Оставили бабушке мелкие (крупные) части;

Попрятались подосиновики

Под чужими (своими) под осинами;

Долгоногий (коротконогий) журавель на мельницу ездил;

Маленькие (большие) козлятки;

У нас шубы хороши (плохи).

У нас ножки слишком тонки (толсты);

Стары (молоды) жены;

Велика (мала) дыра.

Анализ синтаксиса прибауток позволяет сделать следующие выводы: учитывая значительные объемы жанра, для эффективной реализации обучающих, развивающих и воспитательных задач синтаксис прибауток стремится к наиболее точным и емким конструкциям.

Активно применяются как простые предложения с несколькими однородными сказуемыми, так и бессоюзные сложные, в состав которых входят компоненты, не распространенные или распространенные одним, максимум двумя второстепенными членами предложения. С целью активизации внимания на конкретных, заданных смыслах широко используются эллиптические конструкции.

Для усиления экспрессивности текстов вводится инверсия (она способствует концентрации внимания на конкретной синтагме), а также синтаксическая анафора (в особо значительных по объему текстах сквозная строфическая анафора), которая применяется как для нагнетания напряженности, так и для усвоения определенных синтаксических клише. Строфическая анафора способствует усвоению ребенком активных в употреблении синтаксических конструкций.

3.5. Фонетический и ритмомелодический анализ прибауток

Как уже отмечалось выше, ритмичность является важнейшим средством создания экспрессивности текста вообще и поэтического текста для детей в особенности. На уровне подсознания ритм влияет на психику ребенка и рождает в его воображении те или иные ассоциации и эмоции. В разных группах текстов ритмичность достигается разнообразными способами. В *прибаутках - песенках* для самых маленьких, отличающихся незначительными объемами, наблюдается более монотонный спокойный ритм, в некоторых случаях соблюдается абсолютное соответствие ударных и безударных слогов в каждой строке:

Наша доченька в дому,

*Что оладушек в меду,
 Что оладушек в меду
 Сладко яблочко в саду.*

Кроме того, ритмичность данного текста создается повтором в каждой строке однотипной формы существительных: *в доме, в меду, в саду*, а также повтором-захватом «*Что оладушек в меду*», который придает особую напевность и плавность прибаутке. В прибаутке:

*Идет кузнец и кузнецы,
 Несет кузнец два молота
 Тук, тук, тук,*

Да ударил разом вдруг - метр нарушается звукоподражанием, имитирующим удары молота. Интонация наслаивается на метр и путем циклических повторов (синтаксическая анафора: *идет кузнец, несет кузнец*, повтор форм одного слова: *кузнец – кузнеца*) создает четкую ритмичность текста. Последняя строка репрезентирует звуко-символизм, переданный аллитерацией на «*р*» и повтором звуко-сочетания «*да*» в ударной позиции. Ритмическая однотипность первой и второй строки гипотетически замедляет действие, затягивает его, а резкая смена ритма в третьей и четвертой строках создают эффект неожиданной развязки, что придает тексту динамичность и живость повествования, усиливает его экспрессивное воздействие на ребенка.

В прибаутке «*Петушок, петушок Золотой гребешок*» ритмичность тесно связана с этапностью в описании субъекта попарно: в первой и второй строках идет обращение к персонажу; далее следует описание и изменяется размер. Ритмичность достигается за счет повторов слова, однотипных конструкций (*Петушок, петушок, Масляна головушка, шелкова бородушка*).

В небольших по объему прибаутках-шутках ритмичность текстам придают однотипные конструкции (*Овес толкла, просо сеяла, горох веяла*), объединенные глагольной рифмой: (*толкла – сеяла – веяла*). Особую мелодичность и напевность создают дактилические рифмы 3 и 4 строк, а также однотипные созвучия гласных *е, я, а*.

В другом случае («Бабушка Ульяна») ритмичность достигается чередованием вопросно-ответных конструкций, внутренними рифмами: *Бабушка Ульяна, Где была-гуляла, Какое чудо видала? – Курочку-рябушку с петушком на дорожках.*

В *прибаутках – притчах*, отличающихся предельной лаконичностью, ритмичность несколько ослаблена и достигается преимущественно за счет чередования вопросно-ответных конструкций, в некоторых случаях повтора (*Сено. – Какое сено?; Тут, а Тут?*), усилительной конструкции (*Нет, не я*), внутренней рифмы (*сбил-сколотил; Федул, что губы надул?; Видишь – спрашиваешь*), количество и соотношение ударных и безударных слогов в строке соответствует очень редко. Есть примеры, в которых ритмичность соблюдается более строго:

*Сбил-сколотил – вот колесо
Сел да поехал – ах, хорошо!
Оглянулся назад –
Одни спицы лежат.*

Данная прибаутка, во-первых, отличается однотипным параллельным построением строк: действие-результат; наличием внутренних рифм, а также практически полным совпадением ударных и безударных слогов в 1-2 и 3-4 строках попарно. Изменение ритма акцентирует внимание на смысловой стороне текста, на его целеустановке: *делай хорошо!*.

В других прибаутках такого строгого чередования не наблюдается:

*– Чего везешь?
– Сено.
– Какое сено? Ведь это дрова!
– А коли видишь, так чего же спрашиваешь?*

Как видно из примера, количество слогов в строке колеблется от 2-х до 13-ти, из них ударных - от 1-го до 4-ех. Ритмичность поддерживается повтором вопросно-ответных конструкций, в меньшей степени глагольными рифмами: *везешь, видишь, спрашиваешь.*

Отсутствие строгого ритма при малых объемах текстов и неожиданных смысловых повторах способствует концентрации внимания ребенка на семантике, поиску заложенного смысла, так как четкость ритма могла бы отвлекать ребенка, завораживая своей мелодикой.

Живая разговорная речь в таком случае является эффективным средством выразительности. Интонации в преимущественном большинстве в прибаутках мажорные, они привлекают ребенка своей веселостью, игривостью. В создании интонации участвует как ритмичность текстов, так и графико-пунктуационные средства: вопросительные знаки при повторах вопросно-ответных конструкций, восклицательные знаки, тире для выделения, подчеркивания определенных смыслов, звуковые повторы и др.

Ритмичность в *кумулятивных прибаутках* создается повтором строки, которая строится по принципу нанизывания однотипных повторяющихся (в основном) конструкций с представлением новых субъектов повествования и их действий. Несмотря на значительные объемы, метр с незначительными отклонениями, способствующими семантической выразительности, соблюдается в преимущественном большинстве строк. Лейтмотивом в тексте проходит повторяющаяся в конце каждой строки реплика-угроза главного субъекта повествования; используя в своем составе междометие (*ну*) и обращение, она разрывает общий ритмический рисунок и создает живые динамические интонации.

Важную роль в создании динамичности играет повторяющаяся отрицательная частица *не* при глагольном сказуемом, переданном односложными глаголами (*не идет сечь, лить, жечь, бить, гнать, пить*) + инфинитив, придающим конструкциям особый четкий ритм, а внимание ребенка концентрируется на отрицании действия. В завязке и концовке используются приставочные личные формы глагола, вынесенные в начало стиха, тем самым указывающие на перемену характера действий.

Аналогичным способом достигается ритмичность и в прибаутке *«Повелел гриб, Гриб боровик»*. Текст представляет собой последовательно нанизанные

реплики разных субъектов. Каждая строфа состоит из трех реплик, две из которых (обрамляющие) представляют абсолютный повтор, а третья несет в себе новую информацию о новом субъекте, но имеет однотипное построение с аналогичными строками в предыдущей и последующей строфах: *Мы грибовые дворянки! Мы приказные дьячки! Мы богаты мужики!* и т.д. Восклицательные знаки в конце каждой из этих реплик придают тексту особую живость, создают эффект многоголосия. В завязке и развязке нарушение ритма усиливает смысловые акценты текста. Ритмичности способствует сквозная инверсия глаголов с отрицательной частицей *не*, находящейся вместе с глаголом под логическим ударением; разнообразные повторы форм слов и однокоренных слов, образующих фонетические созвучия: *Гриб – грибам; подосиновики – под осинами; обабки – бабки.*

Таким образом, в главной части кумулятивных прибауток посредством повтора однотипных (или одних и тех же) конструкций и метра поддерживается определенный ритмический рисунок, передающий нагнетание напряженности повествования, этому же способствуют восклицательные знаки. Завязка и развязка отличаются как ритмом, так и интонацией: в первом случае используется короткая строка с двумя (а не тремя) ударными слогами и смысловым акцентом на лексеме *гриб* в каждой строке: *гриб, гриб, грибам;* во втором случае ритм нарушает отсутствие отрицательной частицы *не* перед глаголом *пойдем* и тире в конструкции: *Мы – ребята дружны, –* а также строгое чередование в данной строке ударных и безударных слогов.

В *диалогических прибаутках* основой ритмичности является повтор однотипных вопросно-ответных конструкций, создающих постоянную смену интонаций, оживляющих текст и привлекающих внимание ребенка. Причем на протяжении текста ритм прибауток меняется, точного соблюдения какого-то одного метра не наблюдается. Как правило, зачин прибаутки (2 строки) звучит более напевно и выдержан в одном размере: *–Ты, сорока, ты, сорока, Ты игде была далеко?*

В следующей прибаутке: – *Кисонька-мурысонька, Где была?* – соединение безударных слогов в первой строке и четкая фиксация вопроса во второй образуют особую мелодичность.

В прибаутке «*Стучит, бренчит на улице, Фома едет на курице, Тимошка на кошке – Туда ж по дорожке*» зачин составляет первая строфа, где строки ритмически объединены попарно.

Далее в текстах нет определенного размера, ритмичность поддерживается одинаковым количеством ударений в каждой строке, как правило, двух, в редких случаях трех, а также повтором однотипных конструкций: *Где кони? Где быки? Где гора? Где вода? А где быки? А где вода? А где гора?* и т.д.; *На что тебе сено? На что тебе коровы? На что тебе молоко?*

В ответных конструкциях ритмичность усиливается сквозными (за редким исключением) глагольными рифмами: *Вода залила, Быки выпили, Черви выточили, Утки склевали; Девки выломали, Мужья ушли; Сено косить, Коровок кормить, Молоко доить, Ребяток поить* и др.

Постоянное нарушение ритмичности в **контаминированных песнях** – явление вполне мотивированное «сборным» характером текстов, наличием своего ритма и интонации в каждом семантическом отрезке. Именно благодаря постоянной смене ритма и интонации удерживается внимание ребенка, стимулируются процессы памяти.

В прибаутке «*Ау, чу-чу, ай, чу-чу, Я горошек молочу, На чужом на точку, На прилетничку*» в первой части соблюдается более четкий ритм с двумя ударными слогами в каждой строке, кроме четвертой, состоящей из одного слова с одним ударным слогом, условно завершающим своей напевностью первый мотив текста. Благодаря однотипному расположению ударных и безударных стихов эта часть звучит ритмично.

Во второй части количество ударных слогов и их мест носит более произвольный характер:

А из курочки перо

Кому клин, кому стан

Залетело за Иваново село.

Кому желтый сарафан,

Там бабы сидят

Кому чашки, кому ложки,

Сарафаны делят:

Кому весь горошек.

Количество ударных слогов произвольно колеблется от 2-х до 4-х в строке, ритмичность достигается вследствие повтора однотипных словосочетаний, образующих анафору; причем наблюдается однотипное построение рядом стоящих строк: 1-ая строка представляет собой повтор простого словосочетания (*Кому клин, кому чашки*), а во 2-ой строке простое словосочетание расширяется до сложного за счет прилагательного *желтый* и местоимения *весь*, создавая единый ритмический рисунок.

В преимущественном большинстве текстов данной группы ритмичность создается благодаря повторам как одного и того же слова или однотипных лексических единиц: *пошел – пошел, нашел – нашел; шарил, шарил – не нашел; летят – летят; гори – гори; хлебали – похлебали; подбежал – подлизал; не ходи – не носи* и др.; так и повтором конструкций, образующих своеобразный захват с дальнейшим развитием сюжета: *на повете мужичок (2), на чужом точку; я горошек молочу, прилетели косачи; потерял мужик дугу*. Такой повтор, как утверждают ученые [200, 43], – явление музыкально-ритмическое и восходит к древнейшим ритмическим образованиям. Также служат поддержанию ритмичности и мелодики текста однотипные конструкции: *кочерыг подняла – калачей напекла; прилетели косачи – подхватили калачи; А я курицу цепом, А ворону кулаком; Привела его домой, Налила ему помой; Хошь – пей, хошь – лей, Хошь купайся в ней; Купили сапожки, Нарядили бабу; Василь кажет: Убегу. Жорув кажет: Догоню; Как сяду же я, Как поеду же я* и др.

В данной группе прибауток ритмичность задают звуковые повторы, используемые как зачины, образующие определенным образом ритм всего текста, способствующие напевности; благодаря им поддерживается мелодика текста, также затягивается развитие сюжета и готовится очередной поворот в семантике.

Ай, ду-ду, ай, ду-ду

Потерял мужик дугу.

Ай, ду-ду, ду-ду, ду-ду

Сидел жорув на дубу.

В данном отрывке наблюдаются ассонанс на «у» и аллитерация на «д»; сочетание звуков усиливает смысловые ассоциации: труба и звук, издаваемый трубой. Звукоподражания не только задают определенный ритм всему тексту, но и теснейшим образом связаны с его семантикой: они усиливают смысловые ассоциации и создают в воображении ребенка дополнительные звуковые образы, а также учат его звукоподражанию, что на начальном этапе овладения языком является особенно важным.

В следующих текстах, близких по семантике:

1. *А чуку, чуку, чуку,*

Я горошек молочу.

2. *Ай, чу-чу, ай, чу-чу*

Я горошек молочу – звукоподражания однотипны; в первой и второй строке ассонанс на у (в первой – 7, во второй – 5), а также аллитерации в первой на к – ч (к – 4, ч – 4), во второй на ч (5). Посредством звукосочетания к – ч – у, ч – у передается шелест сухих стручков гороха.

Ассонансы и аллитерации, выполняющие звукоподражательные функции, придают прибаутке особую напевность и способствуют усилению экспрессивности текста.

С ритмом теснейшим образом связана интонация, которая надстраивается над метром и путем циклических повторов создает ритм [96, 81]. Согласно современным экспериментальным данным [119; 158; 195], интонационные свойства текста (темп, паузы, тональный диапазон, модуляция тембра голоса) оказывают сильное воздействие на реципиента, усиливая экспрессивный эффект текста, потому что интонация способствует эмоциональному заражению, одновременно настраивая не только на определенные чувства, но и мысли. Не случайно утверждается, что в вербальном тексте две трети информации приходится на интонирование [195, 193]. Косвенно эту мысль поддерживает И.И. Ковтунова, считая, что «устранение мелодии искажает поэтический образ» [119, 78].

Учитывая, что прибаутки являются жанром устного народного творчества, предназначенного для самого маленького слушателя, интонирование является важнейшим фактором как их звучания, так и воздействия на ребенка.

В преимущественном большинстве наблюдаются мажорные радостные интонации, которые как значительно активизируют процессы обучения и запоминания, так и формируют положительное отношение к денотативному плану, отражающему основные реалии крестьянской жизни.

Графико-пунктационными средствами передачи интонации в прибаутках являются повторы вопросительных и восклицательных знаков, тире.

Для прибауток рифма является необычайно важным компонентом благозвучия, способствующим ритмичности текста. Рассматривая характер рифмовки, следует отметить, что в большинстве примеров наблюдаются глагольные рифмы, в некоторых случаях сквозные для целой строфы или большого отрезка текста: *пить, лить, бить; выпили – ушли – выточили – поклевали – выломали; гуляют – насыпают – согребают; подглядывал – украл – захал – закричал – подбежал; встаешь – плешь – даешь; помахивает – потряхивает – побрякивает; щеголял – сшил – содрал – украл – пропал* и др. Чаще наблюдается попарная глагольная рифмовка: *нашел – пошел; пляшет – машет; носится – просится; ходила – вопила; драла – плела; глядят – хотят; бегут – гребут* и др. Позиция конца стиха несколько слабее начала, но тем не менее глагольные рифмы, создавая ритмичность, концентрируют внимание ребенка на действии, придают особую живость и динамичность повествованию. Таким способом в воображении ребенка рисуются сменяющие друг друга картины действительности, а также происходит автоматическое усвоение глаголов.

Активно используются в текстах данной группы и другие рифмы: существительных (*в доме – в меду – в саду; петушок – мужичок; белянки – дворянки, рыжики – мужики; волнушки – подружки; синица – сестрица; совушка – вдовушка; улице – курице; чудеса – леса; кошке – дорожке; мухоморы – воры*). Реже наблюдается рифмовка прилагательных: *вороных – золотых, больна –*

нездорова; точенная – позолоченная, пузаты – рогаты; в некоторых случаях рифмуются разные части речи: *колесо – хорошо; поросят – шестьдесят; Ульяна – гуляла.*

Овладение словом у ребенка начинается с овладения формой данного слова, т.е. его звуковыми свойствами, которые постепенно трансформируются в значение (к 7-ми годам). Поэтому для ребенка 3-х – 6-ти лет еще очень важной является звуковая форма слова, его слух особо чуток к звуковым совпадениям.

Таким образом, важное значение в фонетике прибауток принадлежит такому явлению, как паронимическая аттракция, представляющая собой контекстуальное смысловое сближение не родственных, но фонетически сходных слов, то есть распространение фонетических подобий на семантику слов [141, 368]. В данном явлении, с одной стороны, происходит сближение с поэтической этимологией, так как имеются элементы переосмысления, с другой стороны, с аллитерацией. Как справедливо полагает В.П. Григорьев, «различия здесь часто почти неуловимые от субъективных моментов восприятия» [72, 265].

В данных произведениях распространена и паронимическая аттракция анафорического типа, когда общим элементом контекстуального и семантического сближения слов является их начало. Однако не только приставочные образования заслуживают внимания. Анафорический звуковой комплекс, не совпадающий с морфемой, может объединять два слова, подобно приставке. В ряде случаев такой звуковой комплекс начала слова и выполняет роль окказиональной приставки, так как он в контексте получает свойства морфемы (выделяемость и повторяемость):

<i>Напали на козлика серые волки;</i>	<i>Сова с печи соскочила;</i>
<i>Пошла коза за орехами;</i>	<i>Наехали на галочку разбойнички;</i>
<i>Мы все подрастем</i>	<i>Голопузому за пазуху захал;</i>
<i>За мышами пойдем;</i>	<i>Он головушкой помахивает,</i>
<i>Напуцу на тя воду;</i>	<i>Черной гривушкой потряхивает,</i>
<i>Не пора ли нам завод заводитъ</i>	<i>Золотой уздой побрякивает;</i>
<i>Полну хату гармонистов заводитъ?;</i>	<i>Села баба на барана;</i>

*Гармонисты разыгрались,
Красны девки расплясались;*

*Поросята визжат,
Полететь они хотят.
Полетели, полетели...*

Сближение однокоренных слов в словосочетании в стихотворной строке или строфе, с одной стороны, связано с этимологической регенерацией слова (оживлением внутренней формы слова), а с другой стороны, – с паронимической аттракцией, что также способствует ритмичности текста:

*Утром он в трубу трубит;
Тень-тень потень;
Молодичка-молода;
Поросила – поросят;
Загорелись ворота.
Гори, гори жарко;
Котик, коток.*

*Идет кузнец из кузницы;
Черненький, маленький
Чернобровенький, черноглазенький;
Кошечка – в окошечке;
Кошурки – в печурке,
Котятки – в подлавке.*

В последнем примере лексическая анафора усиливается в каждой строфе внутренними рифмами, а также синтаксической анафорой, что придает тексту особую выразительность и ритмичность.

Анализ показывает, что внутренние рифмы активно используются в текстах прибауток. Такое явление обуславливается значительными объемами текстов, восприятие которых требует от ребенка длительного напряжения внимания, не свойственного данному возрасту, поэтому в прибаутках как довольно сложном жанре детского фольклора используются все возможные средства, способствующие максимальному усвоению заданной информации и наиболее соответствующие особенностям детской психики данного периода.

Характерны для прибауток различного рода аллитерации и ассонансы, но, в отличие от пестушек, где эти явления способствуют реализации главной обучающей задачи – подготовить артикулярный аппарат ребенка к дальнейшему овладению речью. Ассонансы и аллитерации, как утверждает Л.П. Иванова, являются активным эвфоническим средством, усиливающим концентрацию внимания реципиента, способствующим расширению внедряемой информации

посредством звуковых и смысловых ассоциаций. [108, 37]. Причем в прибаутках ассонансы и аллитерации наблюдаются как на протяжении всего текста (если его объем незначителен), так и концентрируются в определенных стихах, соответственно заданной цели.

В прибаутке «*Наша доченька в дому*» на 4-е стиха – 8 аллитераций на *д*, 9 на сонорные *л – м – ж*, 9 ассонансов на *о*, 6 – на *а* и *у*. Такая особенность придает звучанию особую мажорность. В прибаутке «*Идет кузнец из кузницы*» также наблюдается концентрация ассонансов и аллитераций, способствующих особой выразительности. Благодаря чередующимся аллитерациям на *д* (4), *к* (7), *т* (7) и *р* (3), имитируется звук удара молота, особую звонкость придает аллитерация на *з* = 5 раз; ассонансы на *а* (4), *у* (9), *о* (3), *е* (5) создают напевность, разъединяя труднопроизносимые согласные *д*, *т*, *р*, *к*. Соединение двух взрывных «*в*» и «*г*» с дрожащим *р* вызывает звуковую ассоциацию удара:

*Идет кузнец из кузницы,
Несет кузнец два молота,
Тук, тук, тук, тук,
И ударил разом вдруг.*

В прибаутке «*Скачет галка по ельничку*» отмечаются ассонансы на *к* – 10 раз, на *г* – 8, на *ч* – 6, которые приглушают тональность текста и ассоциируются в начальных стихах за счет ритмичности с подскоками.

Активные аллитерации на *к* и *ч*, *ж* и *ш* в прибаутке «*А, чуку, чуку, чуку, я горошек молочу*» вызывают звуковые ассоциации с шелестом сухих стручков и, таким образом, усиливают эмоциональное воздействие на слушателя с опорой на его жизненные наблюдения. В прибаутке «*Черненький, маленький*» аллитерации на сонорные и звонкие *л* (14), *р* (13), *з* (6), *н* (5), *й* (4), а также на *с* (10) создают особую мажорность текста, напев и смягчают несколько печальный финал: «*И свалили гармониста с крыльца, А он маленький заплакал и пошел*».

В прибаутке: *Тень, тень, потень, Выше города плетень. Сели звери под плетень. Похвалялися весь день...*, концентрирующей аллитерации (на *н* – 6, на *т*

– б) и ассонансы (на *e* – 13 на *o* – 5) в зачине, передается главная воспитательная идея текста: осуждение бахвальства, пустозвонства, хвастовства. Звукосочетание *тьнь – тень* имитирует звон, именно подмена звонкого *динь – динь* на приглушенное *тьнь* создает ощущение несерьезности происходящего, пустозвонства.

Аллитерация на *с* в притче «Сбил-сколотил» (*с* – б) имплицитно ассоциируется со скоростью и репрезентирует главную воспитательную идею: излишняя скорость в работе к хорошим результатам не приводит.

В некоторых текстах аллитерации и ассонансы служат усилению выразительности и какого-то отдельного тематического мотива, например, в прибаутке «Ой – люли, та-ра-ра! На горе стоит гора» в фрагменте: «Черный ворон на дубу Играет во трубу, Труба точенная позолоченная. Утром он в трубу трубит...» – наблюдаются аллитерации на звонкие *р* – 8 раз, на *н* – 5, на *б* – 5, которые создают общую мажорность звучания, а ассонансы на *у* (9 раз) вызывают ассоциации со звуком трубы; данные фонетические явления формируют в воображении ребенка определенные слуховые образы и способствуют радостному настрою.

Выводы

Таким образом, прибаутки – третий этап в процессе формирования языковой личности ребенка. Это жанр, который, кроме образовательной функции, характеризуется ярко выраженной воспитательной функцией.

В отличие от двух предыдущих жанров (пестушек и потешек), прибаутки отличаются тем, что объединяют под данным названием разнообразные понятия: собственно прибаутки, кумулятивные и контаминированные песенки, шутки, притчи, небылицы, путаницы.

Необычайно важное значение в прибаутках принадлежит фонетическим средствам. Этот факт обуславливается как значительными объемами текстов данного жанра, так и возрастными свойствами психики ребенка, его

неспособностью продолжительное время концентрировать внимание на чем-то одном. Следует заметить, что для реципиента 5-7летнего возраста ритм и напевность имеют большее значение, чем содержание текста. Народной педагогике с давних пор хорошо известно, что у ребенка очень рано просыпается любовь к ритму во всех его проявлениях (качание, катание, мелодия, скандирование), именно поэтому в текстах прибауток такое важное место отведено ритмичности, благозвучию (рифме, ассонансам, аллитерациям).

Чтобы не переутомлять ребенка однообразием, ритмы, особенно в больших по объему прибаутках, часто изменяются, оживляя тексты, активизируя внимание слушателя. С этой же целью (создание мелодичности и ритмичности) используются ассонансы и аллитерации. Но если в пестушках они реализовали главную обучающую цель жанра (развитие артикуляционного аппарата ребенка, подготовка его к воспроизведению речи), то в прибаутках они являются средством достижения главной развивающей и обучающей цели - расширить кругозор ребенка, снабдить его разум обширной, но необходимой информацией для вхождения во взрослый мир, максимально обогатить его лексико-семантический запас. Благодаря совокупности фонетических средств, объемная и сложная для детского восприятия информация об окружающем мире становится ему более доступной, облегчается ее восприятие и усвоение.

ГЛАВА IV

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ КАК СВЯЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ ВОЗРАСТНЫХ ПЕРИОДОВ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА

4.1. Колыбельные песни в текстовом аспекте.

Колыбельные песни представляют собой небольшие по объему тексты (редко более 8-10 строк), характеризующиеся предельной краткостью и ясностью сюжетных мотивов: один-два (реже больше), часто переходящих из одной колыбельной в другую. Такая особенность колыбельных песен вызвана отсутствием волевого начала в психике ребенка, неумением долго концентрировать внимание на чем-то одном.

Колыбельная – один из древнейших жанров фольклора, сохранивший представления о мире и жизни, а также языческие образы *Сна, Дремы, Угомона*.

По тематике колыбельные условно разделяются на 4 группы:

1) песни, в которых представлены образы *Сна, Дремы и Угомона*;

- 2) песни, отражающие мотив «возвеличивания колыбели»;
- 3) песни-монологи о животных;
- 4) лирические колыбельные.

Наиболее древними являются *песни, в которых представлены образы Сна и Дремы*, как правило, встречающиеся в пределах одного текста, *и Угомона*. Эти образы представителей мифологии достигли высокого художественного совершенства. Основным приемом в данной группе текстов является метафора: *Сон да Дрема ходят по лавочкам, ищут-поищут* ребенка, *носят рубашечки* определенного цвета (белая, голубая, красная), разговаривают. Образы максимально приближаются к ребенку: к ним обращаются, их зовут, что придает особую выразительность и яркость. *«Ходит Сон по лавочке В красенькой рубашечке»*, *«Сон да Дрема, Пойди Ване в голова»* и др. Объемы этих колыбельных незначительны (6-12 строк).

В диссертационном исследовании рассматриваются 6 текстов, относящихся к данной группе. В большинстве своем они представляют собой монологи (в двух случаях с элементами диалога), например: *И расспрашивают: – Где мы Ванечку найдем, Там и спать укладем*. В каждом тексте этой группы с некоторыми изменениями повторяется один и тот же мотив: *Ходит Сон по лавочке; Сон идет по лавочке, Дремота по другой; Уж как Сон идет по лавочке, Дремота по другой*. В данном случае наблюдается параллельность действий Сна и Дремы. Преимущественное большинство слов – существительные и глаголы. Особое значение принадлежит глаголам (в пределах одного текста наблюдается их нагнетание (15, 12, 10). Благодаря значению и нанизыванию глаголов создается метафоричность и динамизм повествования. Количественно преобладают глаголы в форме несовершенного вида настоящего времени, что позволяет воспринимать действия в их процессе, длительности и незаконченности по отношению к моменту речи. Создается эффект зрительности происходящего. В некоторых примерах внимание акцентируется на глаголе *искать* путем синонимического повтора *ищут-поищут*, такой повтор несколько затягивает действие и указывает на его продолжительность во времени.

Параллелизм в описании действий Сна и Дремы (*Сон ходит по лавочке, Дрема по другой*) создают своеобразный пространственный объем, расширяют территорию действия. Во второй части, когда речь идет уже о результате поисков, в некоторых случаях меняется форма времени, используется форма прошедшего времени: (*нашел, спать уклали и ушли*). В некоторых случаях изменяется форма вида (совершенный) (*найдут, укладут; найдет, спать укладет*) и др. Для создания большей экспрессивности используется императив: *пойди*, а в финале первой части – форма будущего времени: *будет спать*.

Межфразовые связи в данной группе текстов однотипные. Широко используется повтор объекта: Сон и Дрема иногда повторяются по три раза каждый. Для связи используются союзы (*да, и, где*): *Уж они его найдут, Да и спать укладут; Ты усни глазок, И усни другой*; слова-заместители: *Мариночка – она, Сон да Дрема – они*). Синоним-повтор *спи – усни* усиливается синонимическим перифразом «*сладкий Сон тебя возьми*». Активная концентрация одного и того же корня в пределах одного и того же стиха является проявлением экспрессивности: создается впечатление словесного внушения, стимулирующего результат.

Особое место в текстах занимают префиксные глаголы, которые концентрируют внимание ребенка на семантической роли приставки, на том добавочном оттенке значения, который ею привносится. Разновидностей приставок не так много: *на-, у-, по-*, причем часто *не-* чередуется с *у-*, и они используются практически в каждом тексте, что способствует их повторению и усвоению. Следует заметить, что глаголы, отличающиеся только префиксом, стоят в смежных стихах попарно, осуществляют не только семантическую связь, но и образуют созвучие стиха: *Мимо ты ходишь, Колыбельки не находишь; И она уснула, накрепко заснула; Спи, усни; Они Ванечку нашли, Спать уклали и ушли*. Приставка *по-* употребляется преимущественно в сочетании *ищут-поищут*, которое привносит оттенок продолжительности действия, а также способствует образованию внутренней рифмы. Приставочные глаголы в попарном употреблении являются необычайно важным средством экспрессивности текста:

они способствуют усвоению не только корневых значений, но и семантических отличий приставок.

Следует отметить, что межфразовые связи в колыбельных несколько ослаблены, они представляют собой скорее нанизывание действий, своеобразную кадровку, где важное место принадлежит глаголу. Рассмотрим следующий текст:

*Сон ходит по лавочке,
 Дрема по другой.
 Они ищут-поищут
 И Ванечку.
 Уж они его найдут,
 Да и спать уладут
 Не захочет Ваня спать,
 Колотушек надают,
 Колотушек двадцать пять,
 Будет Ваня крепко спать.*

Первая и вторая строки – параллельные по смыслу фразы с импликацией глагола во второй строке, что придает фразе динамичность. Связи между первой-второй и третьей-четвертой строками способствует анафор – *они*. Далее стихи соединяются попарно, вследствие повтора той или иной лексемы: *ищут – поищут – найдут* (процесс и результат действия); *спать – спать* (связываются повтором основной смысловой единицы), *колотушек – колотушек* (внимание концентрируется на данной лексеме), и в последнем стихе опять повторяется слово *спать* как сквозной мотив: *Сон – спать – спать – спать*, скрепляющий весь текст.

В другом тексте корневой повтор встречается 5 раз на 8 строк, выстраивается ряд однокоренных слов: *Сон* (понятие), *усни* (2), *уснула*, *заснула* (действия с разными оттенками значения, реализованные с помощью разных приставок и разных глагольных форм: повелительного наклонения (*усни*), прошедшего времени (*уснула*, *заснула*)). Благодаря разноплановости глаголов создается определенное внутритекстовое пространство, представляющее действие в его

позапанном развитии; в это пространство попадает слушатель и гипотетически становится его действующим лицом.

Для поддержания межфразовых связей используются также союз *и*, анафорическое местоимение *она* (*Мариночка – она*), вводятся параллельные конструкции, передающие последовательность действия и включающие в себя обращения к органу зрения - глазам: «*Ты усни, глазок, И усни, другой*», где во второй части имплицитруется существительное, что делает текст более живым, не перегруженным лишними смыслами. Последний стих – результат действия-является синонимическим повтором с усилением, чему способствуют приставки *у-*, *за-* и наречие «*накрепко*».

В одном из текстов встречается образ *Угомона*. Исследователи считают, что это трансформированный временем образ Сна и Дремы [161, 39]. Связь с мифологическими представлениями наших предков уже утрачена, и существительное *Угомон* рассматривается как мотиват глагола *угомонить*, то есть «*заставить кого-либо вести себя тихо, прекратить шум, крик, плач*» [204, 460]. Устанавливается вторичная образная связь. Глагол *угомонись* широко используется и в современной разговорной речи, этим поддерживается живучесть в колыбельной образа *Угомона*:

<i>Спи, усни,</i>	<i>У тя в ногах.</i>
<i>Бай, бай, бай!</i>	<i>Соболина-та шапка</i>
<i>Угомон тебя возьми.</i>	<i>У тя в головах.</i>
<i>Сон да Дрема</i>	<i>Спи, посынай,</i>
<i>У тя в сердцах,</i>	<i>На повоз поспевай</i> и т.д.
<i>Кунья-та шуба</i>	

Образы Сна и Дремы соединяются с образом *Угомона*. Некоторые детали очень напоминают предыдущие колыбельные, например, повтор «*спи, усни*», усиленный перифразом: «*Угомон тебя возьми*», который является вариантом «*Крепкий сон тебя возьми*». Фраза: «*Сон да Дрема У тя в сердцах*» напоминает строку: «*Пойди к Ване в голова*» или «*Он у Маши в головах*». Текст носит описательный характер, главное смысловое значение передает глагол «*спи*» в

сочетании с существительным *Сон* и формальным и синонимическим повтором (*спи, усни; спи, посыпай*), являющимся своеобразным лейтмотивом и повторяющимся трижды. Этот повтор образует главный смысловой стержень произведения. Вторая часть колыбельной носит описательно-бытовой характер и отражает реалии крестьянской жизни: *На повоз поспевай; Доски готовы, Конипряжены, Шапочку купим, Боронить сошлем* и т.д.

Следующую группу составляют колыбельные **песни, отражающие мотив «возвеличивание колыбели»** [161]. В них отражены мечты матери о счастливом и богатом будущем ребенка. Это самые значительные по объему тексты, насчитывающие от 42 до 61 строк. В процессе рассмотрения этих песен создается впечатление о том, что они являются сборными. Об этом свидетельствует как их структура, так и наложение разных мотивов. В большинстве случаев анализируемые колыбельные имеют два основных плана: настоящее – описание богатой колыбели (*Во высоком терему, На высоком на крюку, крюк золотой, ремни бархатные*) и проекция в богатое будущее ребенка. Вводится фрагмент повествования от первого лица (то есть монолог младенца). Само местоимение «Я» вынесено за пределы текста, который передается определенно-личными конструкциями, нанизанными последовательно и объединенными бессоюзно. Глаголы употреблены в аналитической форме будущего времени; причем глагол-связка *буду* встречается только раз в ударной позиции начала песни: *Буду в золоте ходить, Парчову шубу носить, Обносочки дарить*. В первой части текста представлены глаголы в форме несовершенного вида настоящего времени и в императиве (*ходишь, висит, качайте, прилюлюкивайте*). В сочетании с указательной частицей *вот* и местоимением *тут* они конкретизируют описываемое, приближают его к слушателю, тем самым повышая общую выразительность текста:

<i>Глупый сон, сон,</i>	<i>На высоком на крюку.</i>	<i>-Вырасту большая,</i>
<i>Неразумная дрема!</i>	<i>Крюк золотой,</i>	<i>Буду в золоте ходить,</i>
<i>Мимо ты ходишь,</i>	<i>Ремни бархатные,</i>	<i>Буду в золоте ходить,</i>
<i>Колыбели не находишь,</i>	<i>Колечки витые,</i>	<i>Парчову шубу носить,</i>

<i>Вот тут колыбель</i>	<i>Крюки золотые.</i>	<i>Мамушкам, нянюшкам</i>
<i>Во высоком терему,</i>	<i>Матушки, нянюшки,</i>	<i>Обносочки дарить:</i>
<i>Висит колыбель</i>	<i>Качайте дитя!</i>	<i>Старым старушкам –</i>
<i>На высоком терему,</i>	<i>Сенны красны девки,</i>	<i>По повойничку,</i>
<i>Висит колыбель</i>	<i>Прилюлюкивайте!</i>	<i>Молодым молодкам –</i>
<i>По кокошничку,</i>	<i>Соболи, куницы –</i>	
<i>Сенным девушкам –</i>	<i>То папеньке;</i>	
<i>По ленточке.</i>	<i>Сон да Дрема –</i>	
<i>Золото монисто –</i>	<i>Да то Машеньке.</i>	
<i>То маменьке,</i>	<i>(Если больное дитя.)</i>	

В данной колыбельной намечается и третий мотив, в морально-этическом плане необычайно важный. Показательным для детского фольклора является то, что, входя в сознание ребенка с первых лет жизни, он должен оказать решающее воздействие на формирование мировоззрения: если ты богат, ты должен одаривать бедных (помогать им), иными словами, богатство накладывает определенные моральные обязанности на богатого, своего рода ответственность за бедных. Видимо, поэтому глагол *дарить* вынесен в ударную позицию конца стиха, и далее, в однотипных конструкциях, он имплицитруется, а экспрессивность достигается с помощью метода «стяжения», когда вокруг одного глагольного сказуемого группируются несколько структур, соединенных последовательной бессоюзной связью. Несмотря на непрезентативность описательных средств (предложение включает только два дополнения), ощущается динамичность действий:

<i>Матушкам, нянюшкам</i>	<i>По повойничку,</i>
<i>Обносочки дарить:</i>	<i>Сенным девушкам –</i>
<i>Старым старушкам –</i>	<i>По ленточке.</i>

Далее характер конструкций меняется: структура состоит из подлежащего и дополнения, но по-прежнему подразумевается имплицитированное сказуемое «дарить»: *Золото манисто – То маменьке; Соболи, куницы – То папеньке; Сон да Дрема – Да то Машеньке.*

Рассмотрение примеров позволяет отметить, что тексты подобных колыбельных включают несколько последовательно связанных между собой мотивов, а логическая связь между фрагментами ослаблена. Основным композиционным приемом является повтор однотипных конструкций, развивающих один и тот же мотив. В одном случае отмечается повтор-захват, способствующий выделению наиболее важной в семантическом плане фразы: «*Буду в золоте ходить*».

К этой же группе текстов относится колыбельная «*Баю, баюшки, баю, Баю милую дитю*». В начале текста появляются уже известные нам образы Сна, Дремы, Угомона, причем функционирующие в тех же конструкциях, что и в предыдущей группе текстов: «*Ты спи усни, Угомон тебя возьми. Сон да Дрема Моей милой в голова*», что позволяет высказать предположение: 1) текст представляет собой компилятивное произведение; 2) возможно, в древнейших колыбельных песнях такой зачин и в такой формулировке (с некоторыми незначительными отклонениями) являлся нормативным для жанра. В остальном особенности развития сюжета отличаются от предыдущих колыбельных. Основная часть текста построена по принципу сравнительного параллелизма: *кот – дитя; хорошо – лучше*, причем у дитяти всегда оказывается все лучшее. Таким образом передается идея ценности, значимости ребенка. Посредством нанизывания однотипных параллельных конструкций создается однотипность, монотонность текста, в котором в первом мотиве звучит тема преимущества детской колыбели, а во втором – ценности самого ребенка:

<i>У кота ли, у кота</i>	<i>У кота ли, у кота</i>
<i>Колыбелька золота,</i>	<i>Одеяльца хороша,</i>
<i>У дитяти моего</i>	<i>У дитяти моего</i>
<i>Есть покраще его.</i>	<i>Есть получше его.</i>
<i>У кота ли, у кота</i>	<i>У кота ли, у кота</i>
<i>Периночка пухова,</i>	<i>Занавесочка чиста</i>
<i>У мого ли, у дитяти</i>	<i>У дитяти моего</i>
<i>Да помягче его.</i>	<i>Есть почище его,</i>

*У кота ли, у кота
Изголовья высоко,
У дитяти моего
Да повыше его.*

*Есть почище его,
Да покраше его.*

Повтор является основным композиционным и ритмическим приемом данного текста. Кроме сравнительных конструкций, используются внутренние повторы: «*у кота ли, у кота*» (и внутри строки и в каждой строфе), «*У дитяти моего*» (в каждой строфе). Главная идея: у ребенка все лучше – концентрируется в последних стихах, из которых первый и второй образуют захват, а третий усиливает их значимость. Особая роль в этой колыбельной принадлежит прилагательным в форме синтетического компаратива с приставкой *по-*, передающей оттенок значения «несколько», «немного». Прилагательные с названной приставкой повторяются 7 раз и являются доминантными в семантике текста. Можно предположить, что этот текст способствует усвоению ребенком принципа образования формы сравнительной степени прилагательного (на более позднем этапе), а также смысловой роли приставки *по-* в ходе этого образования.

Следует отметить, что в данном фрагменте представлен единственный глагол в форме настоящего времени *есть*, который повторяется четыре раза (в одной конструкции он имплицирован). Далее идет отрывок иного характера, встречающийся также в других колыбельных, связанный с предыдущим и последующим главным объектом описания – образом кота.

После такого вкрапления опять продолжается мотив: *кот – ребенок* – и используется тот же принцип сравнительного параллелизма, но уже имеющий несколько иное построение. Оценочный компаратив прилагательного *получше* (или *покраше*) и глагол *есть* переходят в импликацию и подразумеваются при сравнении. Весь фрагмент состоит из существительных и характеризующей их полной формы прилагательных. Другие части речи отсутствуют.

Следующий пример представляет, пожалуй, единственный текст колыбельной, в котором столь активно используются прилагательные. С предыдущим фрагментом данный связывается общей тематикой, принципом

сравнительного параллелизма, а также тем же зачином каждой параллели: «У коты ли, у коты» и «У мого ли у дитяти». Основным композиционным принципом является (за исключением зачинов) сквозная синтаксическая анафора, сопровождающаяся в некоторых случаях повтором одного и того же стиха:

<i>У коты ли, у коты,</i>	<i>У мого ли, у дитяти</i>
<i>Коты серенького,</i>	<i>Личко беленькое.</i>
<i>Коты серенького</i>	<i>Глазки серенькие,</i>
<i>Лапки меленькие,</i>	<i>Ручки беленькие.</i>
<i>Лапки маленкие,</i>	
<i>Глазки серенькие.</i>	

Активное использование существительных с эвалюативом *-к-* и прилагательных с *-еньк-* придают фрагменту особую нежность, пронизывают его любовью к ребенку. Повтор одних и тех же суффиксов способствует постепенному их узнаванию, усвоению их роли в семантическом и словообразовательном процессах.

Следующая группа колыбельных (наиболее значительная по количеству) представляет собой небольшие по объему произведения от 4-х до 14-ти строк, заключающие, как правило, один, реже два коротких мотива.

По форме и содержанию они являются *монологами о животных*, что более всего соответствует данному жанру и представляет собой наиболее распространенный способ выражения материнской любви и нежности. Колыбельная песня в основе своей содержит имплицитный диалог, вызывающий в ребенке ответные эмоции на голос и слово матери.

В текстах данной группы колыбельных наиболее частыми являются образы *Коты (кошки, котят), голубей (гулей)*, реже встречаются *галочки (галоньки), журавли, зайка*. Следует отметить, что в основе этих образов лежит своеобразный ассоциативный параллелизм: под персонажем понимается ребенок, что мотивируется схожестью целей, действий, зрительными и звуковыми ассоциациями.

Любимым образом колыбельного фольклора является образ Кота, двойственный в народном представлении. С одной стороны, это реальный кот-воришка, постоянно живущий бок о бок с человеком, с другой – Кот – Баюн, помощник матери, друг ребенка. Этот образ делают популярным следующие особенности животного:

1) сонливость (сам спит и может усыпить ребенка, навевает покой, создает домашний уют);

2) мягкость, пушистость, теплота (что вызывает ощущение умиротворенности, комфортности);

3) звуковой план (кот поет песенку, мурлычет монотонно и ласково, напоминая напев колыбельной, как будто помогает матери укачать ребенка. Отсюда и его прозвище: кот – баюн).

Следующий образ Гули (*гуленьки, гулюшки*) - птицы удивительно нежной. По словарю Н.В. Слухай, «голубь – символ чистоты, очищения; символ духовной сублимации», символ молодого парня (девушки), любимой (любимого)» [205,11]. В народном представлении голубь является символом семейного счастья, мира, покоя, любви. В колыбельную песню этот образ привели, видимо, еще и звуковые ассоциации. Нежные, монотонные звуки (*гу – у, гу – у*) успокаивают, напоминают напев, и, вместе с тем, ассоциируются с первыми звуковыми опытами ребенка: ребенок гулит. Слова *гули – гулевать* (звуки птицы) и *гулить* (звуки ребенка) – однокоренные, и свою звуковую форму они получили от характерной однотипности звуковых повторов.

Образ журавля в народнопоэтическом восприятии является «символом долголетия, а также праведности и милосердия души» [205, 12]: *Ай, люли, люли, Прилетели журавли. Они сели на ворота.*

Основным композиционным приемом для данной группы колыбельных являются разнообразные повторы. Исследования поэтической и мелодической закономерностей протяжной песни, показали, что «восприятие мелодии не должно быть «затемнено» текстом, а слова в свою очередь должны быть выделены с учетом слухового восприятия соответствующей им распевной

мелодии. Если бы не повторы, то в «волнах» распева тонули бы слова, и лишь иногда «выплывали» бы на поверхность словесные обломки» [47, 81].

Принцип повторяемости является основным принципом внутренней организации колыбельной песни (в 21 песне из 30). Он распространяется как на отдельные элементы внутри одного стиха, так и на сложные синтаксические периоды строфы и на всю песню в целом. Повторяется как отдельное слово, несущее основную смысловую нагрузку, так и целый стих. На принципе повторяемости построены такие композиционные приемы, как полный захват и частичный захват. При полном захвате повторяется целый стих, а части разделяются точкой с запятой или (реже) запятой. Это свидетельствует о том, что на первой фразе закончился один сюжетный мотив, а с повтором начинается развитие нового действия. Таким образом, повтор, с одной стороны, является связующим смысловым элементом текста, с другой, - соответствует возрастным психическим особенностям ребенка: многократные повторы необходимы для запоминания предложенной информации.

«Баю милую дитю: Мое милое дитя Накричалось воя», «Своим нянюшкам, Своим матушкам. И сестрицам своим», «Котик серый, Хвостик белый, Приди, котик, ночевать», «Коням сена надавай, Кони сена не едят». «Стали гули ворковать, Стал мой Юра засыпать». В данных примерах наблюдается повтор определенного слова в разных позициях, такой повтор, с одной стороны, способствует созданию межфразового единства, а с другой стороны, акцентирует внимание ребенка на данном слове, выделяет его в звуковом потоке. К этой группе повторов относится и частичный захват, то есть повтор слова с конца одного стиха в начало следующего, поскольку он служит реализации тех же целей:

- | | |
|-------------------------------|--------------------------------|
| <i>1. Они сели на ворота.</i> | <i>3. Стали куры сокотати,</i> |
| <i>А ворота скрип, скрип.</i> | <i>Сокотати, щebetати.</i> |
| <i>2. Он играет во трубу.</i> | <i>4. Баю, баюшки, баю,</i> |
| <i>Труба точенная</i> | <i>Баю милую дитю</i> |
| <i>Позолоченная.</i> | |

Широко представлен повтор-захват с дальнейшим развитием действия:

1. Иди, Костя, под сарай,

Иди, Костя, под сарай

Коням сена надавай.

2. Он сухарики толкет:

Хочет пивушку варить.

Хочет пивушку варить,

Хочет Ванюшку женить.

3. Сидит ворон на дубу,

Сидит ворон на дубу,

Он играет во трубу.

4. Рыбка семга, приплывай.

Рыбка семга, приплывай.

Олексейку поджидай.

5. А бабушка кошку

За левую ножку,

За левую ножку

Стукнула об сошку.

6. К нам приехал Мамай,

К нам приехал Мамай,

Просит – Васеньку отдай.

Можно предположить, что подобный характер повтора, в плане освоения ребенком языка, рассчитан на более поздний возраст (2 и более лет) и способствует усвоению определенных конструкций, своеобразных активных клише, а также овладению принципом построения несложных предложений.

В этой группе текстов животные, как правило, кот, кошка и птицы (гули, галочки), выполняют действия человека, преимущественно их зовут или они сами просят позволить им укачать ребенка или забавить его:

Вы коты, коты, коты,

У вас желтые хвосты,

Вы коты, коты, коты,

Принесите дремоты.

Данная колыбельная представляет собой два коротких мотива: 1) описание кота по одному признаку (хвост), 2) настоятельная просьба усыпить ребенка. В тексте использован только один глагол, стоящий в форме повелительного наклонения. Динамичность в данном случае создается повторами. Межфразовое единство достигается троекратным повтором-обращением лексемы *коты* в первой и второй части текста. Повтор усиливает местоимение *вы*; первый и второй стихи соединяются местоимением *у вас*, которое можно рассматривать и

как тождество упоминаемых объектов (по отношению к местоимению *вы*): *вы – у вас*, и как слово-заместитель (по отношению к существительному *коты*): *коты – вы*. В любом случае этот повтор акцентирует внимание сразу на двух лексемах, *Вы и коты*, указывающих ребенку на их взаимозаменяемость. Во второй фразе побудительное предложение осложнено обращением, способствующим интимизации текста, что усиливает его эмоциональное воздействие на ребенка.

Другие примеры включают просьбу-предупреждение к птицам (*галушкам, журавлям*) – не будить ребенка: *«Ай, люли, ай, люли, Прилетели журавли. Они сели на ворота А ворота скрип, скрип. Вы, ворота, не скрипите, Нашу Таню не будите»*. Первая часть колыбельной фиксирует действия главного субъекта: *журавли прилетели, сели*. Для этого использованы глаголы в форме совершенного вида прошедшего времени, и действие воспринимается не как прошедшее в далеком прошлом, а как свершившееся к данному моменту речи. Живости и динамичности повествования способствует сказуемое, выраженное междометным глаголом с повтором: *скрип, скрип*.

Вторая часть текста оживляется за счет использования обращения к неодушевленному объекту (*ворота*), а также формы императива с отрицательной частицей *не* (*не скрипите, не будите*). Глаголы совершенного вида прошедшего времени в первой части соотносятся с глаголами настоящего времени несовершенного вида во второй части и в сочетании с формой повелительного наклонения и отрицательной частицей создают ощущение некоторой напряженности.

В других текстах этой группы животные и люди выполняют различные виды крестьянской работы или просто действия, свойственные человеку: *«Она (кошка) лыко дерет, Она лапти плетет; «Она (галочка) ключики несет, ... коробочку отпирать»*. *«Котик серенький соломку собирал, Под головку складал, Да и Ваню качал»*. Перед нами своеобразное нанизывание различных действий, выраженных глаголами несовершенного вида прошедшего времени. Такая насыщенность действий создает впечатление, что все разворачивается в настоящий момент. Однотипное построение фраз с вынесением глагола в конец стиха под логическое

ударение способствуют достижению образной концентрации, одним из специфических способов которого является так называемое глагольное речеведение. Оно заключается в том, что каждое действие (движение) субъекта нанизывается поэтапно. Отсюда высокая частота глаголов в тексте. Аналогичное явление наблюдается и в других колыбельных. Нагнетание глаголов способствует активизации читательского воображения, созданию представления поэтапного движения.

Следующая группа текстов насчитывает незначительное количество песен, отличающихся особой лиричностью, своеобразные *лирические колыбельные*. В них не присутствуют ни образы животных, ни образы птиц. Они передают радость любящей матери от того, что ребенок подрастает и развивается. От предыдущей группы лирические колыбельные отличаются тем, что в них не выражается надежда на богатство: мать радуется тому, что ребенок родился, растет, будет делать то же, что и его родители. В этих песнях обнаруживается духовная близость матери и ребенка, они поражают простотой и глубиной чувства: *Алексейка подрастет, С татой на море пойдет, Станет рыбку ловить, Станет Машу кормить*. Идет последовательное нанизывание конкретных действий. Все глаголы стоят в форме будущего времени, и само повествование устремлено в будущее. В этой простоте действий и надежд живет ощущение крестьянского счастья, надежности, вечного продолжения жизни. На имплицитном уровне подтекста это выглядит так: Сын должен жить в паре (Маша), заботиться о своей семье (станет кормить), будет работать (основа жизни) и будет ему чем питаться. Особое место в передаче данной идеи принадлежит вспомогательному глаголу *станешь* (в отличие от отвлеченной связки *будешь*). В глаголе *будешь* больше категоричности, он отрицает волеизъявление самого человека и обязывает к чему-либо. Глагол *станешь* не предполагает такого натиска, нередко идущего вразрез с желанием самого человека.

Таким образом, в сознании ребенка с малых лет формируется народное представление о реальном счастье, он эмоционально настраивается на определенный ход вещей.

Явление повтора лежит в основе такого композиционного приема, как образный параллелизм [47; 182; 184]. Впервые в фольклористике о нем заговорил А.А. Потебня [182, 223]. Ученый относит это явление к символическому параллелизму, приводя двустишие: *Груша моя! Чом ты не зеленая? Мила моя! Чом ты не веселая?* А.А. Потебня отмечал, что каждому слову первой половины соответствует слово второй, и относил возникновение этого приема к тому времени, когда человек не отделял себя от окружающей природы. Развивая эту мысль, А.А. Потебня указывает на то, что параллелизм выражения - явление более позднее, возникшее в связи с «затемнением» смысла символов, потому что «если эти последние понятны, то и объяснять их незачем».

А.Н. Веселовский поддерживал точку зрения А.А. Потебни о происхождении формального и ритмического параллелизма как явления позднего, уже потерявшего содержательную аналогию. В диссертационной работе это явление рассматривается с точки зрения его экспрессивности.

Образный параллелизм представляет собой своеобразную двуплановость: символические образы из мира природы (в нашем случае преимущественно из мира животных) в соединении с образами человеческой реальности. Слияние этих картин в идейно-эмоциональном и художественном отношениях представляется как нечто целое, но по своему значению они далеко неравноценны. Символическая картина в песнях, построенных по принципу параллелизма, всегда выполняет функцию эмоционального вступления, создает определенное настроение. Во второй части песни раскрывается жизненное содержание, выражаются конкретные чувства и мысли лирического героя. Первая параллель песни не имеет какого-либо самостоятельного значения, а способствует усилению эмоциональной выразительности второй части.

В нижеследующем тексте наблюдается две параллельных конструкции, причем первая полностью повторяется в конце текста, образуя рамку, и практически замыкает текст, создавая его целостность и тем самым усиливая выразительность:

Березонька, скрип, скрип,

Моя доченька, спит, спит.

Моя доченька уснет –

Ее сон унесет.

Равномерность поскрипывания березки соответствует равномерности, монотонности посапывания ребенка. Стоит обратить внимание в данном случае на зрительную ассоциативность параллели: березонька качается, и люлька с ребенком качается в заданном ритме. Создается ощущение спокойствия, умиротворенности. Параллель *березонька – доченька* не является случайной и служит не только усилению эстетического воздействия образа (береза – красивое нежное дерево), но и семантической глубины за счет символичности этого образа: по словарю символов Н.В. Слухай, береза в русском народнопоэтическом представлении является символом девушки, девичьей чистоты [205, 8].

Следующая параллель: *доченька – Малиночка* тоже не случайна: малиночка – символ всего девичьего, молодого [205, 16] (*Малиночка сладенька, Спи доченька маленька*). Она основана на вкусовых качествах образа первой части: прямое вкусовое значение сладости малины превращается в переносное во второй части (*доченька сладенька*, то есть желанна, дорога, любима матерью).

В других текстах параллелизм строится по принципу: *зверек – ребенок*. Целью его является усиление выразительности создаваемых образов и ситуации. В некоторых случаях параллелизм основан на единстве всего живого мира по принципу «все спят, и ты должен спать»: *«Все ласточки спят, и касатки спят, и лисицы спят, Нашему Ванюше спать велят. Ласточки спят Все по гнездышкам, Касаточки спят Все по кусточкам, Лисицы спят все по под кусточками»*.

В существительных и прилагательных активно используются эвалюативы -*еньк-*, -*оньк-*, -*к-*, что придает тексту особую нежность. Практически ни одно существительное или прилагательное в этом тексте не употребляется без одного из перечисленных суффиксов. Межфразовое единство в тексте осуществляется за счет слов-заместителей: *доченька – её*; тождественных упоминаний объектов и их повтором: *доченька (4 раза) – дочке; малинка – малиночка, малиновый*.

В тексте колыбельной песни сохраняется темпоральное согласование глаголов: употребляется только форма настоящего времени, что усиливает внутреннюю целостность и смысловое единство всего текста. Образности текста способствует также метафора: *сон унесет доченьку в садок*.

Единство всех языковых средств и приемов максимально усиливает воздействие колыбельной, придает ей неповторимую нежность.

Рассмотрев текстовый уровень колыбельных, следует отметить, что по древности происхождения и по тематике они условно разделяются на 4 группы, каждая из которых отличается образной системой, объемом, использованием определенных образных средств и приемов. Но все колыбельные служат активному поэтапному овладению ребенком родным языком, как на уровне формирования лексического запаса, так и на уровне овладения грамматикой (суффиксы, приставки, окончания, основы сочетаемости слов).

Главным композиционным приемом колыбельных песен является повтор, который, с одной стороны, является проявлением специфики жанра, её распевности, т.е. создает усыпляющий ритм, а с другой стороны, как всякий повтор, является важнейшим средством экспрессивности, способствующим активному формированию языковой личности ребенка.

4.2. Лексико-семантическая и морфологическая характеристика колыбельных песен.

Колыбельная песня – первая языковая ступень к познанию ребенком окружающего мира, ее целью является ознакомление с названиями основных предметов, понятий, действий.

Посредством колыбельной песни ребенок приобретает первичный словарный запас, без которого невозможно ни познание окружающего мира, ни процесс коммуникации, столь важный для умственного и психического развития.

Следует отметить, что колыбельная песня (песня матери) является наряду с пестушками первым произведением в жизни ребенка, который сопровождает его

со дня рождения до 6-7 лет, и, следовательно, реализует разные задачи в соответствии с развитием ребенка на определенном этапе. Этим объясняются более значительный объем и несколько расширенный, в сравнении с пестушками и потешками, лексический состав.

На раннем этапе развития младенца колыбельная песня выполняет аккумулятивную функцию, автоматически откладывая в сознании ребенка определенную информацию. Окружающий мир рисуется не в красочной неподвижности, а в динамике. Благодаря существительным и глаголам передается стремительное движение существ и предметов: каждый стих представляет картинку окружающего мира, сменяющуюся в следующем стихе. Динамичность изображения вполне соответствует психическим особенностям малыша: отсутствие умения долго удерживать в памяти тот или иной образ или фрагмент действительности, вследствие отсутствия волевого начала в восприятии окружающего мира, на которую указал еще в 19 ст. ученый-психиатр И.А. Сикорский [201].

Лексика колыбельной песни отражает языковую картину мира, близкую ребенку, окружающую его ежедневно, т.е. она основывается на зрительных впечатлениях, что усиливает ее выразительность и стимулирует когнитивные процессы в развитии ребенка.

Характерной особенностью колыбельных является то, что лексический материал закладывается в хранилище памяти ребенка целыми тематическими и ассоциативными блоками (большими или меньшими по объему в зависимости от объема самой колыбельной), что способствует усвоению предложенной информации. В древнейших текстах о Сне, Дреме и Угомоне представлены следующие ассоциативно-семантические блоки, в центре которых понятие *Сон: спать (усни, засни)*, метафорические варианты: *сон тебя возьми, Сон ходит-ищет кого-то, качать, укладывать*. Понятия *сон, спать* расширяются определителями *крепко, сладко*, что придает контексту положительную окрашенность. Закладываются основы ассоциативного логического мышления: сон связывается с головой, т.е. с разумом, с его отключением от активной деятельности (*Дремок у*

Марины (Маши) в головах), с глазами как внешним показателем сна и бодрствования: глаза закрыты – человек спит (*ты усни, глазок, ты усни, другой*), вводятся основы образного мышления: засыпает не глазок, а человек. Данная группа текстов передает идею необходимости, полезности сна для человека вообще и ребенка в особенности.

В колыбельных песнях, представляющих образ «золотой колыбели» и трансформирующих идею значимости ребенка, а также пожелание ему счастливой судьбы (понятие «счастливая» в бедной крестьянской семье было синонимом «богатая»), репрезентируются несколько иные ассоциативно-семантические блоки: в центре лексема «*колыбель*», далее идет ее описание: *колыбель (колыбелька), висит (на) крюк(у), высоко крюк золотой, ремни бархатные, колечки витые, мамушки-нянюшки качают, постелька постлана, перинушка пухова, подушечка, одеяльце, занавесочка чиста*. Следует отметить, что как сами названные предметы, так и все определяющие их прилагательные (реже наречия) несут явную положительную оценку самого факта рождения (существования) ребенка в семье, так как, совершенно не соответствуя реалиям крестьянского бытия, выражают желаемое, а не существующее в действительности.

Данная группа текстов объединяется двумя мотивами: 1) описание богатой колыбели; 2) проекция в богатое будущее ребенка, т.е. пожелание, надежда на богатое будущее.

Во втором мотиве в центре ассоциативно-семантического блока на имплицитном уровне выступает понятие богатства, репрезентируемое посредством ряда конкретных значений. Символами богатства выступают *золото, парча, шуба, монисто, соболи, куницы*. В текстах представлена определенная сочетаемость слов, что не менее важно при овладении языком: *вырасту большая, шубу носить, в золоте ходить, обносочки дарить, расти в парче, спи в комке и др.*

К этой же группе текстов относятся колыбельные, построенные по принципу параллелизма: *у кота – у ребенка*. Бинарные поля определяются

значением «хорошо – лучше». Так в сознание ребенка вводится как понятие сравнения, его принцип, так и, благодаря многократным повторам, грамматическая форма, выражающая компаратив: *колыбелька золота – есть покраще его; Периночка пухова – да помягче, Изголовья высока – да повыше, Одеяльца хороша – да получше, Занавесочка чиста – да почище*. Ребенку представлена возможность вычленить приставку *по-*, осознать ее семантическое значение «несколько», «немного» и зафиксировать в своем сознании для дальнейшего употребления как значимой единицы языка. Таким образом, происходит первое знакомство ребенка с формой сравнительной степени прилагательного и его семантической ролью в тексте.

Третья группа текстов представляет **песни о животных и птицах**, которых мать зовет себе в помощь, чтобы укачать ребенка. Учитывая, что игрушек у ребенка не было, данные образы вызывают в малыше радостные эмоции: они живые, двигаются, такие же маленькие, как он.

Любимым образом колыбельной является кот: *котик – хвостик – лапки – глазки; любит молоко, пирог; приносит дремоту, лежит на печи*.

Сюда же входит группа текстов о птицах: 1) *гули – (гуленьки) прилетели, сели, стали ворковать (стали гулевать); куры стали сокотати; щебетати; куры (едят ячмень)*. Ребенок знакомится с окружающим его миром и получает непосредственные практические знания, которые позволяют ему ориентироваться в быту.

Этой же цели способствует и следующая группа колыбельных **лирических песен**, которая отражает непосредственные занятия крестьянской семьи. Главными образами здесь выступают как животные, так и люди: *Ступай котик под сарай, Коням сена надавай, Кони сена не едят, Все они овса хотят. «Чтобы Костю покатать, нужно им овса задать»*. *Кони – сено – овес – едят – сарай – катать*.

Рассматривая лексику колыбельных, следует отметить ее нормированность и строгое соотношение с возрастными психическими особенностями ребенка. Лексический состав жанра представлен преимущественно существительными и

глаголами, что вполне соответствовало развитию и особенностям познавательных способностей ребенка: на первом этапе (от первых месяцев до 2-х лет), в начале знакомства с окружающим миром внимание ребенка концентрируется на названиях предметов; к двум годам и далее его внимание переключается на действия; описания предметов (прилагательные) на раннем этапе ребенка практически не привлекают. Интересы ребенка обуславливают морфологический состав колыбельных: существительных насчитывается 1/3, глаголов 1/4, местоимений 1/6 – 1/7 от общего количества лексем.

Под воздействием текстов колыбельных песен не только формируется определенный лексический запас, но и происходит овладение ребенком средствами дифференциации языковых единиц, морфологическими единицами и морфемами (суффиксами, приставками, окончаниями).

В лексике колыбельных имеется немалый пласт оценочных лексем - слов с устойчивой эмоционально-экспрессивной окраской, возникающей в результате того, что само значение слова содержит элемент оценки. Функция чисто номинативная осложняется оценочностью, отношением говорящего к называемому явлению, а, следовательно, экспрессивностью. Слова этой группы обычно однозначны: заключенная в их значении оценка настолько ярко и определенно выражена, что не позволяет употреблять слово в других значениях: 1) *молодка, дитя, малютка, детка; золото, серебро, парча, бархат, терем; милая, умная, родной, родимый; обнять, любоваться*. Незначительное количество моносемичных лексем в колыбельных песнях имеет отрицательную окраску: *мачеха – лиха, бабай; била, колотила, заставляла, убила, выстегала*.

В некоторых словах эмоциональность, экспрессивность и вообще стилистическая окрашенность достигается аффиксацией, большей частью суффиксами. Данные суффиксы не образуют новых значений и придают слову только оттенок эмоциональности. Как было отмечено выше, Е.М. Галкина-Федорук слова с суффиксами экспрессии и ласкательности предлагает рассматривать в разделе лексики.

Ни один род поэзии не имеет такого обилия эвалюативов, как колыбельная песня. Ласка распространяется на все, что окружает ребенка, с чем он может соприкоснуться в жизни. Ласкательные суффиксы получают даже те слова, которые априорно не должны вызывать положительных эмоций: *волчок, бирючок*.

В лексическом составе колыбельных продуктивными являются следующие суффиксы:

-очк-: *лавочка, ленточка, шапочка, саночки, периночка, занавесочка, бараночки, травочка, кусточки, малиночка, норочка, полозочки*;

-ечк -: *окошечко, шашечки, кукушечки, рубашечка*;

-ок-: *глазок, коток, коготок, поясок, лесок, бочок*;

-ек-: *горошек*;

-еньк-, -оньк-: *маменька, папенька, доченька; Лиленька, Васенька, Машенька, Петенька; маленький, меленький, серенький, беленький, тепленький, синенькие, сладенький; березонька, галоньки*;

-ушк-, -юшк-: *перинушка, дедушка, пивушка; нянюшка, зайушка, бабушка, мамушка*;

-ик-: *котик, хвостик, сухарик, ключик, калачик*;

-иц-: *здоровьице, сестрица, платьице*;

-к-: *глазки, кроватка, шубка, лапка, рыбка, ножки*.

Эвалюативы, с одной стороны, выражают положительное отношение социума к ребенку, с другой стороны, формируют в ребенке положительное отношение к окружающему миру. Но не менее важным является то, что активное использование суффиксов способствует овладению ребенком не только лексическими значениями конкретных слов, но и морфологическими элементами языка, что особо значимо в процессе формирования языковой личности.

«Строительным материалом» для колыбельных песен и «организатором» их поэтического строя был *древнерусский язык*. Колыбельная песня продолжает удерживать в силу динамической инерции его элементы. Особо показательна в этом отношении форма усеченных прилагательных: *красны девки, парчева шуба, вырастешь больша, перинушка пухова, бабушка стара, колыбелька золота*,

одеяльца хороша, изголовья высока, занавесочка чиста, малиночка сладенька, дочка маленька, чисто серебро и др. В текстах колыбельных используются глаголы разных временных форм: настоящего времени (*ходит, спрашивает, висит, ходишь, ищет*), прошедшего времени (*собирал, нашел*); представлена как синтетическая, так и аналитическая форма будущего времени (*буду ходить, будешь ходить (носить), пойдет, подрастет, будет спать, буду качать*). В сознании ребенка постепенно формируется понятие временной соотнесенности. Наряду с изъявительным, активно используется форма повелительного наклонения, являющаяся менее характерной для других жанров (прибаутки, пестушки, потешки): *ступай, приди, надавай, иди, засыпай*. Активна форма отрицания при глаголе: *не ходи, не дадим, не пугай, не будите*, так как ребенок в процессе овладения языком очень рано начинает искать способы и средства отрицания. Используются и формы, противоречащие волеизъявлению человека, передающие категоричность: *надо задать*. С этой же целью используется сочетание утвердительной и отрицательной конструкции в смежных стихах одного текста, в некоторых случаях в них употреблен один и тот же глагол: «*Мимо ты ходишь, Колыбельки не находишь*»; «*Не показывай нам нос, Уходи скорей домой*»; «*В окошечко глядят и кататься не велят*»; «*Не ходи, кот, босиком, Ходи в валенках*»; «*Просит – Васеньку отдай. А мы Васю не дадим*».

Разнообразие глагольных форм и наклонений способствует овладению ребенком как системой языка, так и различными интонациями в процессе коммуникации.

Значительно чаще применяется характерный для разговорно-просторечной формы постфикс *-ся* (вместо *-сь*) в глаголах: *накричался, собиралися, любовалися, забралася, напилася* и др.

Встречается в колыбельных песнях и устаревшая форма инфинитива на *-ти* – и *-чи*, утраченная в современном языке: *Стали кота бити, стали колотити; Под сараем кирпичи, буке некуда легчи*.

Синонимические ряды охватывают ресурсы грамматической стилистики, в частности морфологии, и являются эффективным средством экспрессивности. В

основе этих явлений лежат как особенности древнерусского языка, русских диалектов, так и устно-разговорная традиция жанра. В анализируемых текстах выявлены слова: *выспрашивает* вместо *расспрашивает* (указывает основательность, длительность и значимость действия); *величать* (*называть, звать*) (придает торжественность значимой ситуации, уважение к ребенку); *заснула* вместо *уснула* (видимо, чтобы избежать полного повтора с предыдущим стихом); *поспевай на повоз* вместо *успей*; *кони спряжены* вместо *запряжены*; *посыпай* вместо *спи* (указывает на продолжительность и приятность действия); *боронить сошлем* вместо *защищать пошлем* (глагол *сошлем* придает ощущение дальности); *коток* вместо *котик*; *кота выстерегла* вместо *подстерегла* (указывает на целенаправленное действие), *осердился* вместо *рассердился*; *под головку складал* вместо *клял, положил*; *колыбелька покраше* вместо *красивее, лучше*; *дитенок* вместо *ребенок, дитя*; *коням сена надавай* вместо *дай* (видимо, указывает на значительное количество, дай много); *гулевать* вместо *ворковать*; *ишишь* вместо *не шумите, тише*; *спереди* вместо *впереди*; *отпирать коробочку*, вместо *открывать*; *йисты* вместо *есть* (южный диалектизм, и дальше: *жменю*, вместо *пригоршню*; *не вздымай головы*, вместо *не поднимай*; *утащит во лесок* вместо *унесет* (сохранен слоговой предлог *во*, свойственный древнерусскому языку); *пекет* вместо *печет*.

В лексике колыбельных песен отражены такие диалектные особенности, как: 1) усеченная форма местоимений *тя, мово, мойво*; 2) формы простой сравнительной степени прилагательного с префиксом *по-*, носящим оттенок «несколько», «немного»: *почище, покраше, получше*.

Запоминанию лексического материала служат **частые повторы** как разных форм одного и того же слова, так и однокоренных слов. Повторы разных форм одного и того же слова, с одной стороны, способствуют слуховому запоминанию внешних форм слова, вычленению его из звукового потока, с другой стороны, сознание ребенка фиксирует семантическую значимость флексии как элемента, несущего определенную информацию: *кот - коты* (м. р. и мн. число); *крюк - крюки* (ед. и мн. число); *на улочке - на улочку* (П. п. –В. п.); *кирпич - на кирпиче*

(И. п. – П. п.); *коням – кони* (Д. п. – И. п. мн. ч.) и т. д. Посредством различных форм одного и того же слова ребенок на уровне подсознания овладевает законами грамматической сочетаемости.

Из ряда различных повторов корневой повтор выделяется тем, что обнаруживает и актуализирует самое существенное в слове – его лексическое значение. Поэтому корневой повтор – это и средство анализа слова в системе его образно-понятийных связей, и средство познания вещей в процессе их названия. Познавательная функция этимологического анализа слов при корневом повторе усилена словообразовательным анализом. На уровне подсознания ребенок фиксирует и дифференцирует аффиксальные морфемы по значению, а также сам постигает азы словотворчества. Тавтологические повторы в колыбельных песнях отличаются максимальной экспрессивностью и усиливают процессы запоминания; в текстах наблюдается тавтология разных частей речи: *старым старушкам, молодым молодкам* (сущ. и прилаг.); *спи усни, спи-посынай, ищут – поищут, нашли – ушли* (глагол.); *(на) улочке (из) проулочка* (сущ.); *золота – позолоченная* (прилаг.).

Разные приставки в однокоренных глаголах привносят дополнительные смысловые оттенки начала и конца действия, приближения, отдаления и др. и учат ребенка понимать семантические тонкости данных смысловых единиц, вычленять их и правильно употреблять в дальнейшей речевой деятельности.

В других примерах посредством суффиксов образуются слова с разной степенью эмоциональной окраски. В пределах одного текста наблюдается несколько корневых повторов - от нейтральной окраски до, как правило, положительно-эмоциональной: *коток – котя – кот – котик; гули – гулюшки; ворота – воротушки; галка – галоньки; бука – буконька; Ваня – Ванюшку – Ванечка; девки – девушки.*

4.3.Художественные средства и приемы в колыбельных песнях

Устное поэтическое творчество широко использует как семантические, так и художественные средства речи, которые способствуют усилению эмоционального воздействия произведений. В фольклорных произведениях вообще и в колыбельной песне, в частности, существует своя система художественных средств и приемов, определяемая как спецификой, так и задачами жанра.

В художественной системе колыбельных песен особое место принадлежит эпитетам, образному параллелизму, метафоре.

Особенно активно в текстах колыбельных используются *эпитеты*, которые не свойственны другим жанрам колыбельного фольклора, как не соответствующие возрастным особенностям ребенка: в колыбельный период его не интересует описание предмета.

Активное использование эпитета вызвано прежде всего тем, что колыбельная – это песня матери, через которую она выражает свое отношение к ребенку, свои мечты о его счастье, свое желание дать ему все самое лучшее. Именно поэтому среди колыбельных отмечаются тексты, насыщенные эпитетами.

Природа эпитета в песенном фольклоре, в том числе в колыбельной песне, несколько отличается от природы эпитета в современном авторском произведении. Дело в том, что фольклорный эпитет своими корнями уходит в далекое прошлое, когда еще не была утрачена семантическая первооснова языковых единиц, когда еще жива была память о том, что в основе названия предмета лежит его главный признак. А.А. Потебня утверждает: «Язык не имеет собственных, первоначальных существительных, и как сочетание признаков принимается нами за самый предмет, так и в языке есть только название признаков». [182, 151]. Именно признак предмета является атрибутом, посредством которого инстинктивное самосознание воспринимает чувственный образ как единицу и аккумулирует его в себе. Эпитет в фольклорных текстах несет в себе первичную, часто уже забытую и требующую реставрации суть слова, передает его глубинную семантику и приобретает особую значимость. Именно эта глубинная значимость слова является преобладающей в эпитете по

сравнению с другими художественными средствами и приемами колыбельных песен.

При характеристике эпитета нельзя не учитывать и тот факт, что фольклорное произведение описывает мир как явление идеальное, как стабильный образец. Норма в языке связана с оценкой «хорошо», а идентификация хорошего с нормой производится не относительно действительного, а относительно идеального состояния, представленного в фольклоре. Поэтому оценочность является неотъемлемой от художественного образа и характерной особенностью фольклорных текстов. Субъектом языковой оценки является фольклорный образ, объектом – предметы внешнего мира, а главным выразителем нормативной оценки в народно-песенных произведениях является эпитет. Постоянный эпитет указывает на идеальное соответствие предмета своей природе, предназначению, это и есть соответствие норме. По своей значимости эпитет представляет собой явление многоплановое и полифункциональное: он является не только ярким средством художественной выразительности текста, но и передает нормативно-оценочную и символическую суть предметов или явлений.

Специфику эпитетов в фольклорных текстах исследовал А.Н. Веселовский, который дал следующее определение: «Эпитет – одностороннее определение слова, либо подновляющее его нарицательное значение, либо усиливающее, подчеркивающее какое-либо характерное, выдающееся качество предмета» [47, 61]. А.Н. Веселовский произвел следующую классификацию эпитетов:

- 1) тавтологические эпитеты, в которых и существительное и прилагательное выражают одну и ту же идею, т.е. древнее содержательное тождество;
- 2) эпитеты поясняющие, в основе которых какой-либо один признак, либо считающийся существенным в предмете, либо характеризующий его по отношению к практической цели и идеальному совершенству [47, 62].

Для тавтологических эпитетов, функционирующих в колыбельных песнях (*старые старушки, молодые молодки, перинушко пухова, бабушка стара*),

характерно содержательное тождество, независимо от того, выражены ли они однокоренными или разнокорневыми словами, которые несут ту же идею, хотя и стертую из памяти. Целью употребления этих эпитетов является усиление смыслового значения. Выше уже отмечался тот факт, что оценочность является характерной особенностью эпитетов. В этом плане необходимо различать по меньшей мере два уровня: уровень непосредственной семантики и уровень нормативной оценки. На уровне непосредственной семантики само слово несет в себе определенную оценочность: *мачеха лиха, доброе здоровьице, малиночка сладенька*; дескриптивную оценку: *Мариночка умная очень разумная, сладкий сон*; описание без оценки: *зеленые луга, серый кот, серенький волчок*. На уровне нормативной оценки все семантические различия эпитетов нейтрализуются, и дескрипции в словосочетаниях приобретают значение «правильный», отражающий тенденцию фольклорной нормы к идеализации, то есть идеально соответствующей своей природе. Таким образом, *чистые поля, зеленые луга, доброе здоровьице, серый кот, серый волчок, мачеха лиха, малиночка сладенька, сладкий сон* – означают соответствие норме, тому, как должно быть.

В текстах колыбельных наиболее часто встречаются эпитеты – мотиваты существительного «золото» (13 раз), которые в некоторых случаях усиливаются оценочным дескриптом - мотиватом существительного «серебро» (3 раза): *крюк золотой, крюки золотые, золото монисто, колыбелька золота (3 раза), колыбелька золота – золота – серебряна, (5раз), колыбелька позолоченная, труба позолоченная, шишечки-кукушечки золоченые, колыбелька новоточенная, позолоченная, позолоченная; подушечка золотом обшита, полозочки серебряные, чисто серебро*. В большинстве сочетаний лексемы «золото, золотой» не употреблены в прямом смысле, так как нет соответствия ни материалу, из которого сделан предмет, ни его цветовой характеристике (*желтый*): *золотой крюк, золотая колыбель, позолоченная труба, подушечка золотом обшитая, полозочки серебряные* далеки от быта крестьянской семьи, тем более что это не мотивировано и экстралингвистически – этого просто не может быть. Объяснения наличию подобных эпитетов можно найти только в их оценочно-символическом

характере: понятия *золото* и *серебро* выражают идею ценности вообще. С этой точки зрения и объясняется употребление их в текстах колыбельных: ребенок – самая большая ценность, и поэтому все его окружающее подчеркивает эту идею высшей ценности, высшей значимости. Такую же функцию оценочности выполняют эпитеты, применяемые при описании колыбельки ребенка. Для них характерна детализация с усилением и развитием, и они также выражают идею ценности: *во высоком терему, на высоком крюку, крюк золотой, ремни бархатные, колечки витые, крюки золотые*. То же наблюдается и в процессе описания саней:

*У саней подушечка бархатная,
Золотом обшита, кисти шелковые,
Полозочки у них да серебряные,
А шишечки-кукушечки золоченые,
А оглобельки у санок кипарисовые.*

Ребенок, когда вырастет, будет носить *парчеву шубу*, а сейчас у него в головах *кунья шуба*, а в ногах *соболина шапка* и *перинка пухова*. Все это – атрибуты достатка, богатства; в крестьянской семье его не было, и поэтому оно описывается как желаемое, с одной стороны, и как выражающее общую идею ценности ребенка, – с другой.

Для колыбельных характерными являются **цветовые эпитеты**. Их значение часто определяется символикой цвета, но в различных ситуациях значение одного и того же тропа может быть разным. Например, эпитет *серый* – *серенький*. В сочетании *глазки сереньки* он, скорее всего, означает цвет глаз; в сочетании *котик серенький* (или *коты серые*) он уже вряд ли означает лишь конкретный цвет животного, так как коты имеют разную окраску, а в колыбельной всегда представлен только серый. Видимо, значение понятия «серый» тут часто нормативное, т.е. такой, как положено. Однако серый цвет в символике фольклора выражает еще и «отречение, смирение, безразличие,... это цвет, который наиболее часто означает бесцветность» [221, 332]. Когда этот эпитет сочетается с лексемой *волк* (*серенький волчок*), он приобретает, кроме

прямого значения (волки всегда серого цвета), еще и иное, символическое значение: невосприятие волка, безразличное отношение к нему. Таким образом, эпитет возобновляет и усиливает первичное, исходное значение.

Не менее распространен в колыбельных песнях эпитет *белый – беленький*. Образ Сна дается в беленькой рубашечке. С одной стороны, этот образ напоминает рубашечку ребенка, цвет отражает ассоциативный принцип, с другой стороны, понятийный символы белого цвета – «счастливый, радостный, светлый, символ чистоты» [221, 23]. Таким образом, физиологическое восприятие цвета экстраполируется на психические ощущения, и в этом смысле переносится на понятия, не подлежащие чувственной оценке. Здесь же надо сказать об эпитете «*беленький*» в таком контексте: *У мого ли у дитяти личко беленькое, ручки беленькие...* В данном случае указание не на символику цвета, а именно на нормативную оценку. Таким образом, в сочетаниях «*беленькие ручки, личко беленькое*» имеется в виду идеальное соответствие норме. Такие, как должны быть, очень хорошие, красивые.

Эпитет *красный (красны)* в сочетании «*красны девки*», «*красны девицы*» тавтологичен. А.А. Веселовский отмечает, что в данном словосочетании оба слова выражают одну и ту же идею света, блеска [47, 65]. В сочетаниях «*Сон в красненькой рубашечке*» и у галушек «*красны боты*» значение несколько иное: «красный» сливается с «красивый». Таким образом, колоративы в сочетаниях «*красны боты*», «*красная рубашечка*» воспринимаются как дескрипты конкретного бытового предмета и передают не символику цвета, а скорее оценку: *красный – красивый – хороший* [221, 167].

В сочетании *зеленые луга* нормативная оценка сливается с символикой цвета, вызывая ряд ассоциативных представлений и тем самым усиливая эмоциональное воздействие образа. Зеленые луга, с одной стороны, такие, какими должны быть, но зелеными луга бывают только весной и летом. Возникают ассоциации со свежей яркой травой, светом солнца, теплом. С другой стороны, символика зеленого – «свежий, юный, ясный» [221, 108]. Таким образом значения сливаются, усиливая образ.

В текстах колыбельных наблюдается также целая группа эпитетов, акцентирующих внимание на каком-нибудь одном характерном признаке предмета или отношения к нему: *милая дитятя, малиночка сладенька, труба точеная, дочка маленька.*

Широко используемые в колыбельной песне эпитеты являются не только средством повышения экспрессивности, но и способствуют развивающим, обучающим, а также воспитательным задачам. Ребенок знакомится с основными свойствами и качествами предмета; но эпитеты, заключая в себя нормативность и оценочность, также способствуют формированию морально-этических представлений будущего члена общества.

Метафора как художественный прием в фольклорно-песенных произведениях – явление довольно редкое. Здесь уместно говорить только о метафоричности отдельных эпитетов. В отличие от других произведений песенного фольклора, в колыбельных песнях встречается такой вид метафоры, как олицетворение. Это связано с особенностями развития ребенка, его неспособностью воспринимать в раннем возрасте абстрактные образы и понятия. В отличие от других жанров детского фольклора, в колыбельной находим соответствующие примеры:

Сон идет по лавочке,

Дремота по другой,

Сон в беленькой рубашечке,

Дремота в голубой;

Сон да Дрема, Пойди к Ване в голова;

Уж как Сон-то Дрему И спрашивает...;

Уж они (Сон и Дремота) его (Ванюшку) найдут, Колотушек надают...;

Сон ходит по лавочке, Он каво(й) – то спрашивает (выспрашивает);

Неразумная дрема! Мимо ты ходишь, Колыбели не находишь...;

И мороз не уходит, еще вьюгу зовет,

Вьюга идет, жалобышенько поет,

Он ходит под окном И стучит ставешком.

Следует отметить, что метафора используется не во всех текстах колыбельных песен, а только в наиболее древних, где сохранились остатки мифологических представлений народа с той поры, когда вся окружающая природа представлялась человеку живой. Видимо, ребенок в своем знакомстве с окружающим миром повторяет путь человечества: хочет воспринимать все окружающее как единый живой организм. Надо сказать, что метафоричность в целом не влияет на эмоциональное состояние человека, а в процессе развития ребенка метафора способствует формированию в нем чувственного отношения к миру, повышенной эмоциональности.

4.4. Синтаксические особенности колыбельных песен.

Для синтаксического строя колыбельной песни характерны несложные синтаксические конструкции (односоставные и двусоставные) с одним или несколькими второстепенными членами (как правило, от одного до двух), обычно это определение или дополнение, реже обстоятельство: *Кони сена (чего?) не едят; Ходит Сон (где?) по лавочке, В красненькой (какой?) рубашечке; Мы (кому?) те шапочку купим; Лежит котик (где?) на печи; Она ключики (что?) несет На шелковом (каком?) пояске; Сидит ворон (где?) на дубу.*

Часто встречаются односоставные глагольные конструкции, преимущественно определенно-личные, иногда безличные: *Буду в золоте ходить; Купим Тане (кому?) валенки; Боронить поспевай; Овцам (кому?) сена надавай; Нужно им (кому?) овса задать; Не то выну (откуда?) из зыбки; Брошу в море (куда?) рыбке.*

Характерной особенностью предложения в колыбельных песнях является наличие составных глагольных сказуемых, передающих значение настоящего и особенно будущего времени. Такие сказуемые представляют значение будущего времени, которое в предыдущих жанрах практически не встречается и является новым для ребенка. Видимо, эти конструкции рассчитаны на более поздний возраст ребенка (после 2-3 лет), когда он уже начинает строить предложения.

В текстах колыбельных часто встречаются конструкции с однородными глагольными сказуемыми, способствующими созданию динамичности повествования. Они фактически нанизывают действия, не заслоняя их дополнительными смыслами и тем самым способствуя постоянной смене картин:

- | | |
|---------------------------------|------------------------------------|
| <i>1. Я ее буду качать,</i> | <i>3. А вьюга жалобно поет;</i> |
| <i>Поименно называть,</i> | <i>4. Пошел котик во лесок,</i> |
| <i>По отчеству величать;</i> | <i>Принес Тане поясок;</i> |
| <i>А котик осердился,</i> | <i>5. Ишел котик по лавочке,</i> |
| <i>На печку ушел,</i> | <i>Нашел себе забавочку;</i> |
| <i>Кирпич тепленький нашел;</i> | <i>6. А снежинки в окно глядят</i> |
| <i>2. Она ходит под окном</i> | <i>И кататься не велят.</i> |
| <i>И стучит ставешком...;</i> | |

В некоторых случаях весь текст представляет собой простое распространенное предложение с несколькими однородными сказуемыми. На такой основе строится сюжет песни «*Котик серенький Соломку собирал, Под головку складывал, Да и Ваню качал*». Одно предложение включает три последовательных кадра. Нагнетание глаголов способствует активизации внимания ребенка, созданию поэтапного представления о происходящих действиях. Нанизывание глаголов в колыбельных объясняется еще и тем, что к 2-хлетнему возрасту проявляется интерес к разнообразным действиям.

Наблюдаются в текстах колыбельных песен и сложные предложения, но, как правило, эти предложения состоят из нанизываемых простых и преимущественно нераспространенных предложений с бессоюзной связью. Простые предложения объединяются в сложные, способствуя созданию общей картины, а также созданию плавности мелодии (часто это однотипные, повторяющиеся конструкции), динамичности повествования:

- | | |
|----------------------------------|----------------------------|
| <i>1. Воротушки скрип-скрип,</i> | <i>4. Золото-монисто –</i> |
| <i>Моя Маша лежит-спит;</i> | <i>То маменьке,</i> |
| <i>2. Стали гули ворковать,</i> | <i>Соболи, куницы –</i> |
| <i>Стал мой Юра засыпать;</i> | <i>То папеньке;</i> |

3. Сон да дрема

У тя в сердцах,

Кунья-то шапка

У тя на ногах,

Соболина -та шапка

У тя в головах.

Сон да Дрема –

Да то Машеньке и т.д.

5. Крюк золотой,

Ремни бархатные,

Колечки витые,

Крюки золотые.

Обращает на себя внимание тот факт, что тексты № 4-5 состоят только из существительных и прилагательных, в них нет ни одного глагола, но тем не менее сюжет развивается динамично и стремительно, зрительные картины сменяют одна другую. С одной стороны, это активизирует внимание ребенка, а с другой стороны, многократный повтор однотипных конструкций вырабатывает в его сознании определенные клише: ребенок овладевает синтаксическим строем речи.

Многократные обращения (обращения–повторы) в текстах колыбельных - прием интимизации коммуникации, они усиливают живость текстов и имплицитно вводят ребенка в содержание колыбельной. Обращение к несуществующему собеседнику отражает неразрывную и тесную связь человека с окружающим миром, способствует осознанию себя как части мира, природы. Наблюдаются обращения как к мифологическим персонажам (*Сон, Бука, Дрема*), так и к животным, птицам, явлениям природы. Широкое использование обращений отражает особенности мировоззрения древнего человека, когда весь окружающий мир воспринимался как единый живой организм, частью которого был сам человек.: *Глупый сон, сон, Неразумная дрема!; Приди, котик, ночевать; Ты, мороз, мороз, Не показывай нос; Вы, коты, коты, коты; Рыбка семга, приплывай; Шишь вы, куры, не шумите; Иди, бука, под сарай.*

Значительное место занимают обращения к ребенку, которые отличаются эмоциональностью и являются сигналом к общению. Часто слыша свое имя, ребенок запоминает его и постепенно соотносит с собой: *Спи, Ванюша, Спи, родной; Спи-тко, Ванюшка, Спи-тко, дитяtko родимое!*

Наличие материально нереализованных синтаксических позиций, восполняемых из макроконтраста, является вполне мотивированным и обычным

для синтаксиса колыбельных песен, по сути дела, это эллиптические конструкции, свойственные устной разговорной речи, которая лежит в их основе и долгое время была единственным хранителем таких текстов. Эллиптические конструкции способствуют выразительности и лаконичности, концентрации внимания на главном, усиливают динамичность повествования. Учитывая конкретно-образное, чувственное восприятие ребенка, колыбельная песня рисует мир не в красочной неподвижности, а в стремительной динамике существ и предметов, и этому в значительной степени способствует как весь синтаксический строй в целом, так и эллиптические конструкции колыбельных, в частности.

В произведениях устного поэтического творчества эллиптические конструкции вполне естественны. В них нашла отражение речевая разговорная стихия, придающая им эмоциональность и экспрессивность.

Достаточно часто выразительность эллиптических конструкций усиливается разнохарактерной инверсией:

<i>Прилетели гуленьки.</i>	<i>Баю, баюшки, баю</i>
<i>Сели гули на кровать,</i>	<i>Не ложися на краю,</i>
<i>Стали гули ворковать,</i>	<i>Придет серенький волчок</i>
<i>Стал мой Юра засыпать;</i>	<i>И ухватит за бочок,</i>
	<i>И утащит во лесок.</i>

Из данных примеров видно, как разговорная речь становится основой текста, придавая ему особую живость, образность и эмоциональность. Эллиптические конструкции способствуют концентрации внимания ребенка на заданном, быстрому и точному восприятию смыслов.

В значительной мере выразительности текстов колыбельных песен служит инверсия — прием, способствующий акцентированию внимания на определенном действии, предмете или признаке. В преимущественном большинстве примеров колыбельных песен рема ставится перед темой. Изменение тема-рематической организации смещает интонационный центр предложения: смысловое ядро переносится на действие, активизируя внимание и восприятие адресата. В некоторых случаях в текстах колыбельных инверсия сказуемого повторяется

неоднократно, т.е. усиливается анафорой, создавая эффект динамичной смены картин:

<i>Пошел котик во лесок,</i>	<i>Сидит ворон на дубу;</i>
<i>Принес Тане поясок.</i>	<i>Висит колыбель;</i>
<i>Пошел котик по лавочке,</i>	<i>Прилетели к нам грачи...;</i>
<i>Принес Тане бараночки;</i>	<i>Пошел отец за рыбою...</i>

Наблюдается постановка согласованного определения после определяемого слова, благодаря чему усиливается смысловая нагрузка распространителя, так как часто его атрибутивное значение осложняется предикатным: *перинушка пухова, бабушка стара, кирпич тепленький, котик серенький, в колыбельке восковой, хвостик белый, Марина умная, дитяtko родимое*. В текстах колыбельных наблюдаются и другие примеры инверсии: *Парчову шубу носить; Обносочки дарить; Мы те шапочку купим; Мы на улочку пойдём; Под головку складал; А котенка лапкой обнял; А хвостиком котик приокутался; Кота выстегала от метелки голичком; Чистое серебро дарить; Кони сена не едят; Принес Тане поясок; А мы Васю не дадим; А малинка упадет, дочке в рот попадет; Унесет ее в садок; Они Ванечку нашли*.

Для текстов колыбельных песен характерен синтаксический параллелизм, который способствует усилению экспрессивности текста:

<i>1. Крюк золотой,</i>	<i>4. Станет рыбку ловить,</i>
<i>Ремни бархатные,</i>	<i>Станет Машу кормить;</i>
<i>Колечки витые,</i>	<i>5. Купим Тане валенки,</i>
<i>Крюки золотые;</i>	<i>Наденем на ножки,</i>
<i>2. Лапки маленькие,</i>	<i>Пустим по дорожке.</i>
<i>Глазки серенькие,</i>	<i>Будет Танечка ходить,</i>
<i>Личко беленькое,</i>	<i>Будет валенки носить;</i>
<i>Глазки серенькие,</i>	<i>6. Хочет пивушку варить,</i>
<i>Ручки беленькие;</i>	<i>Хочет Ванюшку женить.</i>
<i>3. Стали гули ворковать,</i>	
<i>Стал мой Юра засыпать;</i>	

Широкое использование синтаксического параллелизма играет важную роль в процессе овладения ребенком родным языком. Постоянно повторяющиеся однотипные конструкции откладываются в памяти и запоминаются, но, кроме того, ребенок учится конструировать определенные высказывания по усвоенному принципу, тем более, что повтор конструкций показывает ребенку, что возможности синтаксиса не ограничены и надо только усвоить принципы структурирования.

4.5. Фонетический и ритмомелодический анализ колыбельных песен

Фонетический аспект является доминирующим в создании экспрессивности текстов колыбельных песен, в которых, как и во всех других произведениях песенного фольклора, мелодия и напев являются первичными по отношению к слову и смыслу: «Основной признак народного стиха в том, что он строится на определенной мелодии, на напеве, с которым и соотносится его текст» [216, 38].

Это же явление было отмечено В.Я. Проппом, который указывал, что напев «доминирует не только над ритмом, который часто не регулярен, но и над словом, и над смысловой фразой» [187, 46].

На подчиненность синтаксиса мелодии обратил внимание А.А. Потебня: «На относительно первобытной ступени связи музыки и поэзии, например, в русской народной песне можно усмотреть, как музыкальный период и его части соответствуют синтаксическому» [182, 297]. Подобные утверждения находим в работах других исследователей: И.И. Земцовского [184, 45], В.И. Ереминой [92, 154]. Авторы объясняют это явление широкой распевностью, характерной для данного жанра, и указывают, что именно музыкально-ритмическое начало (система интонирования) подчиняет себе слово.

Еще В. Гумбольдт утверждал, что мелодия речи влияет на нашу душевную настроенность, способствует усилению воздействия красоты окружающего мира посредством ритмической и музыкальной формы, присущей сочетаниям звуков [75, 35].

Как отмечают ученые [92; 182; 184], рифма в колыбельных песнях – явление более позднее. Первоначально ее отсутствие компенсировалось разного рода повторами. Суть этого ученые объясняют по-разному.

Одни связывают это явление с физиологическими особенностями человека [111, 243], другие придерживаются иной точки зрения и объясняют происхождение песенных повторов влиянием мелодии на песенный текст [200; 183]. Мелодия в каждой песне непременно повторяется в целом своем объеме столько раз, сколько есть стрóf в песне; но часто она повторяется в своих частях, т.е. внутри той же стрóфы. Таким образом, природа повтора определяется напевностью. На такую же природу повтора указывает В.В. Сенькевич-Гудкова [200, 131]. Принцип повтора в народной поэзии – явление музыкально-ритмическое и ведет свое происхождение от древнейших ритмических образований, не связанных с мыслью и словом.

Мы считаем, что повтор в колыбельной песне - явление и ритмическое, и композиционное, поскольку в смысловом плане соединяет части текста. В большинстве случаев содержание стиха остается прежним, а мелодия повторяется в развитии, т.е. с повтора начинается новая тема. Повторы способствуют музыкальной организации песни, выполняют роль музыкально-ритмического плана (системы интонирования) и подчиняют себе слово.

Существует несколько видов разнообразных повторов: повтор целого стиха (так называемый «захват»), повтор одного слова из конца одного стиха в начале следующего (частичный захват), повтор однокоренных слов, повторы ключевого слова, повторы одинаковых синтаксических конструкций, фонетическая анафора, аллитерации, ассонансы, рефрены. Назначение разных видов повторов в тексте несколько отличается друг от друга и тесно связано с возрастным развитием ребенка.

Напевность задает стихотворному тексту определенный ритм. Под ритмом подразумевается регулярный, упорядоченный повтор каких-либо явлений, непосредственно воспринимаемых на слух [194, 134].

Повтор целой строки в колыбельной песне усиливает ритмику и мелодию, увеличивает благозвучие. Иногда мелодия повторяется абсолютно точно, но чаще интонации в повторяющихся стихах различные, они образуют плавный переход к дальнейшему развитию мелодии.

Различного рода повторы играют исключительную по своему значению роль в создании ритмичности и мелодичности колыбельной песни. Аллитерации, ассонансы, синонимия, тавтология, повторы слов в одном стихе, цепевидное повторение слов смежных стихов, местоимений с предлогом и без предлогов, служебных слов и звукоподражаний задают определенный ритм стиха. Чрезвычайно редки тексты колыбельных песен, не содержащие повторов.

Таким образом, динамическое развитие песни нередко требует повторения не только отдельных слов, но и целых стихов. Этот прием служит целям усиления акцента на какой-либо синтагме, ритмической напряженности песни, средством уравнивания стихов, восполнения недостающих рифмующихся единиц. Повтор всегда способствует замедлению сюжетного развития и монотонности ритма, тем самым помогая матери усыпить ребенка.

Активно используются повторы одного и того же слова, как в пределах строки, так и находящихся рядом строках: *Глупый сон, сон; Я про серого кота, Как у серого кота; Мороз не уходит еще вьюгу зовет, А вьюга идет; Баю милую дитю: Мое милое дитя; Вы коты, коты, коты; Коты – серые хвосты; Колотила кота, Заставляла кота; Мойво Ваню не будить, А мой Ваня будет спать и др.*

В качестве особого повтора выступают контекстуальные синонимы, имеющие созвучные окончания: *Я качаю, забываю...; Спи, усни, Угомон тебя возьми; Стали плакать-ворковать.* Распространенным поэтическим приемом, способствующим созданию ритмико-мелодичного рисунка в колыбельных является тавтология: *Они ищут-поищут, Байки-побайки, Забываю-позыбаю, Я коту-воркоту, Умная-разумная, Старым старушкам, Молодым молодкам, Спи-посыпай* и др.

К ритмико-мелодическим особенностям колыбельных следует отнести также частичный захват, повтор слова с конца одной строки в начале следующей:

*У кота ли у кота, Кота серенького, Они сели на ворота, А ворота скрип, скрип;
Стали куры сокотать, Сокотати, щебетати; На высоком на крюку. Крюк
золотой; Баю, баюшки, баю, Баю милую дитю.*

Подобные повторы несколько приостанавливают динамику текста, создают протяжность звучания, напевность, что вполне соответствует назначению колыбельной: успокоить ребенка, усыпить его.

Кроме создания ритмичности текста, подобные повторы способствуют активизации внимания ребенка на той или иной лексеме; на начальном этапе учат вычленять ее из общего звукового потока, запоминать, а в дальнейшем соотносить звуковую форму слова с ее лексическим значением: с предметами и явлениями окружающего мира.

Разнохарактерные повторы (однокоренные слова, различные формы одного и того же слова) способствуют не только усвоению ребенком лексических значений, но и овладению функциями специальных морфем: суффиксов и флексий, т.е. идет процесс освоения слова как комплекса несущих информацию частей, что является необходимым условием освоения любого языка и формирования языковой личности.

Особое место в колыбельных занимает повтор циклический: повтор одного и того же или однотипно построенных стихов, что является способом поддержания мелодии, своеобразным средством организации текста. Наиболее часто это явление используется в колыбельных значительного объема (30-40 строк), в некоторых случаях такой повтор является организующим ритмико-мелодичным и композиционным принципом построения текста. В некоторых текстах 1 или 2 строки повторяются с небольшими интервалами 45 раз:

- | | |
|------------------------------|--------------------------------|
| <i>1. Вырасту большая</i> | <i>Есть почище его,</i> |
| <i>Буду в золоте ходить,</i> | <i>Да покраше его.</i> |
| <i>Буду в золоте ходить,</i> | <i>3. Мы те шапочку купим,</i> |
| <i>Парчову шубу носить.</i> | <i>Зипун сошьем,</i> |
| <i>2. У мого ли у дитяти</i> | <i>Зипун сошьем,</i> |
| <i>Есть почище его,</i> | <i>Боронить пошлем.</i> |

*4. Сели гули на кровать,
 Стали гули ворковать,
 Стали гули ворковать,
 Стал мой Юра засыпать.*

В некоторых случаях для поддержания ритмико-мелодичного рисунка используется своеобразный перекрестный повтор (через строку):

<i>1. Вы коты, коты, коты,</i>	<i>У дитяти моего</i>
<i>У вас желтые хвосты,</i>	<i>Есть получше его.</i>
<i>Вы коты, коты, коты,</i>	<i>У кота ли у кота</i>
<i>Принесите дремоты.</i>	<i>Занавесочка чиста,</i>
<i>2. У кота ли, у кота</i>	<i>У дитяти моего</i>
<i>Одеяльца хороша,</i>	<i>Есть получше его.</i>

Такая особенность придает тексту ритмическую четкость, а также способствует строгому поддержанию определенного метра, усиливая его различного рода созвучиями. Такие тексты завораживают ребенка. Как отмечают ученые [184; 187], напев подчиняет себе лексико-синтаксические средства, а это значит, что однотипные синтаксические конструкции, характерные для данных текстов, также являются эффективным приемом создания ритмичности колыбельных. Благодаря этой повторяемости поддерживается метрический размер:

<i>1. Пошел котик во лесок,</i>	<i>3. Станет рыбку ловить,</i>
<i>Принес Тане поясок.</i>	<i>Станет Машу кормить;</i>
<i>Пошел котик по лавочке,</i>	<i>Она лыко дерет,</i>
<i>Принес Тане бараночки;</i>	<i>Она лапти плетет и др.</i>
<i>2. Личко беленькое,</i>	
<i>Глазки серенькие,</i>	
<i>Ручки беленькие.</i>	

Важную роль в создании ритмичности колыбельных играет обилие энклитик и проклитик, которые исследователь русского народного стихосложения

М.П. Штокмар считает «одним из самых заметных отличий народнопоэтического языка» [253, 239].

Они вызваны к жизни динамикой стиха. Иногда ударение переносится с существительного на предлог: «*Кисти до полу висят*». В колыбельных песнях часты случаи, когда слова «теряют» свое ударение, подчиняясь в акцентном отношении предшествующему слову (энклиза): *Она была кота, колотила кота, заставляла кота колыбельку качать* – или последующему (проклиза): *Перо выронила, Кошка выскочила, глаза выпучила*. Динамикой стиха вызывается и перенос ударения с одного слога на другой: *Очень хороша и собою пригожа*, т.е. происходит своеобразная трансакцентация в пределах одной фразы.

Средством усиления поэтизма текста, его ритмичности служит многократный повтор местоимений или местоимений с предлогом в четко организованном словосочетании:

- | | |
|------------------------------|-------------------------------------|
| <i>1. Я туды ее пошлю,</i> | <i>2. Мы пойдем с тобой гулять,</i> |
| <i>Я сюды ее пошлю,</i> | <i>Мы нарвем с тобой цветов,</i> |
| <i>Я по сахар, я по мед,</i> | <i>Мы совьем с тобой венки.</i> |
| <i>Я по рынское вино.</i> | |

Когда из текста имплицировалось какое-либо слово в том или ином стихе с целью поддержания ритмичности, народ заполнял пустоты односложными наполнителями (*и, да, а, уж, то* и др.). Никакой другой роли в текстах эти слова не играют: *Они ищут поищут и Ванюшку...*; *Уж они его найдут да и спать укладут*; *Уж как Сон идет по лавочке*; *Уж как Сон-то Дрему и выпрашивает*.

Исследователи детского фольклора [111; 184; 82] неоднократно отмечали, что древняя колыбельная песня, видимо, не имела рифмы. Об этом свидетельствуют тексты, в которых рифма встречается спонтанно, строгая периодичность в рифмовке отсутствует, несколько стихов подряд или вообще не связаны рифмой, или ее заменяет повтор слова. Постепенно рифма проникает в тексты колыбельных: сначала в запевы и концовки, позднее во весь текст, и становится обязательной.

Рифма зачинов строится на созвучиях гласных: *Баю, баю, баиньки; А баю, баю, баю; Бай-бай, баю-бай; Баю-баюшки- бай-бай; Баю-баю, баю, бай; Ай, люли, ай люли; Ай люли, люли; Ай, дуду, ай дуду и др.* В большинстве запевов широко используется гласный [а], акустически наиболее созвучный, к тому же находящейся в сильной позиции. Различные чередования гласных и согласных создают различный ритм колыбельной. Распевный [а] в сочетании со звонкими согласными [б] и [ж], , сонорным [л] наиболее способствует благозвучию, а, следовательно, передаче материнского чувства. Монотонность звучания вполне соответствует задаче колыбельной: успокоить, навеять сон.

Рифмовка все глубже проникает в ткань текста, но стоит заметить, что строгой системы чередования рифмующихся строк в пределах одной строфы нет.

Из всех видов рифмы (начальных, срединных и др.) наибольшее распространение в колыбельных получили концевые созвучия, «краеголосия», как писали в старину. Созвучие в конце стиха перед паузой слышится отчетливее, чем в начале: ритмический строй и звуковой повтор подчеркивают и усиливают друг друга.

В большинстве случаев стихи чередуются попарно, то есть применяется самый простой и самый древний способ смежной рифмовки.

Постепенно рифма усиливает свое влияние, все глубже проникая в ткань песен и становясь почти обязательной. Песни более позднего периода обычно представляют собой рифмованные тексты. В большинстве случаев чередуются строки попарно, но не системно. Преимущественно встречаются глагольные рифмы: *пустила – выстигала, ушел – нашел, найдут – укладут, собирал – складывал – качал, ходить – дарить, ночевать – качать, собирались – любовались, едят – глядят, едят – хотят, покатаь – задать, убила – уложила, дерет – плетет – дает, щипают – забавляют, спи – усни – возьми, гулевать – питать, приплывай – поджидай, подрастет – пойдет, ловить–кормить, отпирать – доставать, скрипите – будите, шумите – будете, найдут – укладу, спать – надавать, посыпай – поспевай, сошьем – пошлем, подцепить – положить, спать – качать, мыть – рубить, упадет – попадет;* иногда они

представляют собой однокоренные слова: *спрашивает – выпрашивает, раздает – дает, брела – забрела,*

В текстах некоторых колыбельных рифмуются подряд три-четыре строки, образуя глагольные рифмы, что создает динамичность строфы. Часто рифмующиеся глаголы усиливаются разного рода анафорическими повторами, что способствует экспрессивности текста: *спать – качать – называть – величать, возьмем – пойдем – начнем, дерет – плетет – дает, живет – пекет – раздает – не дает, удить – ловить – рубить – кормить.*

В рифмовке существует понятие *богатая (точная) рифма*, та, в которой совпадают все звуки, начиная от ударного гласного и до конца, и *неточная (бедная) рифма*, в которой совпадают не все звуки, а иногда даже ударный гласный. Различие это строится на числе повторяющихся звуков. Чем больше число повтора, тем богаче рифма. В текстах колыбельных применяются как бедные, неточные, так и богатые рифмы.

Неточные рифмы, образуя некоторые созвучия, общей мелодичности колыбельной способствуют незначительно: *ус/ни – возь/ми, дре/ма – го/ло/ва, те/ре/му – крю/ку, в ком/ке – в пар/че, дре/ма – шу/ба – шап/ка, го/то/вы – спря/же/ны, ста/ра – зва/ла, ус/ни – по/ле/жи, те/ре/му – Пе/тень/ку, те/ре/му – по/ло/гу, ди/тя – во/ня, ко/та – пу/хо/ва, у ко/та – вы/со/ка – хо/ро/ша, ко/ту – за/пла/чу, мо/ло/ка – пи/ро/га, ди/тят/ко – ма/те/ри/но, те/ре/ме – по/ло/ге*, тем более, что рифмующиеся слова преимущественно неравносложны.

В некоторых случаях представлены богатые (точные) рифмы. Указанные слова усиливают мелодичность и ритмичность, создают особое благозвучие: *витые – золотые, маменьке – папеньке – Машеньке, ногах – головах, баю – спюю, пухова – голова, кота – золота, мороз – нос, домой – собой, голичком – босичком, печи – кирпичи, коты – хвосты – дремоты, ногам – часам, нянюшкам – матушкам, серенькие – беленькие, леску – пояску, лесок – поясок, бай – сарай – надавай, мой – восковой, кошку – ножку – сашку, баю – краю, баюшки – зайюшки, умная – разумная, люленьки – гуленьки, люлюшки – гулюшки, на кармашке – бумажки – рубашку, ворота – боты, бай – мамай, бай – бабай – пугай, бай –*

сарай – надавай, легчи – кирпичи, ну-ну – колдуну, другой – голубой, ножки – дорожке, дубу – трубу, точенная – позолоченная, волчок – бочок, баю – краю, садок – кусток.

Рассмотрим сначала характер рифмовки в наиболее древних текстах: *Ходит сон по лавочке В красненькой рубашечке. Где девался тот дрема? То Марине в голова. Ты усни, глазок, Ты усни, другой, И она уснула, Накрепко заснула.*

Полных созвучий практически не наблюдается. Первая и вторая, третья и четвертая строки объединяют бедные рифмы на *-е* и на *-а*. Пятая и шестая внутренне рифмуются за счет повтора глагола *усни*, седьмая и восьмая строки соединены более полной глагольной рифмой (*уснула-заснула*), наиболее благозвучной и полной, так как, находясь в конце строфы, она придает тексту особую ритмичность и завершенность.

В некоторых колыбельных песнях за счет повтора одной строки (в нижеследующем тексте 1-4 строки) наблюдается сквозная рифмовка, а остальные строки (5-6) рифмуются между собой глагольной рифмой:

<i>Баю, баю, баю, баю</i>	<i>Нашу детку не пугай.</i>
<i>Не ходи серый бабай.</i>	<i>Наша детка будет спать,</i>
<i>Не ходи серый бабай,</i>	<i>Будет глазки закрывать.</i>

Внешние рифмы поддерживаются внутренней рифмовкой, образуемой четырехкратным повтором слова «бай» в первом стихе. В других случаях рифма создается многократным повтором одного и того же слова и усиливается разного рода внутренней рифмой:

<i>Как у Васьки – кот</i>	<i>Колотила кот,</i>
<i>Была мачеха лиха.</i>	<i>Заставляла кот</i>
<i>Она била кот,</i>	<i>Колыбельку качать.</i>

Четыре раза повторяется лексема *кот*, повтор поддерживается внутренним созвучием на *-а*, а также полнозвучной рифмой *мачеха – лиха*, во второй и третьей – строки поддерживаются созвучием *была-была*, в последующих строках наблюдается повтор звукового компонента *-ка*.

Разнообразные внутренние рифмы в колыбельных – явление необычайно распространенное, они создают благозвучие и напевность, мелодичность текста. Любая рифма имеет не только фонетическое значение, но и несет семантическую нагрузку в тексте: она выделяет определенные смысловые компоненты, фиксирует на них внимание ребенка, способствует активизации процессов запоминания. В некоторых случаях первые слова каждой строки в строфе рифмуются между собой, создавая внутренние рифмы, а последние – внешнюю.

*Ай, люли, люленьки,
Прилетели гуленьки,
Сели гули на кровать,
Стали гули ворковать.*

Люли – сели – стали – гули: внутренняя сквозная рифмовка фиксируется в памяти ребенка, он учится выделять и узнавать определенные созвучия. Иногда образуется дополнительная внутренняя глагольная рифма: *Она ходит под окном И стучит ставешником; И хватит за бочок, И утащит во лесок.*

Во втором примере благозвучие достигается также повтором союза *и* и приставки *у-*. Есть случаи, когда дополнительно рифмуются слова в пределах одной строки: *Снежинки – пушинки; Баю милую дитю; Коты – серые хвосты; А ячменю – жменю; Спать уклали и ушли; Ступай, котик, под сарай* и др.

Рифма в фольклорных произведениях ведет происхождение от синтаксического параллелизма, свойственного устному народному творчеству, поэтому древнейшей формой рифмы является грамматическая, или суффиксально-флективная рифма. Грамматическая рифма, в особенности глагольная, была наиболее легкой и однообразной, поэтому именно такая рифма чаще всего используется в колыбельных песнях. Следует обратить внимание, что такие рифмы, фиксируя суффиксы и флексии одних и тех же частей речи, играют существенную роль в овладении ребенком системой языка, т.е. в процессе формирования языковой личности.

Довольно часто в колыбельных выделяется определенный звуковой комплекс (иногда совпадающий с корнем) в смежных словах строки или строфы.

Такая особенность имеет большое значение в освоении ребенком фонетической системы языка, вычленении, узнавании и запоминании определенных созвучий в обращенной к нему речи: *Золото намисто; Молодым молодкам; Спи, посыпай; На повоз поспевай; Зипун сошьем, боронить сошлем; В ней постелька постлана; Положена в голова; Сядем в саночки, самокаточки; В шитом браном пологу И за занавесью; Кувшин молока Да кусок пирога; За работу заплачу; К нам приехал Мамай, Просит Васеньку отдай, Пригодится нам самим; Под малиновый кусток, А малинка упадет, Дочке в рот попадет. Малиночка сладенька, Спи, доченька маленька.*

Звуковой строй колыбельных имеет для ребенка необычайно важное значение, так как овладение речью начинается с овладения звуковой системой языка, причем, как утверждают ученые, этот процесс идет поэтапно от вычленения звука из речевого потока, запоминания его, умения узнавать в слове и только позднее – воспроизведения сначала отдельного звука (звукосочетания), потом слова, фразы, предложения. Роль колыбельной песни в процессе формирования языковой личности ребенка (с точки зрения фонетики) отличается от других жанров детского фольклора тем, что она сопровождает его с первых дней жизни до окончания колыбельного периода (6-7 лет). Поэтому на начальном этапе звуковая строфа способствует передаче материнского чувства и накоплению чувственных впечатлений в ребенке, а также вычленению из потока звуковых рядов отдельных смысловых единиц. Поскольку в дальнейшем колыбельная реализует те же задачи, что и произведения других жанров, соответствующих определенному возрасту ребенка, от одного года до шести-семи лет, в данной главе рассматриваются особенности колыбельной песни с точки зрения их влияния на начальный, самый ранний этап формирования языковой личности ребенка первого года жизни.

Как уже отмечалось, в этот период колыбельная песня формирует в малыше коммуникативные потребности, служит способом передачи материнского чувства (любви, нежности), а также накоплению и, видимо, формированию чувственных впечатлений.

Таким образом, звуковой организации текста придается важнейшее значение: на начальном этапе колыбельная способствует развитию музыкального слуха ребенка, чувства ритма, формирует звуковые ассоциации. Следует отметить, что среди всех других жанров детского фольклора колыбельная песня - единственное произведение, которое поется, а не проговаривается, поэтому особое значение в ней приобретают гласные звуки.

Известно, что именно гласные звуки являются основой вокала. Р. Вагнер подчеркивал, что гласные звуки трансформируют человеческие чувства и образуют подобие музыкальной мелодии, согласные же заключают в себе впечатления от внешних предметов [40, 417 – 418]. Важная роль в колыбельных песнях принадлежит гласным, особенно гласному [a], а также [y], реже [e], [u], [o]. Благодаря обилию гласных песни получают особую распевность, ведут мелодию. В колыбельной «*Как у Васьки у кота*» звук [a] повторяется 40 раз на 10 стихов. Гласный широкого звучания [a] является доминирующим в тексте, на нем строится практически весь напев. Основная роль широкого распевного [a] в колыбельных была вызвана не только характером исполнения, но, думается, стимулировала и первые подражательные способности ребенка, так как является наиболее простым в произношении и доступным для маленького ребенка звуком. В песне «*Как у нашего кота*» на 4 строки [a] повторяется 16 раз; в колыбельной «*Ходит кошка по краю*» на 6 строк [a] повторяется 21 раз и т.д. Другие гласные используются в повторе реже.

Р.О. Якобсон в исследовании по становлению фонетических навыков у детей отмечает: «При усвоении языка ребенком первое вокалическое противоположение оказывается более поздним по сравнению с первыми консонантными противоположениями; это значит, что существует период, когда согласные выполняют смыслоразличительную функцию, тогда как единственный гласный служит всего лишь опорой согласного и носителем экспрессивных вариаций. Таким образом оказывается, что согласные приобретают фонологическую значимость прежде гласных» [263, 113].

По нашим наблюдениям, для колыбельных песен необычайно важны как гласные, так и согласные звуки: вокализм способствует полноценному психическому и эмоциональному развитию ребенка, а консонанты представляют собой соответствие звуковой формы слова определенному предмету внешнего мира.

Звуковая фраза в колыбельных способствует лучшему восприятию и запоминанию смысла. Наиболее часто в текстах используется аллитерация на смычные *г, д, к, т*, щелевые *в, с, ж, ш*, аффрикативный *ч*, сонорные *л, м, н*, которые, как наиболее звучные, создают распевность. Особую благозвучность придает сочетание *к – л*.

В работе проведено исследование 56 текстов колыбельных и установлено, что аллитерации и ассонансы – характерная особенность поэтических текстов. Звуковые повторы встречаются в каждой песне в большей или меньшей степени:

«*Спи, усни, Бай, бай, бай!*» на 17 строк *к – 17, л – 11, в – 11, п – 8, т – 6*;

«*Как у нашего кота...*» на 4 строки: *к – 6, л – 4, н – 2*;

«*Вы коты, коты, коты...*» на 4 строки: *т – 10, к – 6, в – 4*;

«*Котик серенький...*» на 4 строки: *к – 8, л – 5, еле – 1, оло – 2*;

«*Котик серый, хвостик белый*» на 7 строк: *к – 11, т – 7, ч – 4, у – 7*;

«*Ишел котик по лавочке*» на 6 строк: *к – 8, л – 6, ш – 4, й – 6, у – 4, ч – 2*;

«*Пошел котик во лесок*» на 4 строки: *к – 8, п – 5, т – 4, а – 10*;

«*Баю, баю, баю, бай*» на 8 строк: *с – 10, т – 6, й – 7, н – 3*;

«*Как у Васьки у кота...*» на 10 строк: *т – 9, л – 11, к – 15, а – 36, и – 11, у – 5*;

«*А баю, баю, баю Ходит кошка по краю*» На 7 строк: *т – 9, к – 5, д – 5, л – 3, а – 18*;

«*Ай, люли, люленьки*» на 6 строк: *л – 14, к – 4, с – 5, ст – 3, т – 5, а – 15, у – 6*;

«*Ай, люлюшки, люлюшки...*» на 6 строк: *л – 10, к – 6, т – 5, ш – 4, у – 10*;

«*Ай, люленьки, люленьки*» на 8 строк: *к – 13, л – 8, т – 6, н – 9*;

«*Баю-бай! Баю-бай!*» на 8 строк: *т – 11, к – 8, с – 8, н – 7, л – 5*;

«*Баю, баю, баю, бай*» на 6 строк: *б – 10, д – 6, т – 6, к – 4*;

«*Баю, баю, баю, бай, Поди кошка под сарай*» на 8 строк: *б – 9, н – 8, к – 8, н – 4*;

Приведем пример, в котором явление аллитерации и ассонанса проявилось наиболее ярко и выразительно:

<i>Как у Васьки-кота</i>	<i>Колыбельку качать.</i>
<i>Была мачеха-лиха.</i>	<i>Я тебе ли коту,</i>
<i>Она была кота,</i>	<i>За работу заплачу:</i>
<i>Колотила кота,</i>	<i>Дам кувшин молока</i>
<i>Заставляла кота</i>	<i>И кусок пирога.</i>

Создается впечатление, что в некоторых песнях отражен принцип «Букваря» (в устном варианте), где посредством аллитераций и ассонансов выделяется определенный звук, посредством повторов концентрируется на нем внимание ребенка, причем звук соотносится с определенным смысловым понятием, например, *к* – как *кот*, *колотить*, *колыбелька*, *качать*, *кувшин*, *кусок*. В некоторых случаях звук повторяется дважды, но важно другое: в акцентных словах он вынесен в ударную позицию начала слова.

На 10 стихов приходится повторений: *[к]* – 15, *[л]* – 11, *[т]* – 9, сочетание *к – л* создает особую мелодичность звучания. Но самое главное – звук *[а]* повторяется 36 раз, *[и]* – 11, *[у]* – 5 раз:

<i>Ай, люли, люленьки,</i>	<i>Стали гули ворковать.</i>
<i>Прилетели гуленьки,</i>	<i>Стали гули ворковать,</i>
<i>Сели гули на кровать</i>	<i>Стал мой Юра засыпать.</i>

В других примерах повторяющийся согласный в первом стихе наиболее активизируется, он выносится как в начало слова, так и дублируется в его середине. В последующих строках звук выносится в конец слова и повторяется в этой позиции по два раза (*стали гули*). Можно предположить, что слуху ребенка предполагается не только улавливать звук в сильной позиции, но и вычленять его в других созвучиях, закрепляя в памяти.

На 6 строк *[л]* – повторяется 14 раз, *[с]* – 5, *[ст]* – 3, *[л]* – 5, *[к]* – 4, *[г]* – 4. Восприятие текста усиливается звуковой анафорой, которая создает мелодичность. Здесь же наблюдается повтор *[а]* – 16 раз, *[и]* – 14, *[у]* – 6.

В следующем тексте ассонанс на *у* и аллитерация на *д* создают звукоподражание, подобное дудению в трубу:

Ай, дуду, ой дуду! *Он играет во трубу.*

Сидит ворон на дубу. *Труба точенная*

Сидит ворон на дубу, *Позолоченная.*

Использовано [д] – 8, [у] – 11, [т] – 5, [н] – 8.

Можно предположить, что такое звуковое сочетание активизирует звукоподражательную деятельность ребенка, способствует тренировке его артикуляционного аппарата и готовит его к воспроизводительной деятельности. Звуковая ассоциация усиливается паронимической аттракцией *дубу-дуду* и повтором-захватом, а мелодичность создается полногласием *-оло-* (отличающимся соотношением ударных и безударных слогов), а также рифмовкой двух последних стихов.

Итак, можно еще раз убедиться в том, что художественный текст – явление целостное и все его элементы строго подчинены основным целям и задачам, поэтому могут быть оценены и поняты только с учетом всего комплекса изучаемого. Утверждать в поэтическом тексте приоритет гласных или согласных не имеет смысла, так как мелодия стиха слагается из объединения всех звуков человеческой речи, из единого, реального слышимого, воспринимаемого звукового потока. Ассонансы и аллитерации способствуют восприятию и запоминанию ребенком звуков речи, формируют чувственное отношение к окружающему миру и закладывают основы его дальнейшей речевой деятельности.

Выводы

Проанализировав тексты колыбельных песен на текстовом, лексическом, синтаксическом и фонетическом уровне, мы убеждаемся, что им принадлежит важнейшая роль в сохранении национально-культурных традиций. Значимость и

эффективность данного жанра усиливается максимальным соответствием обучающих, развивающих и воспитательных задач возрастным физическим, психическим и умственным особенностям развития ребенка.

Активной реализации целей и задач народной педагогики в области формирования языковой личности эффективно служат экспрессивные средства и приемы, широко используемые в текстах колыбельных и строго соответствующие возрастным особенностям будущего члена общества: постоянные повторы (слов, форм, конструкций), инверсия, эпитеты, метафоры.

ВЫВОДЫ

1. Проблема формирования языковой личности – глобальная проблема, охватывающая все аспекты языка и находящаяся на стыке различных областей наук: лингвистики, психологии, социологии, психолингвистики, – что

обуславливает подключение к исследованию языка жанров детского фольклора некоторых экстралингвистических факторов.

2. Пестушки, потешки, прибаутки и колыбельные песни являются первой ступенью в познании ребенком окружающей действительности, а наивная первичная языковая модель мира, отраженная в них, формирует в нем основы морально-этических, культурно–национальных и вербальных традиций народа, выходящем из которого ребенок является.

3. Начальный этап в процессе формирования языковой личности ребенка представляют пестушки, которые являются сводом приемов физического воспитания, основанного на несложном вербальном сопровождении.

Объединение речи и моторики – основа классификации пестушек по целевому назначению, соответственно которому все пестушки систематизируются в 6 групп:

- 1) пестушки, сопровождающие процесс массажа тела ребенка;
- 2) пестушки, облегчающие процесс обучения сознательному движению руками;
- 3) пестушки, используемые в процессе тренировки: а) опорно-двигательного аппарата ребенка и б) вестибулярного аппарата;
- 4) пестушки – утешения при ушибах, купании ребенка;
- 5) пестушки, стимулирующие речевую деятельность ребенка в период, когда он гулит.

Наивность и вербально–семантический примитивизм пестушек обуславливают и их объем (от 2-х до 8-ми строк), и их количественно и качественно непрезентативную лексику, и элементарность синтаксических построений. Кроме того, лексика пестушек и всех последующих жанров ограничивается также и социально, поскольку все проанализированные тексты создавались в крестьянской среде.

Лексика пестушек закладывает в ребенке основы ассоциативного мышления и мышления по аналогии: каждая лексема–имя визуально сопровождается понятием, которое она обозначает – части тела человека, названия домашних

животных и птиц, предметов одежды, домашнего обихода, строений, растений и т.д. Немногочисленные лексемы со значением наиболее продуктивных действий вводятся в обязательном сопровождении движениями рук, ног, головы.

Отсутствие в младенце волевого начала и способности к мгновенному и сознательному усвоению и запоминанию услышанного требует постоянных повторов слов, сочетаний, конструкций, а также оправдывает тот минимум ассоциативно-семантических формул, рядов и ассоциативных полей, немногочисленные компоненты которых сознание и память ребенка в состоянии принять и освоить. Поэтому в пестушках репрезентируются всего четыре ассоциативно-семантические формулы: субъект + действие; субъект + действие + объект (в большинстве случаев с имплицитным субъектом, что объясняется обобщенным характером элементарных конструкций); субъект + действие + место его совершения; субъект + место действия с имплицитным сказуемым. Ассоциативно-семантические ряды формируются за счет семантического поля с архилексемой «наименование членов семьи»; перечисления названий животных, птиц, окружающих ребенка; использования в контактном ряду близких синонимов, антонимических пар; ассоциативное поле создается за счет слова - наименования ситуации (как правило, места действия) и слов-ассоциатов: участников заданной ситуации.

Синтаксис пестушек примитивен и крайне элементарен. Основные структуры, представленные в пестушках, реализуют сочетание подлежащего и сказуемого, которое иногда расчленяется за счет дополнения и обстоятельства (как правило, только с локальным значением). Определение – крайне редкое явление в пестушках. Наиболее активными оказываются эллиптические конструкции с импликацией сказуемого или структуры с обобщенным значением с импликацией подлежащего, объединяющиеся графически в бессоюзные конструкции, интонационно репрезентирующие асиндетон, создающий ритмичность и динамичность текстов.

С точки зрения фонетики и ритмомелодики пестушки представляют собой краткие ритмические тексты, основанные на мажорных интонациях. В текстах

пестушек наблюдается тенденция к стабильной рифмовке, обилие аллитераций и ассонансов, подготавливающих ребенка к воспроизведению звука, слова, элементарного сочетания слов.

4. Второй этап в развитии языковой личности ребенка представляют **потешки**, имеющие мотивационную основу «забава, развлечение, веселье», что частично объясняет главную функцию текстов этого жанра – ненавязчиво, в процессе игры закладывать основы нравственного и этического воспитания.

В отличие от пестушек, основой которых выступает монолог, потешки тяготеют к диалогической форме, которая соответствует живой разговорной речи, является наиболее динамичной и выразительной и диктуется потребностями коммуникации.

Отражение в потешках реалий крестьянской жизни и основная цель произведений этого жанра обуславливают их тематику: главными являются темы труда и досуга.

Лексика потешек, как и лексика пестушек, максимально конкретна и отражает только тот круг предметов, явлений, качеств и действий, которые ребенок может наблюдать в реальной жизни. Однако расширяется лексический диапазон: вводятся новые понятия, экспансируется представление о роли личности в ситуации, перечисляются новые действия, то есть вводятся понятия, именующие людей по их социальному положению и возрасту; различные наименования продуктов, денежных единиц, объектов крестьянского быта; процессов коммуникации, труда, принятия пищи; названия развлечений.

Возрастает количество глаголов и местоимений, вводятся счет (от 1-го до 5-ти – по количеству пальцев на каждой руке) и флексии множественного числа существительных, несколько префиксов однокоренных глаголов, негация, увеличивается количество деминутивных суффиксов, повышающих экспрессивность текста.

Диалогический характер потешек обуславливает и специфику их синтаксиса – превалирование вопросно-ответных конструкций. Так же, как в пестушках,

здесь остаются активными эллиптические структуры, асиндетон, простые предложения, состоящие из 2-3-х компонентов.

Задорный, радостный ритм потешек создается благодаря повтору одного и того же сочетания слов и однотипных конструкций. Ритмической выразительности потешек служит предельная краткость стиха: одно-два (реже три) коротких слова; синтаксическая анафора. Звуковой ритм сопровождается смысловыми ассоциациями, которые усиливают эффект экспрессии и способствуют эмоциональному «заражению» слушателя. Ассонансы, аллитерации, обилие гласных и сонорных в текстах потешек придают особую мягкость и плавность звучанию.

5. Следующим этапом в процессе становления языковой личности являются **прибаутки**, под которыми издревле понимаются небольшие смешные рассказы, юмористические выражения, перевертыши, стишки-песенки, используемые с целью развлечения детей. Прибаутки соответствуют периоду умственного и психического развития ребенка от 2-х до 6-ти лет и ставят своей задачей расширение его кругозора и тренировку внимания и памяти.

Прибаутки не только подготавливают ребенка к игре, но и раскрывают перед ним эстетическую суть игры, которая, с одной стороны, несет новую информацию о предметах, явлениях и действиях, а с другой, – требует концентрации внимания, достаточно сложных для ребенка умственных операций, обусловленных вербально-ассоциативной нетрадиционностью.

Характерными особенностями прибауток являются: введение нового фантастического элемента, усиливающего экспрессивность и эмотивность текстов, значительное увеличение (по сравнению с пестушками и потешками) объема произведений (от 5-ти до 43-х строк).

Кроме того, неоднозначность и многоплановость самого термина «прибаутки», под которым объединяются разные жанровые репрезентанты, объясняет и неоднородность самой классификации прибауток, куда входят: *короткие песенки* без элементов комизма; *прибаутки-шутки*, генетически восходящие к шуточным песням скоморохов; *прибаутки-притчи*, содержащие

ярко выраженный поучительный элемент; *диалогические прибаутки*, берущие начало в игровых припевках; *небылицы* (перевертыши); *кумулятивные песенки*, представляющие незамысловатые сказки; и, наконец, *контаминированные песенки*, партитивно репрезентирующие разные произведения исследованного жанра.

Такая расчлененная классификация объясняет и формальную разнотипность прибауток, большинство из которых носит монологический характер, но не исключает и формы диалога.

Кроме того, в прибаутках выявляется такое явление, как смена кадров, т.е. они характеризуются наличием эффекта динамичности процесса, который практически не наблюдался в предыдущих жанрах.

Близость некоторых прибауток к эпическому повествованию сказки определяет и их построение: своеобразная композиция, завязка, развитие действия, развязка. Вводится аномированная перекодировка, создающая эффект комизма, основанного на отклонении от норм реальности; персонификация.

Восприятие небылиц (как одной из форм прибауток) требует от ребенка особой интеллектуально-вербальной работы, основанной на прочном знании соотношения и взаимодействия предметов в реальном мире, умения сопоставлять эти знания с ситуациями, представленными в перевертышах, и вербализовать их соответственно норме.

Значительное увеличение объема прибауток, по сравнению с пестушками и потешками, а также новая функция (не только ознакомления, но и воспитания) обуславливают лексико-семантическую и морфологическую характеристику произведений этого жанра. Увеличивается количество лексем – имен существительных, называющих людей в зависимости от их происхождения, национальности, ситуативных особенностей и взаимоотношений, рода занятия, социально-сословного положения.

Особую группу формируют субстантивы с пейоративным значением. Расширяется информация о домашних и диких животных, реалиях крестьянского

быта, вводятся наименования насекомых, рыб, грибов, музыкальных инструментов, сельскохозяйственных культур.

Полисемия и эпитезация функционируют пока еще фрагментарно. Поскольку с 3-х летнего возраста внимание ребенка переключается с предметов на действия, соответственно увеличивается количество глаголов, представленных в разных видовременных формах и модальных значениях. Активизируется негация; вводятся глаголы, называющие не только действия, но и состояния, различные процессы крестьянского труда.

Более разнообразным является и набор местоимений (кроме личных, появляются указательные и притяжательные, которые представлены в пестушках и потешках единично).

Наблюдается значительная продуктивность эвалюативов, способствующих созданию экспрессивности текстов и выступающих фактором эмоционального воздействия – формирования оптимистического, доброжелательного отношения к окружающему миру, людям, природе.

Что касается синтаксиса прибауток, то он несущественно отличается от синтаксиса пестушек и потешек. Так же превалируют лаконичные, четкие, неперегруженные компонентами структуры с одним или максимум двумя распространителями, так же активны эллиптические предложения с импликацией сказуемого; лишь увеличивается количество членов однородного ряда сказуемых в двусоставных конструкциях и активизируется инверсия, имеющая целью акцентирование внимания на определенном заданном смысле.

Прибаутки менее ритмичны, чем пестушки и потешки; они не подчиняются определенному размеру, а ритмичность, как правило, поддерживается лишь одинаковым количеством ударений в каждом стихе и повтором однотипных конструкций. Так же продуктивны ассонансы и аллитерации, имитирующие различные звуковые процессы; наблюдается явление паронимической аттракции.

6. Если пестушки, потешки и прибаутки градуируются соответственно возрасту ребенка, то **колыбельные песни** не поддаются темпоральному соотношению с определенным возрастным делением (например, с 2-х до 3-х или с

3-х до 6-ти лет), поскольку произведения этого жанра используются с первого дня жизни ребенка и до конца так называемого "«колыбельного возраста» (условно –7 лет).

В отличие от пестушек и потешек, которые не систематизируются по тематике вообще, или прибауток, репрезентирующих разветвленную многоплановую классификацию, колыбельные условно распределяются по 4-м группам:

- 1) песни, в которых представлены образы Сна, Дремы и Угомона;
- 2) песни, отражающие мотив «возвеличивания колыбели»;
- 3) песни-монологи о животных;
- 4) лирические колыбельные.

Подобно пестушкам, колыбельные песни строятся на основе ассоциативно-семантических, но уже не формул и рядов, а блоков, которые не только способствуют ассоциативно-автоматическому запоминанию, но и закладывают основы образного мышления: сон связывается с головой, разумом, с внешними показателями отдыха – глазами; продуктивен блок, значение которого фокусируется вокруг пожелания ребенку счастливой судьбы, богатства.

В отличие от 3-х предыдущих жанров, колыбельные песни отличаются широким использованием эпитетов, главным образом, с мелиоративной семантикой; символических колоративов; некоторые эпитеты метафоризируются; эмоциональность и экспрессивность текстов достигается активной аффиксацией, особенно использованием диминутивов, способствующих как выражению положительных эмоций со стороны общества к ребенку, так и формированию в последнем такого же отношения к окружающему миру.

Спецификой лексики колыбельных песен является наличие в них лексем-репрезентантов древнерусского языка: усеченных форм имени прилагательного и местоимения; устаревших префиксальных форм глаголов, нестандартных компаративов. Кроме того, устно-разговорная традиция жанра объясняет также наличие в текстах колыбельных диалектизмов.

Синтаксис колыбельных песен практически дублирует синтаксис предыдущих 3-х жанров. Пожалуй, единственной особенностью синтаксиса колыбельных является появление многократных обращений-повторов (к ребенку, мифологическим персонифицированным реалиям), создающих эффект интимизации акта коммуникации.

Фонетический аспект является доминирующим в создании экспрессивности текстов колыбельных песен, в которых, как и в других произведениях песенного фольклора, мелодия и напев являются первичными по отношению к слову и смыслу; таким образом, музыкально-ритмическое начало подчиняет себе слово.

Аллитерации, ассонансы, синонимия, тавтология, цепевидные повторы слов смежных стихов, ономотопея задают определенный ритм стиха.

Рифма колыбельных нестабильна: в одних песнях наблюдается богатая (точная) рифма, другие отличаются бедной (неточной).

В звуковом оформлении колыбельных количественно преобладают гласные, поскольку именно эти звуки являются основой вокала, а консонанты воплощают определенные впечатления от предметов внешнего мира, т.е. представляют собой соответствие звуковой формы слова определенному предмету внешнего мира.

7. Таким образом, существование детского фольклора вообще и пестушек, потешек, прибауток и колыбельных песен в частности является свидетельством высокого уровня культуры и самосознания общества, постоянно заботящегося о продолжении и развитии нации, ее традициях, языке, интеллектуальном потенциале, другими словами, о ее бессмертии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авадовский М.К. История русской фольклористики, ч. 1. – М., 1958.
2. Авдеева Е.А. Из воспоминаний // Отечественные записки. Т. 63, № 4. – 1849.
3. Агеева Р.А. Пространственные обозначения и топонимы в заговоре как типе текста.// Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. – М., 1982.
4. Азнаурова Э.С. Прагматика художественного слова. – Ташкент, 1988.
5. Акимова Г.Н. Экспрессивные свойства синтаксических структур // Предложение и текст: семантика, прагматика и синтаксис. – Л.: ЛГУ, 1988.
6. Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. – М., 1984.

7. Аникин В.П. Русский народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. – М., 1957.
8. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974.
9. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. – 1986. – № 28.
10. Аристотель. Об искусстве поэзии. – М., 1957.
11. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. – М., 1990.
12. Артеменко Е.Б. Принципы народно-песенного текстообразования. – Воронеж, 1988.
13. Артеменко Е.Б. Синтаксический строй русской народной лирической песни в аспекте ее художественной организации. – Воронеж, 1977.
14. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М., 1976.
15. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990.
16. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988.
17. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип. – М.: Русск. яз., 1983.
18. Аспекты и приемы анализа текста художественного произведения. – Л., 1983.
19. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Воронеж: изд-во Воронежского ун-та, 1989.
20. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 1955.
21. Балли Ш. Французская стилистика. – М., 1961.
22. Балов А. Рождение и воспитание детей в Пошехонском уезде Ярославской губернии // Этнографический обзор. – М., 1890.- № 3.
23. Барт Р. Избранные работы. Семиотика и поэтика. М.: Прогресс, 1990.
24. Басилая Н.А. Семасиологический анализ бинарных метафорических словообразований. – Тбилиси, 1971.
25. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. – М., 1975.
26. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худ. лит., 1975.

- 27.Бахтин М.М. Проблема текста.// Вопросы лит. – 1976. – № 10.
- 28.Белый А. Ритм как диалектика и «Медный всадник». – М., 1929.
- 29.Бессонов П.А. Детские песни. – М., 1868.
- 30.Блинов О.И. Образность как категория лексикологии // Экспрессивность лексики и фразеологии. – Новосибирск, 1983.
- 31.Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. – М., 1971.
- 32.Богатырев П.Г. Народная песня с точки зрения ее функции. – В кн.: Вопросы литературы и фольклора. - Воронеж, 1974.
- 33.Богатырев П.Г. Язык фольклора // Вопросы языкознания. – 1973, – № 5.
- 34.Болотов В.И. Эмоциональность текста в аспектах языковой вариативности. – Ташкент, 1981.
- 35.Брандес М.И. Языковой стиль художественного повествования. Автореферат... доктора филол. Наук. – Киев, 1989.
- 36.Брудный А.А. О диалектике понимания мира // Диалектика познания, понимания, общения. – Фрунзе, 1985.
- 37.Бураго Л.С. Музыка поэтической речи. – К.: Дніпро, – 1986.
- 38.Буслаев Ф.И. Народная поэзия: Исторический очерк. СПб., 1887.
- 39.Буслаев Ф.И. Сравнительное изучение русского быта и поэзии // Русский вестник. – 1872. – т. 101.
- 40.Вагнер Р. Избранные работы. – М., 1978.
- 41.Варфоломеев А.Д. Приемы развития народной песни. – Л., 1977.
- 42.Вежбицкая А. Язык, культура, познание. – М., 1996.
- 43.Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М., 1999.
- 44.Вейнрейх У. О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. Вып. 5. – М.: Прогресс, – 1970.
- 45.Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п.: Материалы собранные и приведенные в порядок П.В.Шейном. Т. 1, вып. 2, СПб., – 1900.
- 46.Веселовский А.Н. Заметки по литературе и народной словесности. – М., 1983.
- 47.Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М.: Высшая школа, 1989.

48. Ветухов А. Народная колыбельная песня. – 1892.
49. Виноград Т.К. К процессуальному пониманию семантики // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1983. – Вып. XII.
50. Виноградов В.В. Язык художественного произведения // Вопросы языкознания. – 1954. – № 5
51. Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания, – 1955, – № 1.
52. Виноградов В.В. Сборник статей по языкознанию. – М., 1958.
53. Виноградов В.В. О теории художественной речи. – М., 1971
54. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. – М.: Высшая школа, 1971
55. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М., 1972.
56. Виноградов В.В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. – М.: Наука, 1976.
57. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология. – М.: Наука, 1977.
58. Виноградов Г.С. Детская сатирическая лирика. – В кн. Сибирская живая старина. – Иркутск, 1925.
59. Виноградов Г.С. Детский фольклор и быт. Программа наблюдений. – Иркутск, 1925.
60. Виноградов Г.С. Народная педагогика. – Иркутск, 1926.
61. Виноградов Г.С. Русский детский фольклор. – Иркутск, 1930.
62. Винокур Г.О. О языке художественной литературы. – М.: Высшая школа, 1991
63. Волков В.В. Введение в психолингвистику. – Ужгород, 1994.
64. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985.
65. Выготский Л.С. Мышление и речь. – М., 1956.
66. Выготский Л.С. Психология искусства. – М., 1968.
67. Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке. Сборник статей по языкознанию. – М., 1958.
68. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981.

69. Гаузенблас К. Культура языковой коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XX. – М.: Прогресс, 1988.
70. Голубева Н.П. Какого цвета лазоревый цветок? // Русская речь. – 1970. – № 5.
71. Графова Т.А. Роль эмотивной коннотации в семантике слова. А.К.Д. – М., 1987.
72. Григорьев В.П. Поэтика слова. – М.: Наука, 1979.
73. Гридин В.Н. Семантика эмоционально-экспрессивных средств языка // психолингвистические проблемы семантики. – М.: Просвещение, 1985.
74. Гросс К. Душевная жизнь ребенка. – Киев, 1916.
75. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984
76. Гумилев Л.Н. Энтогенез и биосфера земли / Под ред. В.С. Шекулина. – Л., 1989.
77. Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии. – М.: Современник, 1990.
78. Гусев В.Е. Психология коллективного творчества. – В кн.: Симпозиум по комплексному изучению художественного творчества. – Л., 1963.
79. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – М., 1998.
80. Дементьева В.И. Конструкции с глагольной формой есть и быть в современных русских говорах на территории Северо-Запада: Автореферат канд. дис. – М., 1973.
81. Демидова М.П., Моложай Г.Н. Лингвистический анализ текста. – Мн., 1988.
82. Детский поэтический фольклор. Антология // Сост. А.Н. Мартынова. – С.-Петербург, 1997.
83. Десницкая А.В. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. – Л., 1970.
84. Дитячий фольклор // Вс. ст. Г. Довженок. – К.: Дніпро, 1986.
85. Дмитриевская М.А. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка. Знание и мнение. – М, 1988.
86. Добряков Г. О колыбельных песнях // Вестник воспитания. – М., 1914.
87. Дрогалина Ж.А., Налимова В.В. Семантика ритма: Ритм как непосредственное вхождение в континуальный поток образов. // Бессознательное: Природа,

- функции, методы исследования. (Отв. ред. А.С. Прангишвили). – Тбилиси, 1978.
88. Долинин К.А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1985.
89. Евгеньева А.П. Сочетание «жили-были» в сказочном значении // Памяти академика Льва Владимировича Щербы. – Л., 1951.
90. Евгеньева А.П. Очерки по языку русской устной поэзии. М. – Л., 1963.
91. Едличка А. Типы норм языковой коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XX. – М.: Прогресс, 1988.
92. Еремина В.И. Поэтический строй русской народной лирики. – Л.: Наука, 1978.
93. Еремина В.И. Ритуал и фольклор. – Л., 1991.
94. Жабицкая Л. Восприятие художественной литературы и личность. – Кишинев: Штиинца, 1974.
95. Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи. – Ярославль, 1990.
96. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М., 1982.
97. Жирмунский В.М. Проблемы фольклора. – В кн.: С.Ф. Ольденбургу. – Л, 1934.
98. Жирмунский В.М. Теория стиха. – Л., 1975.
99. Журавлев А.П. Звук и смысл. – М.: Просвещение, 1991.
100. Земская Е.А. Речевые приемы комического а литературе. Исследования по языку советских писателей. – М., 1959.
101. Зеленин Д.К. Великорусские сказки Вятской губернии. // ЗРГО. Т. XLII, – 1915.
102. Иванов В.В. Об одном способе организации построения стихотворений // Проблемы структурной лингвистики /Отв. ред. В.П. Григорьев. – М., 1981.
103. Иванова Л.П. Какого цвета бывают слова.// Русская филология. – 1998. – № 1.
104. Иванова Л.П. К проблеме языковой и речевой нормы // Методика преподавания русского языка и литературы, – 1987, вып. 18.
105. Иванова Л.П. Шуточное описание нравов // Русская словесность в школах Украины,- 1999, – № 2.

106. Иванова Л.П. Структурно – функциональный анализ простого предложения. – К.: Выща школа, 1991.
107. Иванова Л.П. Методы лингвистических исследований. – К.: ІСД, 1995.
108. Иванова Л.П. Пособие к спецкурсу «Отображение языковой картины мира автора в художественном тексте (на материале романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» – К., 2000
109. Ионова И.А. Эстетическая продуктивность морфологических средств языка в поэзии. – Кишинев, 1989.
110. Кайев А.А. К характеристике современного устно-поэтического репертуара детей. – Ученые записки Орехово-Зуевского пединститута, 1958.
111. Капица О.И. Детский фольклор. – Л., 1928.
112. Караулов Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании – русского языка: VI конгресс МАПРЯЛ. – Будапешт, 1986.
113. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.
114. Квятковский А.П. Поэтический словарь. – М., 1966.
115. Керлот Х.Э. Словарь символов / Отв. ред. С.В. Пролеев. – М., 1994.
116. Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. – Л.: ЛГУ, 1978.
117. Клименко А.П., Ковалев В.П. Проблемы лексической системности в психолингвистическом освещении. – Минск, 1980.
118. Клименко А.П. Психолингвистика. – Минск, 1982.
119. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. – М.: Наука, 1986.
120. Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. – Пермь, 1966.
121. Козлова Р.Б. Заимствованная лексика в языке русского фольклора. А.К.Д. – Казань, 1974.
122. Колпакова Н.П. Книга о русском фольклоре. – Л., 1942.
123. Колпакова Н.П. Русская народная бытовая песня. М., – Л, 1962.
124. Кольцова М.М. Ребенок учится говорить. – М., 1979.

125. Кон И.С. Ребенок и общество. – М., 1988.
126. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. – М., 1988.
127. Кулешова О.Д. Роль фоносемантики в речевом воздействии // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990.
128. Купина Н.А. Структурно-смысловой анализ художественного произведения. – Свердловск, 1981.
129. Купер Дж. Энциклопедия символов. – М., 1995.
130. Лагутин В.В. Проблемы анализа художественного диалога. – Кишинев, 1991.
131. Лазутин С.Г. Особенности поэтики жанровых разновидностей русских народных песен. – В кн.: Вопросы поэтики литературы и фольклора. – Воронеж, 1977.
132. Лазутин С.Г. Поэтика русского фольклора. – М., Высшая школа, 1989.
133. Лаптева О.А. Дискретность в устном монологическом тексте // Рус. Яз.: Текст как целое и компоненты текста. – М., 1982.
134. Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. – М., 1976.
135. Лаптева О.А. Синтаксическая дискретность устного монологического текста. // Русский язык: Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. – М., 1984.
136. Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности. – М., 1965.
137. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – М., 1969.
138. Леонтьев А.А. Восприятие текста как психолингвистический процесс // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. – Киев: Вища школа, 1979.
139. Лепская Н.И. Язык ребенка: онтогенез речевой коммуникации. Монография. – М.: ИПО «Лев Толстой», 1997.
140. Лингвистика и поэтика. – М., 1979.
141. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энц., 1990.
142. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – Л.; 1967.

143. Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения // Вопр. лит., – 1968. – № 8.
144. Лихачев Д.С. О филологии. – М.: Высшая школа, 1989.
145. Лотман Ю.М. Лекции по структурной поэтике. В.1, – Тарту, 1964.
146. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970.
147. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. – Л.: Просвещение, 1972.
148. Лук Н.А. Эмоции и личность. – М.: Знание, 1982.
149. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. – Новосибирск: Наука, 1986.
150. Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. – М., 1975.
151. Лурия А.Р. Язык и сознание. – М., 1979.
152. Маковский М.М. «Картина мира» и миры образов (лингвокультурологические этюды) // Вопросы языкознания. – 1992. – № 6.
153. Максимов Л.Ю. Народная этимология и ее стилистические функции // Русский язык в школе. – 1982. № 3.
154. Мамакин И. Народные детские книги. – Живая старина, Вып. III, 1891.
155. Мандельштам О.О. О поэзии: Сб. Статей. – Л., 1928.
156. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, изд.2, т.1.
157. Маслова В.А. Параметры экспрессивности текста // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991.
158. Маслова В.А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста. – Минск: Вышэйшая школа, 1997.
159. Маслова В.А. Филологический анализ поэтического текста. – Минск, 1999.
160. Матвеева Т.В. Лексическая экспрессивность в языке. – Свердловск, 1986.
161. Мельников М.Н. Русский детский фольклор. – М., просвещение, 1987.
162. Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1998.
163. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М., 1979.
164. Мир детства и традиции культуры. Сборник. – М., 1995.
165. Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М., 1990.

166. Можаровский А.Ф. Из жизни крестьянских детей Казанской губернии. – Казань, 1882.
167. Налимов В.В. Вероятностная модель языка. – М.: Наука, 1979.
168. Негневицкая Е.И., Шахнорович А.М. Язык и дети. – М., 1981.
169. Никитина С.Е. Типы языковой оценки в народно-поэтических текстах. Русский язык: проблемы грамматической семантики. – М.: Наука, 1992.
170. Никифорова О.И. Психология восприятия художественной литературы. – М.: Книга, 1972.
171. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. – М.: Наука, 1983.
172. Одинцов В.В. Стилистика текста. – М.: Наука, 1980.
173. Оссовецкий И.А. Об изучении языка русского фольклора. //Вопросы языкознания. – 1952, – № 3.
174. Оссовецкий И.А. Язык былин как средство художественной изобразительности. УЗ, ЛГУ, 1954, № 173. Серия филологических наук, Вып. 20.
175. Оссовецкий И.А. Язык фольклора и диалект // Основные проблемы эпоса восточных славян. – М., 1958.
176. Пешковский А.М. Глагольность как выразительное средство // Методика родного языка. Лингвистика. Стилистика. Поэтика. – М. – Л., 1925.
177. Пиаже Ж.. Речь и мышление ребенка. – М. – Л., 1932.
178. Пиаже Ж. Генетический аспект языка и мышления // Психолингвистика. – М., 1984.
179. Пищальникова В.А. Концептуальный анализ поэтического текста. – Барнаул, 1991.
180. Пищальникова В.А. Проблема смысла художественного текста. Психолингвистический аспект. Новосибирск, 1992.
181. Потанин Г.Н. Сага о Соломоне. Восточные материалы к вопросу о происхождении Саги. – Томск, 1912.
182. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976.
183. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. – М.: Высш. Школа, 1990.

184. Поэзия крестьянских праздников. / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. И.И. Земцовского. Общ. ред. В.Г. Богданова. – Л., 1970.
185. Поэтика русского фольклора./ Сб. ст. – Л.: Наука, 1981.
186. Проблемы экспрессивной стилистики. – Ростов: РГУ, 1987.
187. Пропп В.Я. О русской народной лирической песне. В кн. Народные лирические песни. – Л., 1961.
188. Пропп В.Я. Жанровый состав русского фольклора. – Р. Л., 1964, № 4.
189. Пропп В.Я. Проблема комизма и смеха. – М., 1976.
190. Пропп В.Я. Фольклор и действительность. – М., 1976.
191. Пропп В.Я. Труды. Поэтика фольклора. – М., 1998.
192. Путилов Б.Н. Современная фольклористика и проблемы текстологии // Рус. Лит. – 1963. – № 4.
193. Реформатский А.А. Опыт анализа новеллистической композиции. – М., 1922.
194. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. – М.: Высшая школа, 1991.
195. Родионова Т.Н., Фомин В.И. Роль интонации в художественной коммуникации // Теории, школы, концепции. – М: Наука, 1986.
196. Русская грамматика. – М.: Наука, 1980.
197. Русский фольклор: песни, сказки, былины, прибаутки. – М.: Худ. лит., 1986.
198. Сахаров И.Н. Сказания русского народа. ч.1. СПб., 1838; ч. 4. СПб., 1839.
199. Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. – М.: Наука, 1983.
200. Сенкевич-Гудкова В.В. Элементы импровизации и традиционности на ранней стадии развития фольклора (на материале лирики кольских саамов) / В кн.: Русский фольклор, т. 5, – М. – Л., 1960.
201. Сеченов И.М. Кому и как разрабатывать психологию // Избранные философские и психологические произведения. – М., 1947.
202. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского языка. – Томск: изд-во Томского ун-та, 1981.

203. Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. – Горький, 1975.
204. Словарь русского языка / Гл. ред. Евгеньева А.П.– М.: Русский язык, 1999, - в IV томах.
205. Слухай Н.В. Міфопоетичний словник східних слов`ян. Сімферополь. 1999.
206. Слухай Н.В. Художественный образ в аспекте лингвистики текста. – Симферополь, 2000.
207. Сперанский М.Н. Русская устная словесность. – М., 1917.
208. Степанов Г.В. Язык. Литература. Поэтика. – М.: Наука, 1988.
209. Структура и семантика текста. – Воронеж, 1988.
210. Сырцов В.А. Относительные прилагательные в народнопесенной речи. – Вопросы теории и методики преподавания русского языка. Вып. 5. – Саратов, 1971.
211. Тарасов Е.Ф. Тенденции развития психолингвистики. – М., 1987.
212. Теля В.Н. Семантика экспрессивности / Семантические категории языка и методы их изучения. Ч.1, – Уфа, 1985
213. Теля В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986.
214. Теля В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция. В кн.: Метафора в языке и тексте. – М., 1988.
215. Теля В.Н. Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991.
216. Тимофеев Л.И. Очерки теории и истории русского стиха. – М., 1958.
217. Толстой Н.И. Из поэтики русских и сербохорватских народных песен / Поэтика и стилистика русской литературы. – Л., 1971.
218. Толстой Н.И. Языки культуры и проблемы переводимости. (О природе бинарных противопоставлений правый-левый). – М.: Наука. 1987.
219. Толстой Н.И. Славянский и балканский фольклор. – М.: Наука, 1989.
220. Толстой Н.И. Язык и народная культура. – М., 1995.
221. Тресиддер Дж. Словарь символов. – М.: Гранд, 1999.

222. Тропинина Н.И. Глагол как средство речевого воздействия. – М., МГУ, 1989.
223. Трубецкой Н.С. К проблеме русского самопознания. – Париж, 1927.
224. Тураева З.Я. Лингвистика текста. – М.: Высш. школа, 1980.
225. Тынянов Ю.Н. проблема стихотворного языка. – М., 1965.
226. Урысон Е.В. Дух и душа: К рекомендации архаических представлений о человеке // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Индрик, 1998.
227. Ухов П.Д. Детские песни, записанные А.Марковым в центральных губерниях в 1892-1896 годах // Вестник МГУ. – 1961, – № 4.
228. Федоров А.И. Семантическая основа образных средств языка. – Новосибирск: Наука, 1969.
229. Фольклор как искусство слова. – М.: МГУ, 1981.
230. Фридрих С.А. Экспрессия в языке и речи. – Владимир, 1990.
231. Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Вып.2. – М., 1962.
232. Хроленко А.Т. Об использовании паратактических конструкций в русской народной лирической песне // Изд. Воронежского пед. ин-та. 1968. т.81. Вопросы грамматики, стилистики и диалектологии русского языка.
233. Хроленко А.Т. О жанровой специфике лексики русского фольклора. – УЗ Курского ПИ, т. 72. Краткие очерки по русскому языку. 3, – 1975, – № 4.
234. Хроленко А.Т. Ассоциативные ряды в народной лирике. Сб. Русский фольклор. – М., 1976.
235. Хроленко А.Т. Лексика русской народной поэзии. – Курск, 1976.
236. Хроленко А.Т. Семантическая структура фольклорного слова // Русский фольклор. – Л., 1979, т.19.
237. Хроленко А.Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. – Воронеж, 1981.
238. Цейтлин Р.М. Речевые ошибки и их предупреждение. – С.-Петербург, 1997.

239. Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991.
240. Черемисина М.И. Экспрессивный фонд и пути его изучения // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск, 1989.
241. Чернухина И.Я. Общие особенности поэтического текста. – Воронеж, 1987.
242. Чистов К.В. Поэтика славянского фольклорного текста. Коммуникативный аспект // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. – М., 1978.
243. Чистов К.В. Вариативность и поэтика фольклорного текста // История, культура, этнография, фольклор славянских народов. – М., 1983.
244. Чичерин А.В. Традиция и авторское начало в фольклоре. – СЭ, – 1946, – № 2
245. Чичерин А.В. Ритм образа стилистических проблем. – М., 1980.
246. Чуковский К.И. От двух до пяти. – М., 1990.
247. Шахнорович. А.М. К проблеме психолингвистического анализа детской речи. – М., 1974.
248. Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. – Волгоград, 1987.
249. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М., 1960.
250. Шервинский С.В. Ритм и смысл: к изучению поэтики Пушкина. – М., 1961.
251. Шмелев Д.Н. Лексика // Слово и образ. – М.: Просвещение, 1964.
252. Шмелев Д.Н. и др. Русский язык в его функциональных разновидностях. – М.: Наука, 1977.
253. Штокмар М.П. Исследование в области русского народного стихосложения. – М., 1952.
254. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.
255. Эспрессивность текста и перевод. – Казань: КГУ, 1991.
256. Элиаш Н.М. Русские колыбельные песни. Опыт классификации фольклорного жанра. Диссертация кандидата филологических наук, 1944.
257. Язык и личность. – М., 1989.

258. Язык и стиль произведения фольклора и литературы. – Воронеж, 1986
259. Язык русского фольклора. – Петрозаводск, 1985; 1988.
260. Языковые процессы современной русской литературы: Поэзия. – М., 1978.
261. Якобсон Р.О. О соотношении между песенной и разговорной речью // Вопросы языкознания. – 1962. - № 3
262. Якобсон Р.О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии. // Семиотика. – М., 1983.
263. Якобсон Р.О. Работы по поэтике. – М.: Прогресс, 1987.
264. Яковлева Е.С. К описанию русской языковой картины мира. // Русский язык за рубежом. – 1996. - № 1-2-3.